

Д. В. Никитинъ (Фокагитовъ).

НА БЕРЕГУ

И ВЪ МОРЪ

**Морское Издательство при Каютъ -
Компаніи Морскихъ Офицеровъ
въ Санъ Франциско.**

**3008 Clay str. San Francisco Calif.
U. S. A.**

Д. В. Никитинъ (Фокагитовъ)

НА БЕРЕГУ И ВЪ МОРЪ

**Морское Издательство при Каютъ - Компани
Морскихъ Офицеровъ въ Санъ Франциско.
3008 Clay str. San Francisco Calif. U. S. A.**

Всѣ права сохранены за авторомъ.
All rights reserved.

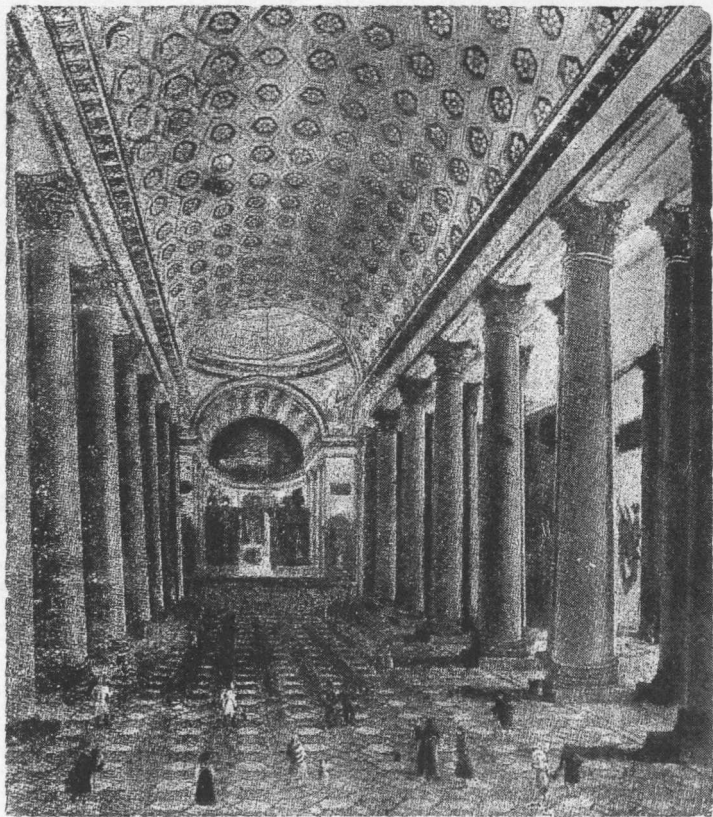
**Bayerische
Staatsbibliothek
München**

Книга отпечатана в собственной
Типографіи Издательства „СЛОВО“
238, Avenue du Roi Albert
Shanghai.

Оглавление

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

1.	Въ Кронштадтѣ съ старыя годы... ..	5
2.	Дни давно минушіе... ..	15
3.	На родинѣ Сервантеса	29
4.	Островъ Критъ	41
5.	Владивостокская старина..	51
6.	Въ Минномъ классѣ	71
7.	Портъ Артуръ	87
8.	На Южномъ Сахалинѣ	105
9.	Начало Боксерскаго возстанія	119
10.	Шанхайгуань	127
11.	Судовой врачъ	143
12.	На Копенгагенскомъ рейдѣ	155
13.	Какъ началась война съ Японіей... ..	163
14.	Генераль Стессель	185
15.	Въ ставкѣ Куропаткина	192
16.	Въ дни Цусимы	213
17.	Въ октябрѣ 1905 года	223
18.	Тревожный іюль... ..	239
19.	1-го Сентября 1923 года	259

Казанскій Соборъ.

Въ Кронштадтѣ въ старые годы.

Изъ окна верхняго этажа небольшого каменнаго дома въ Кронштадтѣ, гдѣ жили мои родители, видна обширная площадь. Посреди ея возвышается выкрашенное въ бѣлый цвѣтъ зданіе собора простой строгой архитектуры. Много такихъ церквей было построено въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ Россіи въ концѣ 18 и въ началѣ 19 вѣка. Стиль этотъ въ послѣдствіи стали называть «Александровскимъ Ампиромъ».

Высокій шпигъ колокольни, увѣнчанный крестомъ, горитъ въ лучахъ заходящаго солнца, которое отражается также на золоченомъ куполѣ. Въ послѣдствіи позолота купола была закрашена голубой краской.

Тѣнь отъ собора широкой полосой ложится на булыжникъ мостовой площади и сосѣдней, всегда пустынной, Соборной улицы, пробивается сквозь чугунныя рѣшетки Обводнаго канала и длиннымъ клиномъ протягивается по крышамъ темныхъ кирпичныхъ складовъ военнаго порта.

Такимъ этотъ соборъ представляется мнѣ въ воспоминаніяхъ моего дѣтства.

Гулъ колоколовъ Андреевскаго собора кажется и посейчасъ живетъ въ моей памяти. По этому звону располагался порядокъ жизни въ

нашемъ домѣ: «Звонятъ къ вечернѣ — значитъ: ужь четыре часа» говорили тогда. Или: «Благовѣстятъ ко всенощной — уже седьмой часъ». Съ гуломъ соборныхъ колоколовъ, то частымъ и веселымъ съ перезвонами, то унылымъ и рѣдкимъ связываются у меня представленія о пасхальныхъ праздникахъ и о великопостныхъ будняхъ.

Стѣны собора въ лѣсахъ, а кругомъ него сложены кучи строительныхъ матеріаловъ. Къ намъ въ домъ то и дѣло бѣгаютъ какіе-то подрядчики, десятники и рабочіе. Идетъ оживленная дѣятельность по расширенію собора: снаружи зданія возводятся новыя стѣны. Соборъ будетъ вмѣщать въ полтора раза больше молящихся, чѣмъ прежде. Хлопоты выпадаютъ на долю моего покойнаго отца, стараго земскаго и городского дѣятеля. Онъ былъ старостой собора въ теченіе многихъ лѣтъ. На его обязанности лежитъ сборъ пожертвованій на эту работу и руководство ею. Смѣтные расчеты, какъ это обыкновенно бываетъ — не оправдываются. Все обходится дороже, чѣмъ раньше казалось. Отцу приходится сильно приплачивать изъ своихъ средствъ.

Прихорашивается одновременно и унылая мощеная булыжникомъ Соборная площадь. На ней разбивается садикъ съ кривыми, въ англійскомъ вкусѣ, дорожками. Отецъ большой англоманъ. Онъ называетъ этотъ садикъ «скверомъ». Онъ любовно сажаетъ деревья и устраиваетъ фонтанъ по-средиѣ. Затѣя съ садомъ уже

совсѣмъ въ смѣту не входитъ и отецъ дѣлаетъ все на свой счетъ. Въ первые годы садикъ такъ и назывался его именемъ, а лѣтъ черезъ 30, когда пишушій эти строки снова попалъ въ родной городъ, будучи командиромъ военного судна, только вершины высоко разросшихся и широко раскинувшихъ свои тѣнистыя вѣтви деревьевъ этого садика, шелестя листьями при вѣтрѣ, казалось шептали имена тѣхъ, кто ихъ сажалъ когда-то.

Настоятелемъ собора былъ протоіерей о. Павелъ Вас. Трачевскій, сѣдой, со старческой невнятною рѣчи. Мы, тогдашніе гимназисты, бѣгавшіе въ школу въ синихъ мундирчикахъ съ серебряными пуговицами и съ кожаными ранцами за спиной, считали старика «сердитымъ». Но намъ нравилось когда подъ сводами собора, сдѣланными въ видѣ точной копіи со сводовъ Петербургскаго Казанскаго собора, звучалъ и отражался эхомъ мягкій басъ высокаго и виднаго протодьякона о. Владиміра Вас. Полетаева.

Вторымъ священникомъ собора и ключаремъ его былъ преподававшій намъ въ гимназіи законъ Божій о. Иванъ. Фамилія его была Сергіевъ.

Отцу Ивану нужно отвести особое почетное мѣсто въ моемъ разсказѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ вся Россія узнала этого скромнаго священника, уроженца заброшеннаго въ глуши Архангельской губерніи села Суры. Не только въ предѣлахъ

нашей родины, но и за границей онъ сталъ извѣстенъ какъ «Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій».

Со времени своего назначенія въ Кронштадтъ, о. Іоаннъ сталъ другомъ моихъ родителей и частымъ гостемъ у нихъ. Мой отецъ былъ его помощникомъ и сотрудникомъ, когда онъ вырабатывалъ планъ совершенно новаго тогда для Россіи учрежденія: Дома Трудолюбія для доставленія заработка и помощи всѣмъ сирымъ и убогимъ, оказавшимся въ тяжеломъ положеніи. вмѣстѣ съ моимъ отцомъ онъ и приводилъ этотъ проектъ въ исполненіе въ Кронштадтѣ.

Въ гимназіи урокъ Закона Божія. Послѣ молитвы за преподавательскій столикъ садится о. Іоаннъ. На его щекахъ играетъ румянецъ и онъ кажется моложавымъ, не смотря на пробивающуюся сѣдину въ бородѣ. Огнемъ, но огнемъ доброты и привѣтливости горятъ его свѣтло-голубые глаза. Этихъ глазъ не забудетъ никто, кто ихъ видѣлъ. Батюшка, не въ примѣръ прочимъ преподавателямъ, говоритъ всѣмъ намъ «ты» и это «ты» звучитъ такъ необыкновенно просто и естественно въ его устахъ. Обратись къ намъ такъ другой педагогъ — это показалось бы намъ грубымъ и даже оскорбительнымъ.

Двое моихъ одноклассниковъ начинаютъ играть въ «перышки» на его урокѣ. «Ничего. Отецъ Иванъ добрый, да онъ и не замѣтитъ». Но батюшка замѣтилъ, тотчасъ же извлекъ обоихъ съ ихъ мѣстъ и попросту поставилъ на колѣнки

около своего столика. Одного «одесную», другого — «ошую» себя.

Какъ сейчасъ вижу эту картину. Преподавательскій столикъ приходится какъ разъ на высотѣ глаза стоящихъ на коленкахъ и тѣ, вытягивая, сколь возможно, свои шеи стараются разсмотрѣть, что батюшка пишетъ въ классномъ журналѣ.

— Вотъ, уже я васъ, — говоритъ онъ имъ, стараясь казаться сердитымъ, но тѣ въ отвѣтъ только широко улыбаются, по глазамъ его видя, что это только такъ — одна угроза.

Мои родители рассказывали, что когда о. Іоанна назначили въ Кронштадтъ, городъ считающій себя пригородомъ Петербурга, то мѣстные обыватели, привыкшіе видѣть своихъ батюшекъ щеголевато одѣтыми въ рясы моднаго покроя и старающимися держать себя на «столичный» ладъ, ворчали про себя: «Ну и прислали попа. Простого сельскаго. Никакого вида у него нѣту».

Не нравилось имъ также и проникновенная искренней мольбой къ Богу служба о. Іоанна, который то прогяжно, слогъ за слогомъ, произносилъ знакомые слова молитвы, то молніеносной скороговоркой выражалъ непосредственность своего обращенія къ Создателю.

Въ жизни о. Іоанна было два раздѣльныхъ періода и первый изъ нихъ являлся какъ бы подготовленіемъ его къ послѣдующему подвигу. Въ это

время для него существовали еще разныя мелкія утѣхи и радости жизни. Даже еще нѣкоторая суетность, свойственная всякому человѣку, была ему не чужда. Впослѣдствіи, когда о. Іоаннъ былъ уже членомъ Св. Синода и вполне равнодушно относился ко всѣмъ выпавшимъ на его долю высокими орденамъ и наградамъ, трогательно было вспомнить, какъ его заботило и огорчало, когда его скромнаго соборнаго священника почему-то обходили первой очередной маленькой наградой: орденомъ св. Анны 3 степени.

Въ моей памяти живетъ до сихъ поръ «Отецъ Иванъ» этого перваго періода, мой законоучитель, другъ моей семьи, частый гость въ нашемъ домѣ и на рѣдкость милый, и безконечно добрый человѣкъ.

Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ въ газетахъ стали появляться замѣтки, сначала отрывочныя и краткія, а затѣмъ все болѣе и болѣе подробныя о томъ необыкновенномъ вліяніи, которое сталъ имѣть о. Іоаннъ на народныя массы и объ исцѣленіи имъ сотенъ недугующихъ, совершенныхъ посредствомъ молитвы и простаго наложенія рукъ. Сообщалось также объ чудесномъ свойствѣ проповѣдника видѣть и ощущать событія, происходящія въ сотняхъ верстъ отъ него, а также объ его дарѣ проникать мыслью сквозь завѣсу грядущаго.

Нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ. Друзья и

знакомые о. Иоанна, которые какъ казалось, такъ недавно видѣли его запросто въ своихъ домахъ, поддерживающимъ за стаканомъ чая разговоръ на самыя обыденныя темы, причемъ онъ не отказывался и отъ рюмки легкаго вина, пришли сначала въ нѣкоторое смущеніе. «Что эти газеты дѣлаютъ съ нашимъ милымъ о. Иваномъ» говорили они. «Вѣдь они его какимъ то иконописнымъ угодникомъ и чудотворцемъ изображаютъ. Это же кощунство».

Какъ произошелъ въ душѣ о. Иоанна столь внезапный процессъ духовнаго преображенія, врядъ ли кто можетъ рассказать. Употребляя образное выраженіе поэта, передъ его очами предсталъ Кто-то, кто Своей властной рукой «грудь ему разсѣкъ мечемъ».

И сердце трепетное вынулъ

И уголь, пылающій огнемъ,

Во грудь отверстую водвинулъ.

Къ нему потекли со всѣхъ концовъ нашей обширной родины толпы ищущихъ помощи духовной и тѣлесной, онъ сталъ какъ въ Россіи, такъ и за ея предѣлами — высокимъ авторитетомъ въ религіозныхъ вопросахъ. Многіе, никогда и не подозревавшіе, что существуетъ такой городъ — Кронштадтъ, узнали что есть «о. Иоаннъ Кронштадтскій».

Но личной жизни у о. Иоанна, увы, не стало больше. Онъ какъ бы сгоралъ въ лучахъ своей

славы и не располагалъ больше своимъ временемъ. Онъ навсегда утратилъ возможность зайти вечеромъ въ гости къ кому-нибудь изъ своихъ знакомыхъ и друзья о. Іоанна могли теперь только мелькомъ видѣть его, когда окруженный жадно стремящейся къ нему толпою, онъ выходилъ изъ экипажа у подъѣзда дома, гдѣ живетъ ожидающій его помощи больной.

Обласканный Царской семьей и глубоко чтимый ею, онъ не погнался за лаврами пресловутаго «старца Григорія» и былъ безконечно далекъ отъ стремленія къ какимъ бы то ни было мірскимъ благамъ и почестямъ.

Въ моей семьѣ былъ такой случай: В концѣ 80-хъ годовъ поступалъ въ морское училище мой братъ. Отецъ нашелъ случай попросить о. Іоанна:

— Батюшка. Благословите новаго моряка на службу Царю и отечеству.

О. Іоаннъ сначала глубоко задумался, затѣмъ сразу какъ бы очнулся и обратившись къ кадету сказалъ:

— Да благословитъ тебя Господь всемогущій и да охранитъ тебя святая Десница Его какъ на водахъ, такъ и подъ водою.

За о. Іоанномъ уже установилась тогда слава провидѣнія будущаго. Поэтому сказанное батюшкой даже нѣсколько обезпокоило моего отца.

— Что это значитъ — «подъ водою». Тонуть моему сыну придется что ли, — говорилъ онъ прійдя домой.

Слова о. Іоанна были затѣмъ прочно забыты. Вспомнили объ нихъ только черезъ четверть вѣка, когда братъ былъ назначенъ командиромъ подводной лодки.

Въ то время, когда о. Іоаннъ произносилъ свои вѣщія слова еще и разговоровъ не было о судахъ плавающихъ «подъ водою».

Въ послѣдніе годы жизни о. Іоанна злобный ликъ грядущаго большевизма сталъ показываться на горизонтѣ. О. Іоаннъ былъ всегда полонъ снисхожденія къ людскимъ слабостямъ и прегрѣшеніямъ, но по адресу губителей нашей родины онъ нашелъ слова гнѣва и проклятія. Огненнымъ словомъ Саванаролы обрушился онъ на нихъ въ своихъ проповѣдяхъ, полныхъ горячаго патріотизма. Это не было очевидно забыто теперешними московскими владыками. Имъ нужно было стереть съ лица земли все напоминающее объ о. Іоаннѣ, ибо память о немъ несомнѣнно до сихъ поръ живетъ среди подвластнаго большевикамъ населенія.

Поэтому они разрушили Андреевскій соборъ столь тѣсно связанный съ его именемъ. Будутъ ли благодаря этому забыты завѣты о. Іоанна и будетъ ли забытъ онъ самъ — покажетъ будущее.

Д. С. Арсенъевъ.

Дни давно минувшіе

*О, дней моихъ весна,
Какъ быстро скрылась ты.*

Жуковскій.

Петербургская публика называла насъ обычно «Морскими кадетами». Что же касается сухопутныхъ офицеровъ, то они, обращаясь къ намъ, обыкновенно говорили: «Послушайте, юнкеръ», ибо на погонахъ у большинства изъ насъ красовались золотыя юнкерскія нашивки. Официальное же наше наименованіе, принятое и въ морскомъ разговорномъ языкѣ, носило болѣе штатскій характеръ — «Воспитаники Морского училища». Самый старшій выпускъ носилъ, впрочемъ, особое названіе «Гардемарины».

Начальникомъ училища былъ тогда свиты Его Величества контръ-адмиралъ Дмитрій Сергѣевичъ Арсеньевъ. По своей свитской должности онъ несъ очередныя дежурства при государѣ Александрѣ III. Не разъ въ самые глухіе часы ночи слышались заглушенные коврами шаги, и свѣтъ ночной лампы въ спальнѣ нашей роты отражался на золотомъ аксельбантѣ адмирала. Возвращаясь съ какого-нибудь придворнаго бала, Арсеньевъ, въ сопровожденіи дежурныхъ, не лѣнился обойти все училище, не пропустивъ ни одного уголка.

Молодежь училища всегда, во всѣ эпохи его

существованія, чисто по-институтски «обожала» тѣхъ дѣятелей во флотѣ, имена которыхъ непосредственно связаны были съ плаваніемъ въ далекихъ моряхъ. Полная необъяснимыхъ чудесъ Индія, таинственная полутропическая Японія и странный, непонятный «недвижный» Китай всегда рисовались въ воображеніи кадетъ, какъ особый міръ, полный очарованія и обѣщающій такія переживанія и приключенія, которыхъ не найдешь въ прозѣ обычной жизни.

Арсеньевъ, ушедшій изъ строевой службы молодымъ штабъ офицеромъ и цѣликомъ посвятившій себя воспитательной дѣятельности, не былъ поэтому популяренъ среди воспитанниковъ: «Онъ свитскій, мало плавалъ, а кораблями и совсѣмъ не командовалъ», — говорили они.

Арсеньевъ зналъ всѣхъ кадетъ и гардемаринъ не только по имени. Онъ былъ отлично освѣдомленъ: кто какъ занимается и какъ себя ведетъ. Онъ прекрасно зналъ семейное положеніе каждаго изъ насъ.

Тогда, я помню, намъ казалось, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и что знать всю подноготную о каждомъ изъ 300 воспитанниковъ — вещь очень простая и легкая.

Моложавый, видный, выше средняго роста, съ начинающими сѣдѣть волосами, Арсеньевъ былъ большой баринъ по внѣшности. Онъ являлся крупной фигурой въ тогдашнемъ петер-

бургскомъ высшемъ свѣтѣ, а какъ бывший воспитатель двухъ молодыхъ братьевъ Государя вел. кн. Сергѣя и Павла, былъ своимъ челоѣкомъ при дворѣ Александра III. Въ свѣтѣ его уважали и съ нимъ считались, подшучивая, правда, иногда надъ его очень ярко выраженною религіозностью.

Столичныя барыни, склонныя къ сплетнямъ, случилось, говорили одна другой шопотомъ про нашего начальника: «Онъ всю свою карьеру сдѣлалъ на благочестіи». По ихъ словамъ, дамы, близкія ко двору и бывавшія въ церкви департамента Удѣловъ на Литейномъ проспектѣ, самой фешенебельной изъ петербургскихъ домовыхъ церквей, обратили вниманіе на сравнительно молодого морского офицера, который всегда очень усердно молился, истово отбивая земные поклоны. Въ это время подыскивали подходящее лицо на должность воспитателя юныхъ великихъ князей. Сообщили государю, тотъ сказалъ: «Чего же намъ дальше искать». Арсеньевъ къ тому же имѣлъ академическій значекъ, принадлежалъ къ старинному дворянскому роду и обладалъ хорошими связями въ надлежащихъ кругахъ.

Всѣ шесть лѣтъ пребыванія моего выпуска въ Морскомъ училищѣ Арсеньевъ былъ нашимъ начальникомъ. За это время мы его хорошо узнали и я скажу, что въ набожности его отнюдь не было чего-нибудь напускного. Онъ былъ дѣйстви-

тельно глубоко вѣрующимъ, религіознымъ чело-
вѣкомъ.

Училище въ его время стояло очень высоко въ глазахъ общества. На гардемаринскій балъ, устраивавшійся Арсеньевымъ въ самый разгаръ зимняго сезона, неизмѣнно пріѣзжала вся великокняжеская молодежь, отъ души веселившаяся въ той обстановкѣ, которую онъ умѣлъ для нее создать.

У Арсеньева былъ одинъ крупный недостатокъ: онъ не былъ рожденъ ораторомъ, но, тѣмъ не менѣе, старался своимъ словомъ воздѣйствовать на воспитанниковъ при всякой къ тому возможности. Особенно плохо приходилось тѣмъ несчастливцамъ, которые приносили съ собой из отпуска нѣкоторыя болѣзни, относящіяся къ разряду «неприличныхъ» и попадали въ то отдѣленіе училищнаго лазарета, которое неофициально называлось почему то «деревней».

Арсеньевъ входитъ въ это отдѣленіе. Пострадавшій въ халатѣ стоитъ около своей койки, потупивъ очи съ видомъ глубокаго раскаянія. Адмиралъ, взирая на него съ миной брезгливаго сожалѣнія, начинаетъ говорить въ носъ, очень длинно и монотонно. При этомъ онъ слегка покачивается въ тактъ своей рѣчи и какъ бы дирижируетъ, помахая передъ собой указательнымъ пальцемъ:

— Какъ это гадко. Какъ это мерзко. Какъ тяжело и непріятно будетъ узнать объ этомъ ва-

шей глубокоуважаемой матушкѣ и вашему почтенному батюшкѣ... и т. д., и т. д.

А объектъ нравоученія въ это время стоитъ и думаетъ: «Скоро ли ты наконецъ кончишь. И безъ того пріятности не много, а онъ еще отчитываетъ».

Помощникомъ себѣ въ дѣлѣ религіознаго воспитанія юношества Арсеньевъ избралъ протоіерея Бѣлявскаго, который былъ высокій, пожалуй больше 6 футовъ ростомъ и сухощавый. Клички въ учебныхъ заведеніяхъ случается даются учениками съ извѣстной долей остроумія, иногда же безъ всякаго смысла. У о. Бѣлявскаго, въ высшей степени достойнаго служителя церкви и прекраснаго педагога, была кличка какъ разъ второго рода. Но она почему то прочно закрѣпилась за нимъ и передавалась въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ отъ одного выпуска другому. Его называли «Козой въ сарафанѣ».

О. Бѣлявскій прекрасно удерживалъ нашу молодую братію въ предѣлахъ дисциплины на своихъ урокахъ. Въ то же время онъ съ большимъ спокойствіемъ выслушивалъ нѣкоторые вопросы учениковъ, задаваемые законоучителю съ единственной цѣлью показать свои потуги на остроуміе. Онъ даже имѣлъ терпѣніе иногда отвѣчать на такіе вопросы по существу.

Первая недѣля Великаго поста сразу же вносила большую перемѣну въ жизнь училища. Больше не игралъ на хорахъ столоваго зала училищ-

ный оркестръ. На обѣдъ намъ стали давать картофельные котлеты съ грибнымъ соусомъ и «корюшку повзводно»: маленькую рыбку, зажаренную на большихъ противняхъ и рядами приставшую одна къ другой. Такъ намъ ее и накладывали на тарелки порціями въ нѣсколько соединенныхъ между собой рыбокъ.

Здѣсь, въ Америкѣ, я съ радостью встрѣтилъ эту скромную, безпритязательную рыбешку. Она, конечно, имѣетъ особое англійское названіе и говорятъ всегда водилась у береговъ Новаго Свѣта.

Но мнѣ хочется вѣрить, что она нарочно приплыла издалека въ воды Тихаго океана, чтобы напомнить мнѣ о дняхъ безвозвратно умчавшейся молодости.

Половина ротъ училища говѣла на первой, другая на четвертой недѣлѣ. Уроковъ у говѣющихъ, какъ я припоминаю, не было. Вмѣсто этого мы отстаивали длинныя великопостныя, проводимыя почти по монастырскому обычаю службы въ нашей церкви. Въ промежуткахъ неустанный о. Бѣлявскій устраивалъ духовныя бесѣды.

Тогда мы этого не сознавали, но несомнѣнно у о. протоіерея былъ талантъ: вызвать и укрѣпить въ насъ настроеніе, соотвѣтствующее недѣлѣ говѣнія. Правда большинство изъ насъ было изъ среды религіозно-настроенной и вліянію этого большинства несомнѣнно подчинялась болѣе легкомысленная и менѣе склонная къ набожности часть кадетъ.

Идутъ одинъ за другимъ дни недѣли говѣнія. Въ церкви царить полутьма, батюшка служитъ «часы». О. Бѣлявскій въ одной эпитрахили выходитъ передъ Царскія врата. Мы стоимъ тихо, шеренгами. Въ храмѣ кромѣ насъ, говѣющихъ, никого нѣтъ.

«Господи и Владыко живота моего»... начинается священникъ читать трогательныя слова молитвы Ефрема Сирина. Три раза мы становимся на колѣни во время ея, кладемъ земной поклонъ и встаемъ снова. Батюшка, пожилой человѣкъ служитъ намъ примѣромъ какъ отбивать эти поклоны. Хоть и спиной онъ къ намъ стоитъ, но сразу замѣтитъ если кто-нибудь начнетъ эти поклоны упрощать.

«Духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми», — говорит о. Бѣлявскій. Насчетъ «празднословія», увы, грѣшниками въ послѣдствіи оказывались нѣкоторые изъ паствы почтеннаго о. протоіерея, когда имъ приходила въ голову блажь заниматься писательствомъ.

Ко дню исповѣди почти умолкалъ обычный веселый шумъ въ ротѣ, выходили на время изъ обихода разныя шутки и прибаутки. Въ младшихъ ротахъ батюшка раздавалъ какія-то брошюрки или листочки съ перечисленіемъ возможныхъ человѣческихъ прегрѣшеній. Молодежь сидѣла и зубрила наизусть свои грѣхи въ порядкѣ заповѣдей. Насъ исповѣдниковъ много, а у батюшки времени не такъ много въ распоряженіи. Вотъ онъ

и просилъ каждого заранѣе въ умѣ списокъ своихъ грѣховъ составить.

— Федоръ Федоровичъ, — обращается къ дежурному офицеру мальчуганъ. — Вонъ тутъ въ списокѣ показанъ грѣхъ малакія, а что это значитъ «малакія», я спрашивалъ, никто не знаетъ.

— Малакія, ма-ла-кія, гмъ, я что-то не помню, — говоритъ Ф. Ф. Сильманъ. — Дайте ка сюда этотъ вашъ листочекъ.

— Знаете что, — говоритъ онъ наконецъ. — Ни вы, ни я о такомъ грѣхѣ не слышали. Врядъ ли по этой части мы съ вами много нагрѣшили.

Исповѣдники, побывавшіе подъ эпитрахилью о. Бѣлявскаго, возвращаются въ роту глубоко растроганными. Вечеромъ уже исповѣдывавшіеся, въ большомъ числѣ сидятъ за ужиномъ не притрагиваясь къ подаваемымъ блюдамъ. Не пьютъ даже чаю. «Я и дома всегда такъ дѣлалъ: ничего не пилъ и не ѣлъ между исповѣдью и причастіемъ», говорятъ они.

О. Бѣлявскій, между прочимъ, отнюдь отъ нихъ не требовалъ, чтобы они воздерживались отъ ужина наканунѣ причастія. Это былъ уже какъ бы родъ религіознаго фанатизма.

На другой день причастниковъ поздравляетъ начальникъ училища. Мы идемъ фронтомъ въ столовый залъ. Тамъ насъ ждетъ чай и особый презентъ: передъ кружкой каждого лежитъ французская булка, разрѣзанная пополамъ и внутри густо

намазанная малиновымъ вареньемъ. Эта традиционная булка кажется вкусной до неимоверности. Чувствуется необычайная радость на душѣ: грѣховъ больше нѣтъ, а сейчасъ намъ предстоитъ идти въ отпускъ домой на воскресенье.

На Страстной недѣлѣ также нѣтъ уроковъ. Идутъ установленныя церковныя службы. Общее увольненіе въ отпускъ на Пасху бывало, какъ я помню, по четвергамъ. Но насъ, имѣющихъ родителей, въ Кронштадтѣ, увольняли обычно въ среду послѣ обѣдни. Петербуржцы, завидуя намъ, кричали намъ вслѣдъ, когда мы уходили въ отпускъ — Эй, вы, кронштадскіе посадскіе.

Въ Кронштадтѣ рѣдкими ударами гудитъ большой колоколъ Андреевскаго собора, обозначая которое изъ Евангелій прочитано на вечернемъ чтеніи Страстей Господнихъ. Служитъ самъ отецъ Іоаннъ. Когда онъ начинаетъ читать главу Евангелія, онъ, видимо, далеко удаляется отъ всего окружающаго. Онъ переживаетъ всей душой Страсти Господни. Онъ вдругъ начинаетъ самъ себя перегонять. Слова бѣгутъ неудержимымъ потокомъ. Затѣмъ онъ какъ будто бы снова замедляетъ темпъ, растягиваетъ каждое слово. О. Іоаннъ не смотритъ на Священную книгу; то, что тамъ написано, онъ съ дѣтства, когда еще былъ мальчикомъ въ глухомъ селѣ Сурѣ, Архангельской губерніи, вытвердилъ наизусть.

Сейчасъ онъ не съ нами. Онъ тѣломъ находится среди насъ, но духомъ мыслію онъ въ далекой

странѣ Іудейской. Читая Священные строки онѣ подымается вмѣстѣ съ Христомъ на небольшой холмъ въ окрестностяхъ столичнаго города. День уже перевалилъ за полдень. Идти въ гору жарко, мѣсто заброшенное, печальное. Сюда приходятъ толпы только въ дни даровыхъ зрѣлищъ: мученія и казни людей. Дороги хорошей нѣтъ, ноги вязнуть въ песокѣ, острый щебень чувствуется даже сквозь подошву. Раскрывши рта, смотритъ на происходящее іерусалимская чернь. Это ея день. Но среди оборванцевъ есть и болѣе нарядно одѣтые люди — завсегдатаи всякихъ казней, любители сильныхъ ощущеній.

На вершину холма, однако, проходимцевъ не пускаютъ. Небольшой караулъ всего въ нѣсколь-ко человѣкъ выглядить слишкомъ внушительно. Втянутые въ войну и походы, мускулистые люди въ красивыхъ каскахъ и латахъ имѣютъ у бедра короткіе острые мечи, а въ рукахъ длинныя копья съ металлическимъ наконечникомъ. Ударъ такимъ мечомъ плашмя по головѣ и черепъ будетъ проломленъ. Чернь это знаетъ и боязливо косится на столь нарядно одѣтыхъ, но непріятныхъ ей иностранцевъ. Выраженіе лицъ у солдатъ сурово равнодушно: «Намъ что-жъ, — думаютъ эти люди. — Насъ назначили сюда въ нарядъ наблюдать за порядкомъ, а что тутъ происходитъ — для насъ безразлично»...

Отецъ Іоаннъ взглянулъ вверхъ на купола со-

бора, увидѣлъ изображенія 4-хъ Евангелистовъ, столь ему знакомыя за годы его служенія здѣсь. Опустилъ взоръ на аналой съ Евангеліемъ, вспомнилъ, что его слушаетъ его паства и онъ обычнымъ тономъ читающаго Священную книгу священника заканчиваетъ главу.

Голосъ о. Іоанна, довольно высокаго тембра, «удивительно молодой голосъ» какъ тогда говорили, звучитъ все такъ же, какъ нѣскольکو лѣтъ тому назадъ когда, въ гимназіи онъ былъ моимъ законоучителемъ, звучитъ такъ же, какъ у насъ въ домѣ, гдѣ онъ былъ близкимъ другомъ моего отца и часто запросто бывалъ. 13 лѣтъ они прослужили вмѣстѣ въ соборѣ, гдѣ мой отецъ былъ старостой. Удивительнымъ сейчасъ кажется, что онъ, какъ и всякій другой гость, принималъ чашку чаю изъ рукъ матери, не отказывался отъ рюмки вина, принималъ участіе въ разговорахъ на общія темы, его интересовали тогда всякія «злобы дня».

Страстная пятница... Поражающей своей высокой простотой и величественностью обрядъ «Выноса Плащеницы», лишенный всякой ненужной вычурности. Онъ отъ этого дѣлается только болѣе трогательнымъ. Пѣвчіе тихо, сдержанно поютъ «Благообразный Іосифъ». Мотивъ этотъ такой необычный, неповторяемый ни въ одномъ пѣснопѣніи въ году.

Девятнадцать вѣковъ тому назадъ небольшая

группа вѣрующихъ тайкомъ пробиралась ко «Гробу нову» со своей Драгоценной Ношей. Если они тогда, хотя бы въ полголоса пѣли при этомъ — ихъ пѣснь должна была звучать именно на этотъ мотивъ, полный безысходнаго горя.

Сколько художественнаго чутья было у тѣхъ кто въ столь далекія отъ насъ времена устанавливалъ нашу православную обрядность. Какимъ совершеннымъ «чувствомъ мѣры» они обладали. Они установили выносъ Плащаницы, которая, конечно, лишь символически представляетъ Тѣло Христово. Они воздержались отъ всякаго фальшиваго, неумѣстнаго въ данномъ случаѣ реализма.

Пасхальная заутреня... Со своими родными я нахожусь на клиросѣ одной изъ кронштадтскихъ домовыхъ церквей. Здѣсь насъ не затолкиваютъ ибо кромѣ насъ, тамъ стоятъ только пѣвчіе въ своихъ красивыхъ синихъ кунтушахъ. Въ церкви темно и тихо. Клиросъ опустѣлъ, пѣвчіе ушли съ крестнымъ ходомъ. Слышно только сдержанное покашливаніе среди наполнившей до отказа, храмъ публики. Наконецъ, из-за запертой двери начинается едва слышное пѣніе хора и возгласы священника.

Вдругъ сразу, какъ бы неожиданно, широко распахиваются двери храма и внутрь его врывается вмѣстѣ съ огненной волной зажженныхъ восковыхъ свѣчей побѣдное, торжественное «Христось

Воскресе». Особый, незабываемый моментъ. Каждый годъ онъ повторяется и каждый разъ онъ васъ такъ же поражетъ.

Волна свѣта охватываетъ весь храмъ. Огоньки зажигательной нитки молніей перебѣгаютъ отъ одной свѣчи въ паникадилѣ къ другой. Лица освѣщенные свѣчами, которыя каждый держитъ въ рукѣ, выглядятъ совсѣмъ иными, чѣмъ въ будни. Всѣ стали красивѣе, привѣтливѣе, исчезла обычная угрюмость, суровость взора.

Все громче и громче звучитъ весь проникнутый радостью и надеждой пасхальный канонъ. «Другъ друга обьемемъ — слышится въ немъ, — «И ненавидящимъ насъ простимъ вся...» Разъ навсегда покончено со всякой людской злобой. Нѣтъ больше зависти и недоброжелательства, ибо: Христосъ Воскресъ.

Пѣвчіе опять наполнили клиросъ, регентъ все чаще и чаще машетъ рукой, повышая темпъ побѣднаго канона:

Ликуй нынѣ и веселися Сіонъ.

Ты же, Чистая, красуйся, Богородице,

О возстани Рождества Тво-е-го...

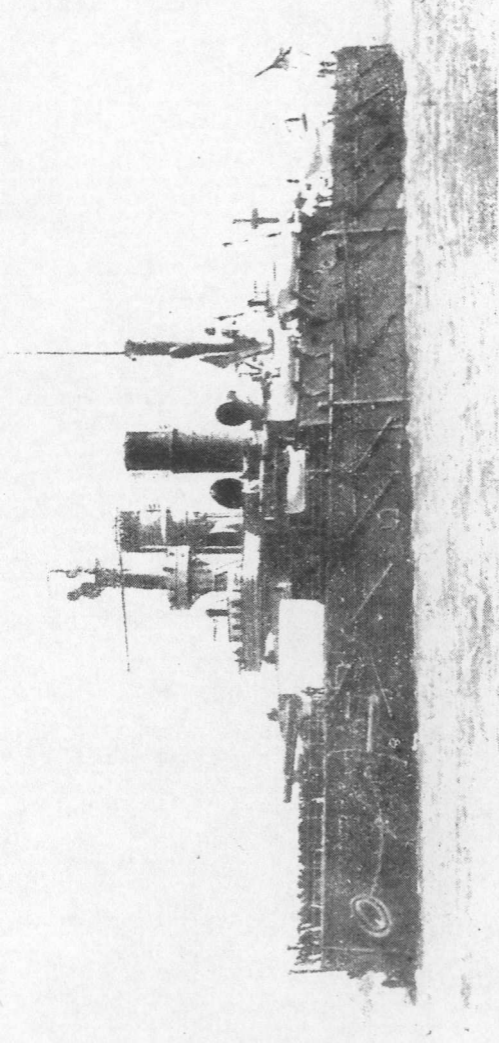
Мой сосѣдъ, мальчишка дискантъ, съ пухлыми, дѣтскими щеками, при словѣ «Рождества» беретъ такую высокую ноту, что у меня звенитъ въ ушахъ. Я невольно улыбаюсь, взглянувъ на него,

а онъ широко ухмыляется мнѣ навстрѣчу. А на душѣ легко, радостно и весело: наступилъ «Праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ».

Передо мною еще цѣлыхъ семь дней отпуска, цѣлыхъ семь дней ничѣмъ неомрачаемаго счастья, семь дней баловства, веселья и развлеченій. А главное, вы это себѣ представьте только, читатель, — никакихъ, то есть ровно таки никакихъ, заботъ.

Счастливые годы, веселые дни,

Какъ вешнія воды, промчались они.

Броненосецъ «Сысой Великій».

На родинѣ Сервантеса.

Испанія, родина Сервантеса и Мурильо, была воспѣта Пушкинымъ. Легкія игривыя рифмы его «Испанскаго романса» такъ легко укладываются въ музыкальный напѣвъ. Онѣ говорятъ намъ о далекой южной странѣ, о красавицахъ въ мантильяхъ, рѣшетчатыхъ балконахъ и мелодичныхъ звукахъ серенадъ подъ аккомпаниментъ гитары. «Каменный гость» нашего великаго поэта весь проникнутъ романтизмомъ старой Испаніи, оставившей въ наслѣдство грядущимъ поколѣніямъ прихотливые мавританскіе орнаменты надъ портиками Альказара и красивыя преданія о временахъ рыцарства, отъ котораго такъ далеко ушелъ въ своемъ «прогрессѣ» настоящій, практическій, далекій отъ идеаловъ рыцарства вѣкъ.

На рейдѣ Кадикса тяжелой темной массой на фонѣ выдержаннаго въ ярко-свѣтлыхъ тонахъ небольшого стариннаго портоваго городка рисуется стоящій на якорѣ нашъ броненосецъ. Въ городѣ много церквей. Купола и колокольни ихъ красивыми цвѣтными бликами выдѣляются среди ряда однообразныхъ изъ бѣлаго песчаника построенныхъ, невысокихъ, жилыхъ домовъ. До насъ доносится мелодичный перезвонъ церковныхъ колоколовъ — сейчасъ время католической мессы. Звонъ

этотъ не совсѣмъ похожъ на нашъ церковный благовѣстъ, но по временамъ онъ даетъ иллюзію: намъ кажется, что послѣ долгаго блужданія по чужимъ намъ краямъ мы слышимъ что то свое, родное. Невольно вспоминаются строки, вышедшія изъ подъ пера августѣйшаго поэта К. Р. (вел. кн. Константинъ Константиновичъ).

*Несется благовѣстъ. Какъ грустно и уныло
На сторонѣ чужой звучатъ колокола.*

*Опять припомнился мнѣ край отчизны милой
И прежняя тоска на сердце залегла.*

Переодѣвшись въ штатское, мы съѣзжаемъ на берегъ. Вотъ онъ испанскій городъ какъ бы покрытый пылью вѣковъ, видѣвшій на своемъ рейдѣ и корабли грозной Испанской армады, шедшей завоевывать Англію, и потрепанные въ Трафальгарскомъ бою остатки эскадры Вильнева. Наше воображеніе рисуетъ намъ, что тутъ же, гдѣ нибудь неподалеку за угломъ въ переулкѣ долженъ терпѣливо часами стоять въ плащѣ и съ гитарой въ рукахъ пылкій, молодой, по уши влюбленный «Лосъ Новіосъ», про котораго намъ столь образно и подробно рассказалъ въ своихъ испанскихъ повѣстяхъ В. И. Немировичъ-Данченко. Но красавицу, даму его сердца, стережетъ противная, злая, сморщенная старуха «дуэнья». Она и мѣшаетъ свиданью влюбленныхъ.

Дѣйствительность подарила насъ нѣкоторой прозой. Съ берега пахнуло вѣтеркомъ и мы по-

чувствовали, что городъ красавицъ въ мантильяхъ имѣетъ тотъ же специфическій довольно острый запахъ, что и всѣ прибрежные города и деревушки на Средиземномъ побережьѣ Европы. Подгорѣлое на очагахъ растительное масло и рыбій жиръ капающій, когда рыбу на вертелѣ поджариваютъ надъ огнемъ, развиваютъ своего рода «удушливые газы».

Паровые краны на набережной, столбы съ большими электрическими дуговыми лампами, также внесли въ насъ нѣкоторую нотку разочарованія. Этихъ вещей много и въ другихъ странахъ.

Наконецъ мы видимъ испанцевъ: группа портовыхъ грузчиковъ. Грязные, загорѣлые, неряшливо одѣтые люди, съ виду очень мало отличающіеся отъ нашихъ собственныхъ грузчиковъ, кронштадтскихъ посадскихъ, таскающихъ на плечахъ мѣшки на набережной петербургскаго Морского канала.

Одинъ изъ этихъ пролетаріевъ бросилъ въ сторону тотъ грузъ, который онъ тащилъ, чиркнулъ спичкой о подошву сапога и сталъ закуривать папиросу. Нѣсколькимъ его компаньонамъ такой образъ дѣйствій почему-то не пришелся по сердцу. Они тоже бросили работать, окружили курильщика и, размахивая энергично руками, стали очень оживленно ему что-то внушать! Хотя разговоръ шелъ на языкѣ Сервантеса, намъ въ деталяхъ неизвѣстномъ, тѣмъ не менѣе одинъ изъ моихъ спутниковъ, улыбнувшись, замѣтилъ:

— Здорово они умѣютъ по-матери гнуть.

Намъ хочется видѣть что-нибудь болѣе «испанское». Приходить на память безсмертный Кузьма Прутковъ:

Дайте мнѣ мантилью,

Дайте мнѣ гитару,

Донну Инезилью,

Кастаньетовъ пару.

Мы находимъ утѣшеніе, рассматривая картину ряда домовъ на кривыхъ и живописныхъ узенькихъ улицахъ. Простая, легкая и своеобразная архитектура невысокихъ 2-хъ этажныхъ зданій, каждое окно верхнее украшенное рисунчатымъ балкономъ показали намъ, что мы находимся на родинѣ Дон-Кихота. Но «Лосъ Новіосъ» отсутствовалъ. Быть можетъ, въ это время онъ отдыхалъ, утомленный ночнымъ пѣніемъ серенадъ.

Зашли в мѣняльную лавку раздобыть мѣстной «валюты». Единицей здѣсь является пезета, номинально равная французскому франку. Но за каждый золотой 20-франковикъ намъ отсчитали какое-то неимоверно большое количество пезетъ. Чуть-ли не сотню.

Впослѣдствіи кто-то изъ мѣстныхъ жителей далъ намъ такое объясненіе необыкновенной дешевизны испанской валюты:

— Наши колоніи заморскія, Куба и Филиппины, очень дорого намъ обходятся. Въ нихъ вѣчно

неспокойно, каждый годъ возстанія. Приходится нести большіе расходы на армію и флотъ, чтобы удержать эти острова въ рукахъ, а дохода отъ нихъ мы не видимъ. Поэтому у насъ хроническая депрессія изъ-за этихъ бесполезныхъ тратъ.

Радость для насъ. Наконецъ, мы видимъ нѣчто дѣйствительно испанское: важной поступью выступаетъ падре въ темной сутанѣ и большой черной шляпѣ, широкія поля которой по бокамъ какъ-бы свернуты въ видѣ трубки. Ни дать, ни взять, настоящій донъ Базиліо изъ оперы «Севильскій цирюльникъ». Намъ кажется, что онъ сложитъ руки на груди и, отвѣсивъ намъ поклонъ, споетъ съ лукавой улыбкой арію дона Базиліо: «Добрый вечер вамъ — синьоры...»

Слышится шумъ и музыка и навстрѣчу намъ выходитъ церковная процессія. На украшенныхъ чѣмъ-то пестрымъ носилкахъ несутъ сидящую на престолѣ статую Мадонны, убранную цвѣтами и яркими лентами. При дневномъ свѣтѣ раскраска лица священнаго изображенія кажется намъ чѣмъ-то грубымъ и мало умѣстнымъ. Идетъ духовенство, довольно много его, со свѣчами и кадилами, а непосредственно за нимъ небольшой духовой оркестръ, вродѣ тѣхъ, что играютъ въ циркахъ, громко выдуваетъ на трубахъ какой-то веселый, бравурный маршъ. Гудитъ турецкій барабанъ и въ тактъ ему шагаетъ въ ногу довольно большая толпа.

Полицейскій или жандармъ въ треугольной

шляпѣ, одѣтой такъ, какъ ее носилъ Наполеонъ I, наблюдалъ за порядкомъ шествія. Его мундиръ такой, какъ носили въ началѣ 19 вѣка, и вся обстановка духовнаго шествія носили характеръ глубокой старины. Все это было непривычно для глазъ, но своеобразно и красиво. Въ толпѣ большинство женщинъ въ шляпкахъ и такихъ нарядахъ какъ и въ остальныхъ странахъ Европы, но живописнымъ пятномъ выдѣлялись дамы въ національномъ костюмѣ и кружевной темной «мантелинѣ» на головѣ. На фонѣ домовъ съ рисунчатыми балконами онѣ не казались костюмированными. Наоборотъ, шаблонный обще-европейскій нарядъ не гармонировалъ съ обстановкой.

В Кадиксѣ собралась цѣлая русская эскадра. Скромный и небогатый городокъ старался насъ принять какъ нельзя лучше. Отцы города рѣшили угостить насъ зрѣлищемъ боя быковъ.

— Только не взыщите — говорили они, — Сезонъ «Коррида дель торось» давно кончился и сейчасъ у насъ нѣтъ подъ рукой ни одного изъ знаменитыхъ профессоровъ тауромахи. Но мы используемъ мѣстные силы и сдѣлаемъ что можно.

На покрытой пескомъ аренѣ какой-то «эспада» изъ любителей старался подражать специалистамъ боя быковъ и довольно удачно, играя краснымъ плащомъ, увертывался отъ ударовъ рогами. Но въ рѣшительный моментъ нанесенія быку

смертельнаго удара его рука дрогнула и онъ ошибся, быть можетъ, на одинъ сантиметръ . и явилъ зрителямъ тяжелую картину медленно умирающаго въ тяжелыхъ мукахъ животнаго. Тутъ поднялось что-то невообразимое. Всѣ зрители вскочили со своихъ мѣстъ и громко изо всѣхъ силъ стали выражать свое негодованіе. Эспада совсѣмъ растерялся при этихъ крикахъ: «живодеръ», «мясникъ», и дрожащей рукой разъ, и еще разъ, тыкалъ шпагой покрытаго кровью быка.

Гвоздемъ представленія было выступленіе дѣвицы изъ мѣстнаго общества въ роли и въ костюмѣ «эспады». Нарядъ этотъ очень идетъ къ мужчинамъ сухимъ и мускулистымъ, каковыми обыкновенно бываютъ спеціалисты боя быковъ. Но представительницѣ прекраснаго пола пришлось по необходимости сшить нижнюю часть туалета очень въ обтяжку. Нельзя было ей одѣть нѣчто вродѣ покроя галифэ.

Барышня очень недурно усвоила приемы тауромахіи и все шло какъ будто благополучно. Но, вдругъ, послѣ довольно сильнаго прыжка въ сторону, чтобы уклониться отъ опасныхъ роговъ, она бросилась бѣжать къ выходу съ арены. Поднялся неимоверный хохотъ, ибо она, скрываясь отъ глазъ публики, придержививала обѣими ладонями нѣкоторую часть своей «анатоміи». Панталоны не выдержали прыжка и лопнули.

Кафедральный соборъ въ Кадиксѣ: полутемно

среди большихъ колоннъ. Наши шаги громко раздаются среди тишины пустого зданія: сейчасъ нѣтъ службы. Въ жаркій сентябрьскій день насъ пріятно охватываетъ живительная прохлада подъ высокими массивными сводами.

— Какъ это похоже внутри собора на нашъ петербургскій Исаакій, — говоримъ мы.

Поѣздка по желѣзной дорогѣ въ Севилью, о которой каждый изъ насъ столь слышанъ. «Башня Хиральда», кампанилья Севильскаго собора, съ такой акварельной мягкостью и художественностью тоновъ рисуется на фонѣ темно-голубого южнаго неба, что для нея одной стоило съѣздить въ столицу Андалузій.

Въ соборѣ высоко на стѣнахъ хранятся холсты Мурильо. Они имѣютъ цѣнность не только какъ національное сокровище Испаніи. Они представляютъ нѣчто большее: они имѣютъ міровую цѣнность, какъ непревзойденное произведеніе генія.

Ѣдемъ мы обратно въ Кадиксъ и, вдругъ, замѣчаемъ, что названія промежуточныхъ станцій звучатъ какъ-то необыкновенно знакомо:

— Позвольте, — вспоминаетъ кто-то. — Да вѣдь это не перечень станцій, а прямо графа изъ виннаго прейсъ-куранта, все разные сорта жереса.

На одной изъ станцій какой-то винодѣль въ національномъ костюмѣ испанскаго пейзажа сталъ совать намъ въ окно вагона продуктъ своего произ-

водства. Такъ какъ «сеньоры эстранжеро» люди, очевидно, знатные, не привыкли пить вино изъ горлышка, то онъ вмѣстѣ съ бутылкой презентовалъ и рюмку грубаго темнаго стекла и все это за нѣсколько пезетъ. Станція Аммонтиліадо. — «Давайте пробовать Аммонтиліадо», — рѣшили мы. Было еще нѣсколько такихъ же знаменитыхъ марокъ хереса, написанныхъ на станціонныхъ зданіяхъ. Прибыли мы, наконецъ, въ такое мѣсто, гдѣ вокзалъ обозначенъ словомъ «Хересь». Тутъ мы уже сами помахали рукой, приглашая мужчину съ бутылками мѣстнаго вина къ намъ приблизиться.

«Кто его зналъ, что у нихъ хереса, такіе крѣпкіе», — разсуждали мы на другое утро, прибывъ благополучно къ себѣ на судно. — «Вѣстовые, дайте-ка еще содовой воды, да похолоднѣе».

Прошли годы. Испанія в 1898 въ схваткѣ съ США потерпѣла пораженіе. Америка получила въ наслѣдство угощавшую ее постоянными революціями Кубу и далекія Филиппины, которые такъ трудно удерживать въ своей власти. Мнѣ удалось послѣ этого въ разное время побывать раза по два и въ Кадиксѣ, и въ Виго, порту сѣверной Испаніи, въ которомъ испанская экзотика не такъ ярко выражена, какъ на югѣ.

Депрессіи въ странѣ больше не было. За золотой 20-франковикъ банкиры снисходительно выплачивали почти такое же количество пезетъ. Испанія при Альфонсѣ XIII быстро шагала по пути прогресса и промышленнаго преуспѣянія. Это-

му монарху удалось, не поссорившись ни съ Антантой, ни съ ея противниками, удержать нейтралитетъ во время большой войны. Это обстоятельство влило цѣлую рѣку золота въ Испанію, снабжавшую воюющихъ чѣмъ только можно. Казалось бы: чего же лучше? И тутъ... И тутъ началась революція.

Вспомнимъ, что и у насъ въ Россіи предвоенные годы были эпохой необыкновеннаго экономическаго прогресса. По пути культурнаго развитія наша родина также быстро шагала, открывая въ теченіе 10 послѣднихъ лѣтъ передъ войной по одному высшему учебному заведенію въ годъ и по 60 среднихъ школъ. Въ 1922 году Россія должна была быть покрыта сѣтью въ 250 тысячъ начальныхъ школъ, необходимыхъ для введенія обязательнаго школьнаго обученія. Казалось бы, чего же лучше. И тутъ... И тутъ... началась война, а за ней и революція.

Портъ Виго былъ излюбленнымъ мѣстомъ стоянки нашихъ учебныхъ судовъ, посылаемыхъ на зиму въ заграничное плаваніе въ Атлантическій океанъ. Въ городѣ, насколько я помню, даже кинематографа въ тѣ годы не было. Не было также разныхъ «казино» или «кабаре». Ничего не мѣшало, стоя мѣсяца два на якорѣ въ этомъ порту, цѣликомъ предаться выполненію сложной большой программы обученія молодежи.

Года три подрядъ тамъ стоялъ подолгу нашъ учебный корабль «Герцогъ Эдинбургскій».

Офицеры его (герцогскіе, какъ ихъ называли во флотѣ, дѣлая удареніе не на «е», а на «о») подучились даже нѣсколько испанскому языку. По крайней мѣрѣ, они сами такъ думали.

У насъ на «Богатырѣ», когда мы стояли въ Виго, было нѣсколько офицеровъ съ «Герцога». Съ однимъ изъ нихъ я какъ-то учинилъ поѣздку на велосипедахъ въ небольшой сосѣдній городокъ Понтеверде. Нашли тамъ харчевню и мой спутникъ, примѣняя всѣ свои знанія въ мѣстномъ діалектѣ, началъ заказывать для насъ жареную курицу.

— А вы не можете ли ему объяснить, — сказалъ я, — что-бы онъ жарилъ курицу не на деревянномъ маслѣ, какъ они всегда дѣлаютъ, а на коровьемъ.

Мой спутникъ быстро заговорилъ на непонятномъ мнѣ діалектѣ, хозяинъ харчевни радостно кивалъ головой. Очевидно, все хорошо понялъ.

— Какой вы молодчина, — сказалъ я своему спутнику. — Здорово вы по-испански жарите. — Онъ въ отвѣтъ только самодовольно улыбнулся.

Прошло полчаса и хозяинъ съ гордостью поставилъ на столъ произведеніе своей кулинаріи и посмотрѣлъ на насъ съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: — Видите, сеньоры естранжеро, какъ я умѣю вамъ угодить. Кушайте на здоровье».

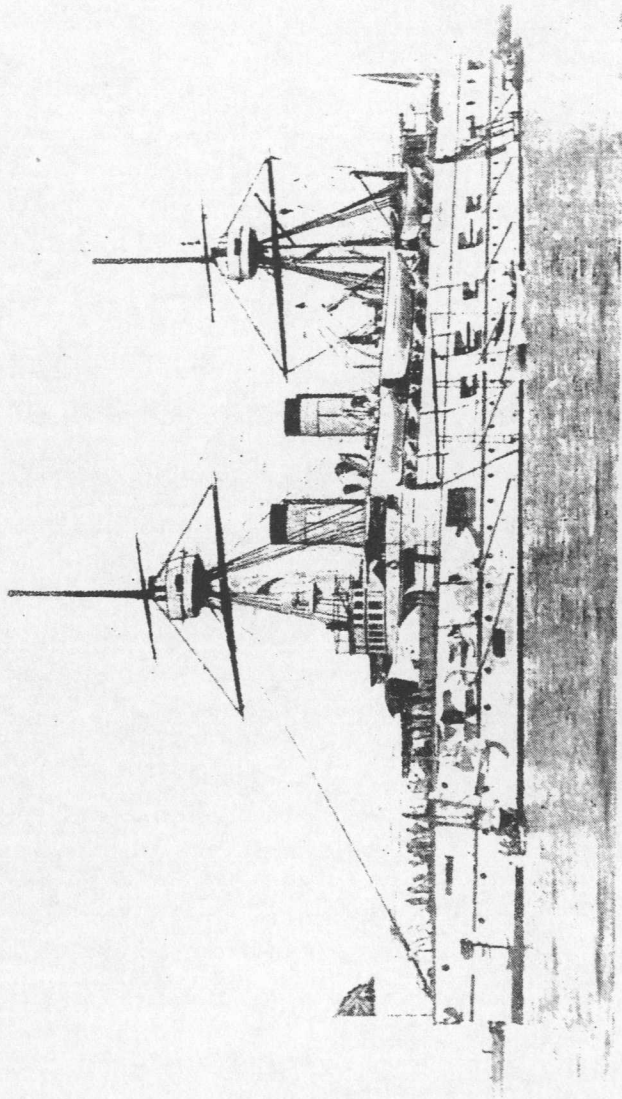
Мы смотримъ: передъ нами что-то жидкое,

вродъ супа, а въ этой жидкости плаваютъ куски нарѣзанной курицы. Оказалось, маэстро взялъ банку консервированнаго коровьяго масла, растопилъ содержимое и сварилъ въ немъ птицу. Вѣроятно думалъ при этомъ: — «Странные вкусы у этихъ сеньоровъ иностранцевъ».

Когда эскадра Рождественскаго шла на Востокъ, ее, можно сказать, отовсюду гнали подъ предлогомъ объявленнаго нейтралитета. Приложили руку къ этому и наши друзья французы. Испанія формально тоже объявила нейтралитетъ, но фактически въ томъ же Виго корабли наши простояли столько, сколько имъ нужно было, чтобы пополнить запасы. Испанцы оказались для насъ «друзьями въ нуждѣ». Этого намъ нельзя забывать.

Испанцы говорили намъ:

— Россія близка нашему сердцу, мы съ вами не только никогда не воевали, но у насъ никогда не было никакихъ споровъ и раздоровъ. Композитора дона Мигуэля Глинку мы считаемъ въ числѣ нашихъ творцовъ національной музыки. Мы увлекаемся вашей литературой. Но насъ какъ и васъ не любятъ наши сосѣди. Они не прочь были бы насъ обоихъ стереть съ лица земли.

Броненосецъ Александръ II.

Островъ Критъ.

Въ ясный солнечный осенній день наша эскадра подъ флагомъ контръ адмирала Авелана стала на якорь въ бухтѣ Суда на островѣ Критѣ (Кандія тожъ). Послѣ полныхъ жизни и движенія портовъ Испаніи и Южной Франціи скучнымъ, пустыннымъ, лишеннымъ красочности и романтизма показался намъ пересѣченный невысокими холмами, поросшими чахлой растительностью, берегъ историческаго острова.

Кто-то изъ мичмановъ въ каютъ-компаніи захотѣлъ блеснуть своими знаніями греческой мифологіи: «Здѣсь въ древности жилъ царь Минотавръ, а у него былъ быкъ...»

Но сейчасъ же вмѣшался младшій докторъ, у котораго изъ памяти еще не вывѣтрился пріобрѣтенный въ гимназіи классицизмъ: «Погодите, Петенька! не совсѣмъ такъ дѣло было. Царемъ тутъ былъ Миносъ. Онъ построилъ знаменитый Лабиринтъ, въ который если заберешься, то назадъ не вернешься. Въ Лабиринтѣ этомъ сидѣло страшное чудовище, которое и звали Минотавромъ. На половину человѣкъ — на половину быкъ. Афиняне каждые 9 лѣтъ привозили Мидасу дань: молодыхъ людей и дѣвушекъ, ихъ запирали въ Ла-

биринтъ, гдѣ Минотаврѣ и пожиралъ всю эту молодежь.

«Какъ всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, въ концѣ концовъ нашелся молодой герой по имени Тезей, настолько собой прекрасный, что дѣвица по имени Ариадна не пожалѣла отдать ему крайне нужный въ хозяйствѣ предметъ: мотокъ нитокъ и онъ, постепенно разматывая эти нитки, идя по Лабиринту, не заблудился, Минотавра успѣшно убилъ и назадъ цѣлымъ вернулся. Тогда конечно, началось общее ликование и я тамъ былъ, медъ пиво пилъ...»

На берегу въ Судѣ былъ небольшой городокъ скорѣе рыбацье селеніе, типично греческое, ибо всѣ почти жители на Критѣ — греки. Среди жалкихъ домишекъ одинокимъ стоялъ двухэтажный каменный домъ: казарма роты турецкой пѣхоты. О томъ, что Блистательная Порта владѣетъ островомъ напоминалъ развѣвающійся надъ казармой красный флагъ со звѣздой и полумѣсяцемъ. Кроме того, мечеть съ поднимающимися къ небу минаретами показывала, что на островѣ есть и послѣдователи Магомета.

Турки, бывшіе когда-то гордыми повелителями всего христіанскаго населенія Ближняго Востока видимо чувствовали, что дни ихъ владычества сочтены. Приходъ въ Суду военныхъ судовъ одной изъ великихъ державъ, все время наблюдающихъ, чтобы османлисы не учиняли «турец-

кихъ звѣрствъ» надъ греческимъ населеніемъ, вѣроятно, былъ крайне непріятенъ мѣстнымъ властямъ. Какъ ни какъ мы являлись «интервентами», вмѣшивающимися въ ихъ домашнія дѣла.

Османлисы, какъ извѣстно, въ періодъ своего могущества, не задумываясь, подавляли всякія возстанія среди христіанъ своихъ подданныхъ, способами очень близкими къ тѣмъ, какіе примѣняютъ сейчасъ московскіе послѣдователи Маркса и Ленина. Они начисто вырѣзывали не только тѣхъ, кто участвовалъ въ движеніи противъ нихъ, но и тѣхъ, кто могъ возстать противъ нихъ, въ отдаленномъ будущемъ.

Тѣмъ не менѣе какъ мѣстный Каймакамъ (исправникъ), такъ и паша, губернаторъ, пріѣхавшій съ визитомъ къ нашему адмиралу изъ столицы острова, Канеи, оба пріятно улыбались и дѣлали видъ, что чрезвычайно намъ рады.

«Возстаніе кандіотовъ»! — приходитъ на память начало XIX вѣка, полное романтизма и байронизма. Вспоминается хромоногій англійскій лорд-поэтъ, воспылавшій желаніемъ освободить грековъ. «Кандіоты — ужасно неудобное слово для поэзіи, ибо слишкомъ легко рифмуется со словомъ «идіоты».

Возставали кандіоты безконечное число разъ. Я не стану утомлять вниманіе читателя перечисленіемъ всѣхъ ихъ выступленій. Когда мы стояли въ бух-

тѣ Суда на отровѣ Критѣ на томъ же рейдѣ находился старый колесный пароходъ подъ турецкимъ военнымъ флагомъ. Онъ являлся какъ бы памятникомъ послѣдняго, происшедшаго лѣтъ за 15 передъ тѣмъ, возстанія Крита. При подавленіи его, произведенномъ съ привычной туркамъ жестокостью, этотъ пароходъ, принадлежащій тогда повстанцамъ, былъ захваченъ и навсегда оставленъ станціонеромъ въ Судѣ. «Смотрите, дескать, греки на этотъ пароходъ и помните, что всѣ ваши попытки возстать противъ насъ заранѣе обречены на неудачу».

Тѣмъ не менѣе, в 1897 году на Критѣ, къ большому неудовольствію турокъ, появился уроженецъ этого острова полковникъ Вассосъ и очередное возстаніе кандіотовъ вспыхнуло. Цѣлью возстнія было: изгнаніе турокъ и присоединеніе къ Греціи. Турки обратились къ тремъ державамъ, считавшимся покровительницами христіанъ, подданныхъ Блистательной Порты: «Вы связываете насъ по рукамъ и по ногамъ и не позволяете намъ расправиться съ мятежниками, какъ бы намъ хотѣлось. Поэтому приходите и выручайте насъ».

Пришли въ Суду эскадры русская, англійская и французская.

Къ нимъ присоединились эскадры нѣмецкая и итальянская. Получился «Концертъ европейскихъ державъ». Заработали перья у дипломатовъ, за-

стучалъ телеграфъ. Была объявлена блокада береговъ Крита.

Въ Россіи къ этому возстанію отнеслись довольно шутливо. Былъ фельетонъ Буренина въ «Новомъ Времени» въ видѣ пьесы-шаржа. Вассосъ въ ней гордо заявлялъ, что он «сидя на пикетѣ видитъ все на свѣтѣ». А «Концертъ европейскихъ державъ, уговаривая смутьяна уѣхать изъ Кандіи по добру, по здорову, пѣлъ нестройнымъ хоромъ:

Ахъ, Вассосъ, Вассосъ, Вассосъ,

Дѣлать такъ не хорошо-сѣ.

Чтобы убѣдить Вассоса уѣхать, броненосцы международной эскадры послали каждый по нѣсколько снарядовъ большого калибра въ расположеніе повстанческихъ отрядовъ. Повидимому, стрѣляя, всѣ главнымъ образомъ заботились, чтобы какъ-нибудь грѣхомъ и вправду кого-нибудь не убить на берегу.

Критяне долго потомъ показывали, какъ музейную рѣдкость, неразорвавшійся 12-ти дюймовый снарядъ съ «Александра II». «Вотъ какими гостинцами угостили насъ русскіе, а еще друзьями нашими называются».

Скука и монотонность стоянки судовъ международной эскадры въ Судѣ заставляла принимать мѣры для развлеченія командъ. Въ дни національныхъ праздниковъ участвующихъ въ блокадѣ державъ устраивались на берегу общіе парады съ угощеніемъ участниковъ маршировки и подо-

біемъ «народнаго гулянья» съ музыкой послѣ па-
рада.

Разъ на такомъ гуляньи англичане притащи-
ли пустой ящикъ. Одинъ изъ блю-джакетовъ, ви-
димо любитель - ораторъ, влѣзъ на него и началъ
произносить привѣтственную рѣчь. Потомъ на
ящикъ влѣзъ унтеръ-офицеръ съ французскаго
крейсера. Оба они удостоились шумныхъ овацій.

Какой-то нашъ «Митюха» съ «Александра II»,
порядочно выпившій, вознегодовалъ:

— Чѣмъ же мы хуже ихъ. Давай и я сейчасъ
на ящикъ влѣзу».

— Брось, Митюха, — говорили ему его соп-
лаватели. — Чего зря лѣзешь. Вѣдь ты же по
аглицкому не умѣешь».

Но ораторъ уже былъ на трибунѣ и махнулъ
руками, призывая къ вниманію. Все смолкло по-
слѣ первыхъ привѣтственныхъ апплодисментовъ.
Всѣ ждали, что скажетъ представитель русской
націи.

Голосъ у него оказался достаточно зычный и
говорилъ онъ, что называется съ подъемомъ:

— Вотъ таперича, къ примѣру сказать — ан-
гличана, — началъ онъ, показывая пальцемъ на
близъ стоящаго британца. — Англичана — бона!
Ура — англичана!»

— Хипъ, Хипъ, Хурре! — подхватили съ во-
сторгомъ англичане.

— Опять же француза, — пальцемъ на ближайшаго француза. — Француза — бона! Ура — француза!»

Тостъ имѣлъ еще большій успѣхъ. Тѣмъ же способомъ онъ привѣтствовалъ «Германа»-нѣмцевъ, а затѣмъ ткнувъ пальцемъ себя въ грудь, торжественно провозгласилъ:

— А напередъ всѣхъ — русса. Ура — русса!»

Когда привѣтствія смолкли, кто-то изъ Митюхиныхъ соплавателей напомнилъ ему:

— А итальяна чего-жъ ты пропустилъ? Вали, братъ, и про итальяна.

Итальянъ?! Лицо оратора какъ нельзя лучше выразило всю глубину презрѣнiя, которое онъ питаетъ къ обитателямъ Аппенинскаго полуострова.

— Итальяна?. Тьфу! Вотъ что такое итальяна, — брезгливо сплюнулъ Митюха.

— Итальяна: Деръ-мо! Мака-рона!

Началась свалка. Обиженные итальянцы бросились бить оратора. Другіе за него заступались. Прибѣжали судовые полицейскіе обходы и возстановили порядокъ. Митюхѣ на суднѣ пришлось усиленно примачивать арникой пострадавшую физиономію.

Державамъ надоѣло, наконецъ, возжаться съ Вассосомъ и тратиться на содержаніе эскадръ и войскъ на Критѣ. Россія держала в Ретимно нѣсколько батальоновъ, привезенныхъ изъ Одесскаго военнаго округа.

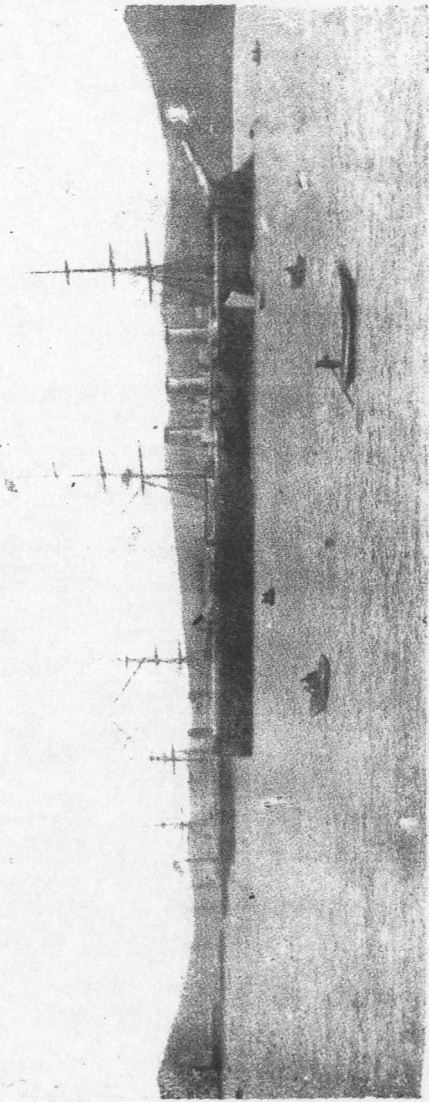
В 1898 году было сдѣлано совмѣстное энергичное представленіе турецкому правительству со стороны державъ. Критъ былъ объявленъ автономнымъ, номинально турецкимъ, но находящимся подъ протекторатомъ концерна державъ. Островъ получилъ свой флагъ, свою таможду, турецкая администрація удалилась и верховнымъ комиссаромъ его, представителемъ державъ покровительницъ былъ назначенъ второй сынъ греческаго короля принцъ Георгъ, морякъ, плававшій на русскихъ военныхъ судахъ и очень популярный въ нашихъ морскихъ кругахъ. Во время покушенія на жизнь Николая II въ Отсу, въ Японіи, онъ бросился ему на помощь и ударилъ покушителя палкой, бывшей у него въ рукахъ.

Началась русско-японская война. Нашъ флотъ, идущій на Дальній Востокъ, оказался въ очень тяжеломъ положеніи, благодаря условіямъ нейтралитета, объявленнаго всѣми державами. Ни грузить уголь, ни пользоваться попутными портами для исправленій, наши эскадры не имѣли права.

Счастливымъ исключеніемъ былъ островъ Критъ. Въ немъ Россія не переставала сама быть хозяйкой, какъ держава покровительница острова. Тамъ не могли связать намъ руки объявленіемъ нейтралитета. Поэтому въ бухтѣ Суда наши эскадры могли тогда стоять сколько угодно времени и грузиться чѣмъ угодно. Въ виду важности острова для Россіи въ военномъ отношеніи, консульскія

обязанности на немъ исполнялъ тогда полковникъ артиллеріи Шелковниковъ.

Въ декабрѣ 1913 года, въ результатѣ войны на Балканскомъ полуостровѣ, Критъ былъ окончательно аннексированъ Греціей.

Владивостокская старина. Эскадра на рейдѣ.

Владивостокская Старина.

Въ серединѣ 60-хъ годовъ въ портѣ Мей, в бухтѣ только что получившей названіе «Золотой Рогъ», стоялъ на якорѣ винтовой фрегатъ «Свѣтлана».

Берега бухты были сплошь заросши густымъ вѣковымъ лѣсомъ. Единственными домами на томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии раскинулся портовый городъ Владивостокъ съ населеніемъ близкимъ къ четверти милліона, были группа казенныхъ, наскоро сколоченныхъ бараконъ, въ которыхъ помѣщалась прибывшая изъ Забайкалья небольшая воинская часть да нѣсколько разбросанныхъ по побережью фанзъ рыбаковъ корейцевъ.

Фрегатъ «Свѣтлана» считался въ тѣ годы однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе современныхъ судовъ нашего флота, хотя широкая бѣлая полоса вдоль борта съ рядомъ темныхъ пушечныхъ портовъ, изъ которыхъ грозно выглядывали дула орудій, роднила его по внѣшнему виду со старинными парусными кораблями эскадры адмирала Сеньявина, эпохи Наполеоновскихъ войнъ.

Вечеромъ, старшій офицеръ фрегата сидѣлъ за столикомъ въ своей каютѣ и при свѣтѣ стеаринового огарка в мѣдной посеребряной кинкеткѣ

писалъ свои распоряженія на завтра, на утреннюю вахту.

Около него въ почтительной позѣ стоялъ плотный кряжистый и бородатый судовой боцманъ, правая рука «старшого». Дѣлая свой обычный вечерній докладъ, боцманъ по временамъ мялъ въ рукахъ свою фуражку съ козырькомъ, знакомъ боцманскаго достоинства. Грудь его была украшена серебряной, дареной офицерами, дудкой на такой же цѣпочкѣ. Рядъ шевроновъ на лѣвомъ рукавѣ показывалъ много лѣтъ сверхсрочной службы.

Докладъ боцмана касался, главнымъ образомъ, внѣшняго вида корабля:

— Не иначе, вашъ скродь, какъ опять придется подъ шпигатами подкрашивать.

— Вотъ что, братецъ, — закончилъ свои распоряженія старшій офицеръ. — Возьми-ка ты завтра послѣ приборки человѣкъ двадцать на полубарказѣ, двухъ рулевыхъ съ лотлинемъ, топоры и лопаты, и начинай намѣчать улицу вдоль берега. Вѣшки ставь, да почаще. И веди эту улицу вправо и влѣво от нашей шлюпочной пристани. А потомъ нѣсколько поперечныхъ улицъ намѣть на полкабельтъ одна отъ другой. Да смотри, чтобы у тебя криво не вышло, вѣдь сейчасъ же какъ только улицы отъ кустовъ очистятъ, на нихъ дома начнутъ строить.

— Слушаюсь, ваше скродь, не извольте без-

покоиться, не подгадимъ. Постараемся въ самый аккуратъ потрафить.

Бородатый боцманъ, разставляя свои вѣшки, могъ сказать: «Здѣсь будетъ городъ заложенъ на зло надменному сосѣду». Но въ тѣ времена этотъ сосѣдъ: Японія, считался скромнымъ малозначущимъ азіатскимъ народцемъ, нѣчто вродѣ Аннама или Сіама и его никакъ нельзя было назвать надменнымъ.

Наши военные транспорты въ тѣ годы обычно получали названія инородческихъ племенъ, населяющихъ окраины Россійской имперіи: «Камчадалъ», «Алеутъ», «Тунгусъ», «Кореецъ». На Японию смотрѣли настолько свысока, что къ числу этихъ военныхъ судовъ былъ прибавленъ транспортъ: «Японецъ». Сейчасъ, пожалуй, давать такое названіе русскому военному кораблю не стали бы.

По преданію, большую часть работы по первоначальному устройству Владивостока и приведенію въ порядокъ его улицъ выполняли команды военныхъ судовъ. Поэтому въ честь их и самыя улицы были названы. Главная городская артерія наименована въ память фрегата «Свѣтлана», а поперечныя улицы получили имена: Алеутская, Корейская и т. д. Была и «Японская» улица, да ее, кажется, по просьбѣ населенія, переименовали во время войны 1904 года.

До середины прошлаго вѣка, то мѣсто, гдѣ

сейчасъ находится главный русскій портъ на Тихомъ океанѣ, было обозначено на картахъ словами «неизслѣдованное пространство». вмѣсто извиистой береговой черты была проведена на этихъ картахъ грубая пунктирная линія, обозначающая, что гдѣ то тутъ по близости кончается материкъ Азіи и начинается море.

Фрегатъ «Паллада», дѣлая въ 50-хъ годахъ свое знаменитое плаваніе съ Гончаровымъ, пытался производить опись и промѣръ у этихъ береговъ. Заходилъ онъ повидимому, въ бухту Посъеть, находящуюся южнѣе того мѣста, гдѣ сейчасъ Владивостокъ. Поднимаясь къ сѣверу фрегатъ встрѣтилъ неблагоприятные вѣтры и туманы, былъ отжатъ отъ берега и такъ и прошелъ мимо, не замѣтивъ одной изъ лучшихъ въ мірѣ бухтъ, природой созданной гавани для глубоко-сидящихъ кораблей — Владивостокскаго Золото-го Рога.

Въ началѣ 60-хъ годовъ, послѣ того какъ Россія выступила какъ посредникъ между Китаемъ и вторгшимися на территорію Поднебесной имперіи интервентами: Англіей и Франціей, удалось закрѣпить спорную до этого Приморскую область за Россіей. Обитателями ея въ тѣ времена были дикія кочевыя племена съ небольшимъ числомъ хуторянъ, корейцевъ и манджуръ. Область была очень слабо заселена. Китайцы до прихода Россіи считали ее своимъ владѣніемъ, но жи-

тели фактически не признавали власти Поднебесной имперіи.

Въ первые годы существованія города, когда прорубались улицы среди густо поросшихъ лѣсомъ склоновъ прибрежныхъ холмовъ жизнь во Владивостокѣ напоминала нѣсколько жизнь пионеровъ американскаго Дальняго Запада, столь картинно описанную Брэдъ Гартонъ. Та же борьба съ природой и дикими звѣрями, такой же просторъ и отсутствіе стѣсняющихъ рамокъ обыденной городской жизни. Все это вырабатывало и особый типъ людей.

Въ 60-хъ годахъ охота на тигра, какъ рассказывали, занимала видное мѣсто среди развлеченій жителей города. Даже въ 90-хъ годахъ по временамъ возникали слухи о томъ что «видѣли тигра гдѣ то за Первой рѣчкой».

Процвѣталъ въ тѣ времена знаменитый «Клубъ Ланцыпуповъ». Развлеченій у обитателей тогда никакихъ другихъ не было. Не существовало ни театра, ни библіотеки. Газеты получались изъ Европейской Россіи 3-хъ мѣсячной давности. Но ланцыпупы не скучали. Забавы ихъ, правда, были довольно грубыя. Всѣ онѣ, какъ у каубоевъ Дальняго Запада сопровождались стрѣльбой изъ револьвера послѣ достаточныхъ алкогольныхъ возліяній.

Соберутся 2 — 3 члена клуба и положатъ на доски тротуара противъ окна серебряный рубль. На

улицѣ пустынно. Идетъ прохожій китаецъ, «ходя», видитъ монету, наклоняется и протягиваетъ къ ней руку. Въ этотъ моментъ мѣткій револьверный выстрѣлъ изъ окна прямо въ монету отшвыриваетъ ее на средину улицы, а китаецъ въ паническомъ страхѣ мчится дальше, только коса въ воздухѣ развѣвается. Рубль затѣмъ кладется на прежнее мѣсто и игра продолжается тѣмъ же порядкомъ.

Игрывали ланцыпупы и въ «кукушку». Безъ всякой ссоры, просто на пари, для испытанія сильныхъ ощущеній, они по очереди стрѣляли другъ друга въ совершенно темной комнатѣ. Выстрѣлившій долженъ былъ крикнуть «Ку-ку» и ждать въ свою очередь выстрѣла отъ партнера, естественно стараясь уклониться отъ его пули. Процентъ попаданій при этой игрѣ не былъ повидимому великъ. Я никогда не слыхалъ чтобы кто нибудь изъ ланцыпуповъ былъ убитъ или раненъ во время такой перестрѣлки.

Какъ то, уже въ позднѣйшее время: въ 90-хъ годахъ, когда во Владивостокѣ было всего нѣсколько человѣкъ, именовавшихся «последними ланцыпупами» одинъ изъ нихъ, преподаватель англійскаго языка въ мѣстной гимназiи неожиданно заснулъ во время собранія кружка. Остальные рѣшили «Надо его разбудить». Зарядили револьверъ холостымъ патрономъ, чтобы выстрѣлить у самага уха спавшаго.

Сказано-сдѣлано. Но у стрѣлявшаго очевидно не

было надлежащей твердости въ рукѣ и выстрѣлъ пришелся какъ разъ въ лицо его коллегѣ, сильно обжегъ кожу, опалилъ ему бороду и брови. Глаза по счастью уцѣлѣли.

Ланцыпулъ проснулся, провелъ рукой по лицу и затѣмъ спокойно, но укоризненно сказалъ:—Я терпѣть не могу, когда меня такъ будятъ.

—:o:—

Пишущій эти строки увидѣлъ въ первый разъ главный городъ Приморской области осенью 1895 года, придя въ бухту Золотой Рогъ на броненосцѣ, на которомъ держалъ свой адмиральскій флагъ незабвенный С. О. Макаровъ.

До этого мы провели два съ лишнимъ года въ заграничномъ плаваніи. Видѣли и небоскребы Нью-Йорка и красивую экзотику Ближняго Востока и приторную роскошь тропической природы береговъ Индійскаго океана.

Словно на коврѣ-самолетѣ мы вдругъ перенеслись на другой край свѣта.

Ряды скромныхъ одноэтажныхъ деревянныхъ домиковъ, около десятка небольшихъ каменныхъ строеній, по большей части казенныхъ, церковь средней величины со стѣнами краснаго кирпича, немощенныя, пыльные улицы, досчатые тротуары, допотопные рыдваны парныхъ и троечныхъ извозчиковъ — все это давало столицѣ Приморья видъ захолустнаго уѣзднаго городка. Все это было до крайности скромно и ненарядно.

Но для насъ, офицеровъ броненосца, соскучив-

шихся по родинѣ за время долгаго дальняго плаванія, картина Владивостока была безконечно родной и милой. Послѣ жаркихъ южныхъ странъ, которыя мы только что оставили, прохладный вѣтерокъ, тянувшійся со стороны Гнилого Угла, казалось, ласкалъ насъ и напоминалъ, что мы опять находимся на близкомъ сердцу cadaго изъ насъ россиянь, сѣверѣ. *

Одинъ изъ моихъ сослуживцевъ, попавшій во Владивостокъ въ концѣ 80-хъ годовъ, т. е. лѣтъ, на 5 или на 6 раньше нашего броненосца, рассказывалъ мнѣ слѣдующее:

— Пришли мы на «Мономахѣ» и стали на якорь в Золотомъ Рогѣ поздно вечеромъ въ полной темнотѣ. Сообщение с берегомъ могло быть разрѣшено только утромъ, послѣ того какъ командиръ нашъ съѣздитъ съ рапортомъ по начальству.

Поэтому мы, мичмана, никогда не видавшіе Владивостока, могли пока только съ полуюта корабля любоваться панорамой этого, столь влекущаго къ себѣ послѣ долгаго скитанія по заграницамъ города.

Масса огней, которыми какъ бы усыпанъ былъ берегъ, давала намъ возможность представить себѣ широкія, ярко освѣщенные улицы съ рядами многоэтажныхъ зданій. Ближе къ Эгершельду надъ городомъ поднималось зарево электрическихъ дуговыхъ лампъ и оттуда же, пови-

димому, лились звуки упоительнаго вальса. Въ этотъ лѣтній тихій вечеръ намъ казалось, что оркестръ играетъ въ какомъ-то «шикарномъ» увеселительномъ саду. Воображеніе рисовало намъ ряды накрытыхъ бѣлоснѣжными скатертями столиковъ, нарядную публику и открытую сцену съ опереткой или программой кабаре.

— Эхъ! Какъ бы хорошо сейчасъ катнуть туда, — сказалъ кто-то. — А тутъ изволь ждать до завтра.

Утромъ, выйдя къ подъему флага, мы увидѣли, наконецъ, Владивостокъ.

Что же оказалось: многочисленность городскихъ огней являлась результатомъ расположенія маленькихъ деревянныхъ жилищъ терассой по склонамъ холмовъ. Никакихъ многоэтажныхъ громадинъ мы не увидѣли.

Рекламныя дуговья лампы горѣли на фасадѣ универсальнаго магазина Кунстъ и Альберса, а вальсы, которыя мы слышали, игралъ оркестръ Линейнаго батальона на вечерѣ в Гарнизонномъ собраніи. Роскошные увеселительные сады съ нарядными дамами оказались воздушными замками и растаяли, какъ дымъ, при яркомъ свѣтѣ дня.

Вечеромъ на другой день мичмана наши, шумной толпой, отправились на берегъ, напѣвая изъ вошедшихъ тогда въ моду «Корневильскихъ Колоколовъ»:

Итальянки, чилки, испанки

*И англичанки, словомъ—весь міръ
Любовь дарили, къ себѣ манили
Создать сулили, вѣсь, мой кумиръ...*

Среди ночи я слышу разговоръ въ сосѣдней каютѣ. Вернувшійся послѣ вечернихъ походовъ мичманъ рассказываетъ о нихъ своему пріятелю. До меня доходятъ только отрывки его рѣчи:

— Мы ему говоримъ, къ черту японокъ. Пришли въ русскій портъ наконецъ, а онъ японокъ предлагаетъ. У насъ, говоритъ, кромѣ японокъ только и есть что солдатки на второй Пологой. — Солдатки. Ну и отлично, вези къ солдаткамъ.

Разказъ о дальнѣшемъ путешествіи ведется въ полголоса. Я слышу только окончательную фразу:

— И въ этотъ самый моментъ вдругъ она мнѣ, да такимъ, знаешь ли, низкимъ контральто, словно басомъ: — ваше высокоблагородіе! Сапоги-то скидывать, что-ли?

В концѣ 80-хъ годовъ, когда уже назрѣвалъ будущій франко-русскій союзъ, Владивостокъ посѣтилъ французскій броненосецъ «Триумфанъ». Наши матросики, для простоты произношенія, сейчасъ же переименовали его въ «Трифонъ».

«Трифону» этому не повезло. Прежде всего, входя во Владивостокъ, онъ сѣлъ на мель у Русскаго острова во время тумана. Было много хлопотъ, пока его сняли.

Французовъ усиленно чествовали. Въ ихъ честь

устроенъ былъ пикникъ на зеленые берега рѣчки въ Гниломъ углу. Одинъ молодой гардемаринъ съ «Триумфанъ» отдѣлился на нѣсколько минутъ отъ веселой компаніи, зашелъ за кусты и пропалъ послѣ этого. Когда юношу хватились, то нашли его зарѣзаннымъ и ограбленнымъ, лежащимъ въ чащѣ. Очевидно, это была работа каторжанъ «Сахалинской шпаны».

Передъ мѣстными властями предстала нелегкая задача: въ кратчайшій срокъ найти виновныхъ и т. к. мѣсто, гдѣ совершено было убійство, находилось на военномъ положеніи, то и казнить ихъ.

Все это было блестяще выполнено въ теченіи ближайшихъ двухъ недѣль къ полному удовлетворенію нашихъ гостей-французовъ.

Нѣкоторые скептики выражали тогда сомнѣніе въ томъ, что повѣсили настоящихъ убійцъ гардемарина, но имъ говорили: — Да не все ли равно. Повѣсили такихъ отчаянныхъ головорѣзовъ, за каждымъ изъ которыхъ уже нѣсколько убійствъ считалось и по которымъ давно уже веревка плакала. А тутъ, по крайней мѣрѣ, французы остались довольны.

Развлекалась владивостокская публика въ 90-хъ годахъ, за неимѣніемъ постояннаго театра, главнымъ образомъ хожденіемъ другъ къ другу въ гости по вечерамъ. Устраивалась выпивка и шелъ картежъ.

Чиновникъ одного изъ казенныхъ учрежденій, попавъ какъ-то разъ въ дружескую кампанію, увлекся азартной игрой и засидѣлся до позднихъ часовъ. Онъ былъ порядочно выпивши и когда жена его послѣ полночи стала просить проводить ее домой, мрачно отвѣтилъ:

— Отстань, матушка, иди себѣ домой, если хочешь, а меня оставь в покоѣ.

Бѣдной женщинѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ рискнуть одной добратся до дому въ глухой часъ ночи.

Свѣтланская улица въ тѣ годы не была еще нивелирована. Она пересѣкалась нѣсколькими глубокими, густо заросшими кустарникомъ, оврагами. Ближайшими къ центру города были «Машкинъ» и «Дунькинъ» овраги.

Около одного изъ нихъ дама встрѣтила нѣсколько подвыпившихъ матросовъ Сибирскаго экипажа.

— Идемъ, барышня, съ нами. Да чего ты упираешься, развѣ мы не кавалеры?

Однимъ мигомъ они сташили несчастную въ оврагъ и сорвали с нея платье.

Когда подъ утро подвыпившій супругъ вернулся изъ гостей, то увидѣлъ, что жена его лежитъ безъ чувствъ у крыльца. У нея хватило силы ползкомъ добратся до дому.

Он вскипѣлъ пьянымъ гнѣвомъ и, не взирая

на поздній часъ, ворвался въ домъ командира Военнаго порта. Эту должность занималъ тогда адмиралъ Чухнинъ. Онъ былъ извѣстенъ, какъ очень сухой характеромъ человѣкъ, которому, казалось бы, чужды были какія бы то ни было тонкія чувства.

Но когда он выслушалъ разсказъ взволнованнаго чиновника, то сразу же сердцемъ оцѣнилъ положеніе и ясно представилъ себѣ, что произойдетъ, если дѣлу дать огласку.

— Знаете что, — сказалъ онъ. — Утро вечера мудренѣе. Если вы днемъ ко мнѣ придете и потребуете, чтобы я далъ дѣлу законный ходъ, я это сдѣлаю. А пока мой совѣтъ вамъ: пойдите домой и успокойтесь. Если же вы ко мнѣ не придете, то знайте, что ни вы мнѣ ничего не разсказывали, ни я отъ васъ ничего не слышалъ. А если и слышалъ, то эта тайна умереть вмѣстѣ со мною.

— Какъ, ваше превосходительство! Вы хотите покрыть поступокъ вашихъ подчиненныхъ! Вы права не имѣете такъ поступать, — зашумѣлъ чиновникъ.

Адмиралъ пожалъ плечами и взялъ въ руки телефонную трубку.

— Хорошо-с. Если вы настаиваете, то я сейчасъ же отдамъ всѣ нужныя распоряженія.

Утромъ жертвѣ насилія пришлось перенести новыя испытанія, когда въ Экипажѣ, по приказу командира порта, мимо нея медленно дефилирова-

ла длинная тысячная шеренга нижнихъ чиновъ. Оpoznать виновныхъ было, конечно, невозможно. Огласка же тѣмъ временемъ сдѣлала свое злое дѣло: въ городѣ всѣ стали пальцами показывать на бѣдную женщину. Положеніе для нея сложилось прямо невозможное.*

Конецъ этой исторіи былъ тѣмъ не менѣе счастливый. Она получила разводъ, распростилась съ пьяницей-супругомъ, уѣхала изъ Владивостока и вскорѣ же вышла замужъ за прекраснаго человека, морского врача, въ которомъ и нашла свое счастье в жизни.

—:o:—

Въ девяностыхъ годахъ, когда я въ первый разъ попалъ во Владивостокъ, на нашемъ броненосцѣ въ качествѣ флагъ офицера (адъютанта) адмирала Макарова плавалъ лейтенантъ Сергѣй Ильичъ Зилоти. Сергѣй Ильичъ никогда не былъ для насъ «братомъ знаменитаго пьяниста А. И. Зилоти». Наоборотъ: про него говорили:— Ты знаешь, у нашего Сергѣя Ильича есть братъ, довольно извѣстный музыкантъ.

С. И. Зилоти былъ знаменитостью самъ по себѣ. Всѣ во флотѣ его знали и всѣ любили. Это была исключительная артистическая натура. Онъ былъ столь же музыкаленъ, какъ и его братъ, но совсѣмъ въ другой области. Онъ былъ пропагандистомъ русско-цыганской музыки, той «цыганщины» которая сейчасъ нашла себѣ дорогу въ заграничныя радіо-вѣщательныя учрежденія и по-

немногу завоевываетъ себѣ прочное мѣсто въ радіо программахъ всего міра. Много старыхъ цыганскихъ пѣсенъ, изданныхъ въ Петербургѣ въ концѣ прошлаго вѣка, носятъ на обложкѣ надпись «Аранжировано С. И. Зилоти».

С. И. былъ свѣтлая личность. Офицеры флота, почему нибудь попавшіе въ трудное положеніе, всегда знали что есть въ Морскомъ министерствѣ человекъ далекій отъ бюрократическихъ взглядовъ на вещи, всегда доступный и благожелательный. Онъ скончался, къ большому горю всѣхъ его знавшихъ, въ 1914 или 15 годахъ въ чинѣ генералъ маіора флота.

С. И. — коренной петербуржецъ, свой человекъ въ театрално-артистическихъ кругахъ сѣверной столицы, съ прибытіемъ во Владивостокъ какъ бы принесъ съ собою атмосферу шумнаго веселаго Петербурга. Крупнымъ событіемъ въ жизни далекаго провинціального города явились устроенные С. И. два концерта: одинъ подъ названіемъ «Неаполитанскій вечеръ» другой — «Хоръ цыганъ». Вокальныя силы Зилоти безъ труда нашелъ среди офицеровъ судовъ эскадры и тутъ онъ сразу проявилъ свой талантъ, какъ выдающійся дирижеръ хора и какъ режиссеръ-художникъ.

Онъ спеціально занялся группой мѣстной женской молодежи. Съ каждой барышней онъ тщательно прорепетировалъ ея роль, указывая ей всѣ ея жесты и движенія въ гармоніи съ исполняемымъ музыкальнымъ номеромъ.

Въ дни концертовъ «Весь Владивостокъ» наполнялъ собою концертный залъ стараго Морского собранія. Находившаяся «на галеркѣ» молодежь съ эскадры пришла въ несказанное изумленіе. Передъ нею на сценѣ были полныя красы южнаго огня и страсти пылкія неаполитанки въ своихъ живописныхъ національныхъ костюмахъ или томныя, какъ бы зовущія къ себѣ, въ свой таборъ, цыганки въ пестрыхъ шаляхъ. Скромныя владивостокскія «кисейныя» барышни были какъ бы перевоплощены рукой опытнаго умѣлаго режиссера. Имъ не было введено ни одного жеста, который бы можно было назвать «нескромнымъ», весь эффектъ достигался какимъ нибудь неувловимымъ поворотомъ головы во-время или чуть замѣтнымъ движеніемъ плечомъ. Мичмана не могли узнать своихъ знакомыхъ барышень, за которыми они до этого лишь снисходительно ухаживали, удастая ихъ иногда приглашеніемъ на туръ вальса во время вечеровъ въ собраніи.

Успѣхъ обоихъ вечеровъ былъ такой потрясающій, что наши адмиралы и командиры, сидѣвшіе въ первыхъ рядахъ креселъ, иногда съ опасеніемъ оборачивались, слыша бѣшенныя выраженія восторга со стороны молодого офицерства, и шептали одинъ другому: «съ ума сходятъ наши мичмана, кажется они скоро всѣ на сцену ползутъ».

Слова извѣстной цыганской пѣсни исполнялись на одномъ изъ этихъ концертовъ въ такой версіи:

Стива, Сережа, Женя и Федичка

Скачутъ, не могутъ постытъ

Будутъ важъ Аня и милая Мэричка

Пѣсни любимыя тѣтъ

Лица, перечисленные въ первой строфѣ этой пѣсни, сидѣли не концертѣ въ первомъ ряду креселъ и добродушно улыбались, размышляя о томъ, какъ это они «поскачутъ».

Это были наши сѣдобородые начальники-адмиралы: Тыртовъ (Сережа) Алексѣевъ (Женя) Энегельмъ (Федичка) и Макаровъ (Стива).

Во время стоянки эскадры во Владивостокѣ выяснилось что почти половина моего выпуска изъ Морского Училища находится сейчасъ на судахъ эскадры. Рѣшено было отпраздновать годовщину производства въ офицеры. Въ залѣ Морского собранія загремѣлъ оркестръ Сибирскаго экипажа. Самый обѣдъ былъ организованъ «совсѣмъ какъ у Контана», гдѣ обычно справляется молодыми, вновь выпущенными офицерами флота день производства.

Обѣдъ былъ очень веселый. Никакихъ особенныхъ заботъ въ эти дни у морской молодежи не было. Послѣ сладкаго, какъ водится, стали выполняться нѣкоторые вокальные нумера — старыя училищныя пѣсни. Исполненіе было если и не очень стройное, то достаточно громкое.

Въ самый разгаръ веселья заглянулъ въ прихожую собранія кто то изъ нашего начальства.

Онъ услышалъ чрезвычайный шумъ въ залѣ и съ выраженіемъ тревоги въ голосѣ спросилъ швейцара: — Что это такое происходитъ.

— Это В. П-во выпускъ-съ.

— А... улыбнулся адмиралъ, вспомнивъ дни своей молодости и подобные же обѣды:—Ну, что-жъ, пускай молодежь веселится.

Уже свѣтало, когда обѣдъ кончился. Единогласно рѣшено было всѣмъ «инъ корпоре» идти къ дому командира Сибирскаго экипажа капитана I ранга Григораша, котораго молодежь очень любила, и поблагодарить его за присылку къ нашему обѣду экипажнаго оркестра.

Впереди оркестра замаршировалъ кн. В. В. Трубецкой, адъютантъ экипажа и распорядитель нашего праздника, а сзади музыкантовъ, стараясь отбивать твердо шагъ въ тактъ турецкаго барабана, зашагали колонной мичмана.

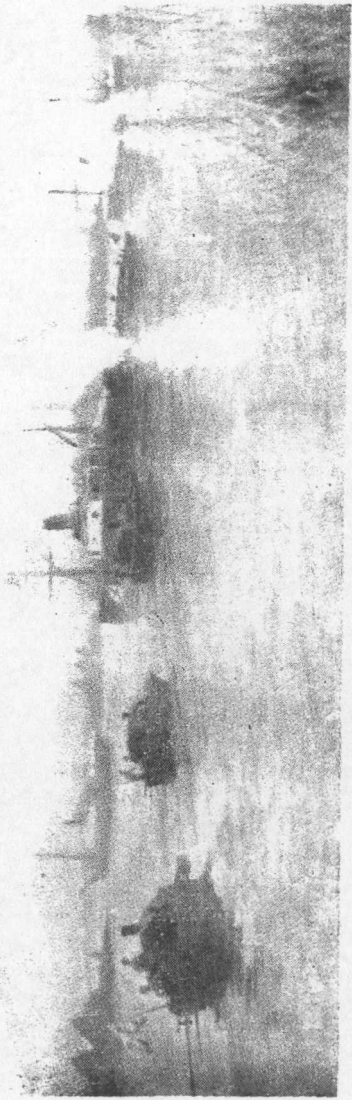
Въ тѣ годы вся территорія, нынѣ сплошь застроенная казенными зданіями, представляла изъ себя густо поросшую зеленью рошу. Вершины дальняго горнаго хребта Сихоте-Алинъ уже начинали розовѣть подъ лучами восходящаго солнца, но на улицахъ не было никого. Только кое гдѣ въ окнахъ показывались изумленные лица обывателей, разбуженныхъ громомъ оркестра въ такой неурочный часъ.

Передъ домомъ Григораша мичмана выстроились въ одну шеренгу и музаканты грянули

«Маршъ Сибирскаго экипажа». Плавно разносились въ утреннемъ холодномъ воздухѣ аккорды этого красиваго марша.

Въ дверяхъ подъѣзда показался Григорашъ. Трубецкой скомандовалъ: — Смирно, господа офицеры — и мичмана взяли подъ козырекъ.

Командиръ экипажа всѣхъ поблагодарилъ, каждому пожалъ руку, а затѣмъ прибавилъ: — Однако, господа, часъ то ужъ довольно поздній. Не пора ли намъ съ вами и по домамъ.

Подвигъ Лейтенанта Дубасова и Шестакова.

Въ Минномъ классъ.

Мы шли длиннымъ дворомъ мимо безконечнаго ряда однообразныхъ оконъ стариннаго казеннаго зданія въ Кронштадтѣ, приближаясь къ подъѣзду съ вывѣской «Минный Офицерскій Классъ». Деревья въ сосѣднемъ саду Морского Техническаго Училища были покрыты яркой багряно желтой листвою и стояли во всей прелести осенняго убранства, но намъ было не до созерцанія красотъ природы. Мы чувствовали себя болѣе чѣмъ неважно.

Мой спутникъ Богдановъ, одного выпуска Морского училища со мной былъ, также какъ и я, свѣже произведеннымъ лейтенантомъ. Мы оба только что вернулись изъ 4-хъ лѣтняго дальняго плаванія, использовавъ полностью полагающійся при этомъ отпускъ. По правдѣ сказать не до наукъ намъ было въ эти счастливыя недѣли, а между тѣмъ Домокловымъ мечемъ висѣлъ все время надъ нами предстоящій намъ осенью вступительный экзаменъ въ Минный классъ.

Въ послѣдніе, передъ этимъ событіемъ, дни мы все таки постарались, на скорую руку, перелистать наши старые корпусные учебники математики, больше для того, чтобы убѣдиться насколько основательно всякая наука за нѣсколько лѣтъ можетъ вывѣтриться изъ головы.

«Какая то каша въ мозгахъ. Совсѣмъ пропала училищная сноровка справляться съ экзаменами» сердито пробурчалъ Богдановъ на мой вопросъ какъ его дѣла.

Аудиторія Миннаго класса, большая комната во 2-мъ этажѣ наполнилась молодежью, блещущей золотомъ эполетъ. На экзаменъ полагалось являться въ вицъ мундирѣ. Было нѣсколько лейтенантовъ постарше насъ, украшенныхъ уже орденами. Всѣхъ экзаменующихся было человекъ 20. Классные столы, за одинъ изъ которыхъ мы успѣлись, сразу напомнилъ намъ родное Морское училище. По срединѣ былъ широкій проходъ. Онъ представлялъ собою какъ бы путь къ нашимъ будущимъ служебнымъ успѣхамъ. Экзаменная коммисія не вызывала кандидатовъ по фамиліи и каждый, рѣшившійся предстать предъ ея грозныя очи, самъ по способности, выходилъ впередъ по этому широкому проходу и становился къ одной изъ большихъ черныхъ классныхъ досокъ.

Твердымъ и увѣреннымъ шагомъ подошелъ къ экзаменаторамъ лейтенантъ Котловъ. Онъ былъ на нѣсколько выпусковъ старше насъ съ Богдановымъ. Спокойно и съ достоинствомъ поклонившись коммисіи онъ выбралъ одинъ билетъ изъ груды лежавшихъ на столѣ и затѣмъ, приблизившись къ доскѣ крупнымъ размашистымъ почеркомъ написалъ на ней № билета, свой чинъ и фамилію.

«Ну, вотъ онъ ужъ навѣрное выдержитъ.»

Это сразу видно», съ завистью посмотрѣвъ на Котлова шепнулъ мнѣ Богдановъ.

Котловъ началъ быстро и не задумываясь что то чертить и писать на доскѣ. Мой сосѣдъ, разбираясь въ его выкладкахъ сталъ постепенно проникаться страхомъ и недоумѣніемъ.

«Мы навѣрное съ тобой срѣжемся» сказалъ онъ мнѣ». Посмотри какъ онъ теорію логарифмовъ треугольниками доказываетъ, а мы съ тобой о такихъ вещахъ и не слыхивали.

Но на покрывающую всю доску треугольники обратилъ вниманіе и главный экзаменаторъ, профессоръ Степановъ. Онъ вдругъ началъ озабоченно переводить взоръ съ классной доски на программу и обратно. Степановъ былъ близорукъ и онъ довольно долго пристально взглядывался въ доску прежде чѣмъ запинаясь и съ довольно сконфуженнымъ видомъ сказалъ:

«Господинъ Котловъ. Вы кажется ошиблись. Въ вашемъ билетѣ значится теорія логарифмовъ, а у васъ на доскѣ... повидимому... что то другое»...

Котловъ, не торопясь, положилъ мѣлъ на мѣсто, тщательно вытеръ платкомъ руки, повернулся, сдѣлалъ шагъ впередъ и почтительно но твердо доложилъ: «Я очень прошу извиненія, но мнѣ кажется — я недостаточно подготовился. Поэтому прошу разрѣшенія дальше не экзаменоваться».

«Пожалуйста... пожалуйста»... какъ то особенно предупредительно, привставая раскланивались съ нимъ всѣ члены экзаменной комисіи. Котловъ, между тѣмъ сохраняя прежній видъ невозмутимаго достоинства, торжественно шествовалъ между столами, направляясь къ выходу.

«Не повезло, чортъ возьми», сообщалъ онъ потомъ одному своему пріятелю. «Только и успѣлъ изъ всей программы просмотрѣть одно подобіе треугольниковъ и рѣшилъ, была не была, отвѣчать ихъ, какой бы билетъ мнѣ ни попался. И вотъ такая неудача»...

Не помню что мы такое отвѣчали съ Богдановымъ, когда наконецъ очутились у роковыхъ черныхъ досокъ, но фамиліи наши оказались въ числѣ выдержавшихъ экзаменъ и зачисленныхъ въ число слушателей.

Учебно минный отрядъ, въ составъ котораго входилъ Минный офицерскій классъ былъ основанъ въ 1875 году. Въ тѣ времена минное дѣло было въ большой «модѣ» въ нашемъ флотѣ и въ нашемъ обществѣ. Въ спискахъ одного изъ первыхъ выпусковъ класса значитсѣ какъ выдержавшій экзаменъ на званіе миннаго офицера и прослушавшій полный курсъ Великій Князь Константинъ Константиновичъ, который до самой своей кончины носилъ на груди скромный значекъ класса.

Взрывъ турецкаго монитора на Дунаѣ, резуль-
татъ минной атаки паровыми катерами подъ
командой лейтенатовъ Дубасова и Шестакова
сразу же обратилъ вниманіе всей Россіи на только
что народившееся грозное оружіе. Незабвенный
адмиралъ С. О. Макаровъ, командуя въ капитанъ
лейтенантскомъ чинѣ пароходомъ въ Черномъ
морѣ производилъ минными катерами атаки на
обладавшихъ сильнымъ флотомъ турокъ въ
самыхъ ихъ портахъ и буквально терроризировалъ
ихъ. Имъ впервые была примѣнена при боевыхъ
условіяхъ только что тогда изобрѣтенная само-
движущаяся мина Уайтхеда, когда онъ подорвалъ
такой миной турецкое сторожевое судно.

На минныхъ офицеровъ въ ту пору смотрѣли
какъ на выразителей какой то новой идеи
морской войны. Съ ними носились почти также
какъ съ авіаторами, когда появились первые
летательные аппараты. При этомъ они пользова-
лись репутаціей людей «ученыхъ». Они вѣдали
одновременно и судовымъ электричествомъ, ко-
торое для большинства тогдашняго служащаго
состава было «Темной водой во облацехъ».

Судовые артиллеристы негодовали на такое
предпочтеніе, оказываемое новой кастѣ «Очковти-
ратели — всѣ эти минеры» ворчали они. «Боковое
сообщеніе ищутъ. Вотъ и вся ихъ электротехни-
ка. А миной своей, пари можно держать: въ ко-
го угодно попадутъ, только не въ непріятеля».

Нѣкоторое основаніе для такого рода отзы-
вовъ и вправду имѣлось. Боковое сообщеніе въ
ту пору много хлопотъ и непріятностей доставля-
ло судовому составу. Мина Уайтхеда, не имѣв-
шая тогда выправляющаго ея путь жироскопи-
ческаго прибора, дѣйствительно была оружіемъ
далекимъ до совершенства.

Минный офицерскій классъ заботами перваго
его начальника и организатора, капитана I ранга
В. П. Верховскаго былъ обставленъ прямо ро-
скошно и представлялъ изъ себя образцовое вы-
сшее военно учебное заведеніе. Прекрасно обо-
рудованная химическая лабораторія, физическій
кабинетъ, масса образцовъ минъ и электрическихъ
приборовъ — все было къ услугамъ учащаго и
учащагося персонала.

Самый главный и крупный по объему курсъ
«гальванизма» читалъ намъ профессоръ Степа-
новъ. Слегка сутуловатый, нѣсколько болѣзнен-
ный съ виду, всегда въ длинномъ черномъ
сюртукѣ, онъ, войдя въ аудиторію, сразу же
торопливо направлялся къ доскѣ и, не теряя ни
одной минуты, начиналъ читать свою лекцію.
Читалъ онъ четкимъ голосомъ, одновременно
дѣлая мѣломъ выкладки и не останавливался ни
на одинъ моментъ. Въ первыя недѣли у насъ,
слушателей, непривыкшихъ усваивать съ такой
пулеметной быстротой преподаваемыя намъ науч-
ныя истины, прямо голова пухла отъ напряженія,
Казалось что какіе то винтики въ мозгахъ.

прекрасно работавшіе во время пребыванія въ корпусѣ, теперь развинтились и заржавѣли. Черезъ нѣсколько недѣль всѣ однако втянулись въ науку и примѣнились къ обстоятельствамъ.

Особое мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ о классѣ занимаетъ А. С. Поповъ. Читалъ онъ намъ курсъ практической физики, предметъ, не считавшійся однимъ изъ главныхъ. Мы, слушатели, любили лекціи Попова. Его плотная фигура, его добродушіе и большое чувство юмора невольно располагали къ нему. Читалъ онъ намъ какимъ то необыкновенно «вкуснымъ», провинціальнымъ говоромъ Средней полосы или Юга Россіи. Опыты, производимые имъ во время лекціи всегда привлекали наше самое напряженное вниманіе.

Въ тѣ времена о возможности примѣненія радіо волнъ никакихъ разговоровъ еще не было ни среди публики, ни въ газетахъ.

Какъ то разъ на лекціи мой сосѣдъ сообщилъ мнѣ: «Ты знаешь Проповъ то нашъ. Онъ оказывается прямо магъ и чародѣй. Онъ можетъ лампы зажигать безъ всякихъ проводовъ».

На одной изъ своихъ лекцій Поповъ показалъ наконецъ намъ то чудо, о которомъ шли такіе слухи. Это былъ снабженный электрическимъ звонкомъ детекторъ радіо волнъ. Въ сущности это былъ первый въ мірѣ радіо пріемникъ. Передъ нами былъ приборъ, которому при дальнѣйшемъ его усовершенствованіи суждено было

сдѣлать цѣлый переворотъ въ дѣлѣ сношеній людей между собою.

Первая публичная демонстрація Поповымъ радіо связи была, какъ извѣстно произведена въ С. Петербургѣ 12 Марта 1896 года. Разстояніе отъ пріемной станціи до передатчика было 40 метровъ. Телеграфная лента принимала сигналы по азбукѣ Морзе. Великъ былъ энтузіазмъ присутствующихъ когда на лентѣ появились слова «Генрихъ Герцъ».

Этимъ Поповъ почтилъ имя своего предшественника, германскаго ученаго, перваго изслѣдователя радіо волнъ.

Маркони сдѣлалъ заявку на свой патентъ, № 12139, 2 Іюня того же года, т. е. почти черезъ три мѣсяца послѣ публичной демонстраціи Поповымъ его радіо пріемника. Я имѣлъ удовольвленіе встрѣтить въ трудахъ по исторіи радіо, изданныхъ въ Америкѣ, имя Попова какъ піонера радіо телеграфированія. Признается его полный пріоритетъ въ дѣлѣ изобрѣтенія пріемника.

Въ минномъ классѣ за полъ часа передъ приходомъ Попова на лекцію въ аудиторіи обычно появлялся его помощникъ и лаборантъ Рыбкинъ, совсѣмъ молодой человѣкъ, который неизмѣнно чувствовалъ себя смущеннымъ и сконфуженнымъ когда попадалъ въ шумную компанію любящей поострить и позубоскалить молодежи - слушателей.

Вспомнилъ я о Рыбкинѣ вотъ почему: Осенью 1935 года въ Кронштадтѣ было торжественно отпраздновано «Шестидесятилѣтіе» совѣтской морской электро-минной школы. Обычно въ Совдепіи не признается никакой преемственности между совѣтскими учебными заведеніями и существовавшими до нихъ и раззоренными большевиками школами Старой Россіи.

Отречемся отъ стараго міра

Отряхнемъ его прахъ съ своихъ ногъ

Но въ данномъ случаѣ годовщину основанія Учебно-миннаго отряда Царскаго времени рѣшили праздновать. Оказывается въ стѣнахъ совѣтской школы 40 лѣтъ тому назадъ, былъ созданъ первый въ мірѣ радіо приѣмникъ. Достиженіе хоть куда! Съ рѣчами на торжествѣ выступали «персонажи» новой власти, а въ заключеніе было дано слово реликвіи лѣтъ давно минувшихъ и сотруднику покойнаго А. С. Попова — нашему старому знакомцу — Рыбкину.

Видимо тамъ рѣшили что «отряхать прахъ съ своихъ ногъ» при данныхъ обстоятельствахъ — невыгодно.

Декабрь всегда являлся роковымъ мѣсяцемъ въ жизни слушателей миннаго класса. Намъ предстоялъ провѣрочный экзаменъ по пройденному нами курсу. Экзаменъ этотъ былъ чисто домашній, безъ назначенія комисіи отъ флота, но неудача на немъ могла повести къ немедленному

отчисленію отъ класса «съ обращеніемъ въ наличіе экипажа».

Такая перспектива въ особенности не улыбалась слушателямъ изъ Чернаго моря. Главнымъ командиромъ тамъ былъ тогда строгій и требовательный адмиралъ Н. В. Копытовъ. Онъ приказалъ чтобы всѣ офицеры, преждевременно отчисленные отъ классовъ въ Кронштадтѣ, непременно являлись ему по прибытіи въ Севастополь.

«Вы необыкновенно быстро курсъ кончили» тонкимъ пронзительнымъ голосомъ, нѣсколько несоотвѣтствующимъ его плотной фигурѣ, начиналъ адмиралъ отчитывать неудачниковъ.

Въ Январѣ началъ намъ читать курсъ взрывчатыхъ веществъ лейтенантъ П. П. Муравьевъ, впослѣдствіи Товарищъ Морского министра, вѣдавшій всей хозяйственной и судостроительной частью флота въ трудные годы минувшей Большой войны.

Высокій, худощавый, с черной бородкой, всегда серьезный, рѣдко улыбавшійся, онъ вносилъ вмѣстѣ съ собою какую то яркую струю живого интереса къ предмету, кажущемуся на первыхъ порахъ сухимъ и малоувлекательнымъ. Его голосъ, высокаго тембра звучалъ чисто по юношески когда онъ читалъ лекцію. Ни одинъ изъ нашихъ тогдашнихъ профессоровъ, за исключеніемъ А. С. Попова, не обладалъ такой способно-

стью заинтересовать своимъ предметомъ слушателей, какъ Муравьевъ.

Слушатели такъ увлекались практическими занятіями по взрывчатымъ веществамъ, что сдѣлалось прямо спортомъ получение пикратовъ изъ разныхъ металловъ. Мы состязались между собою: у кого кристаллы пикратовъ получатся чуднѣе и разноцвѣтнѣе.

Былъ въ числѣ слушателей инженеръ механикъ изъ Чернаго моря Василій Васильевичъ Звѣревъ. Окружающіе всѣ его очень любили, но пользуясь его добродушіемъ и незлобіемъ иногда надъ нимъ подшучивали.

Каждый изъ насъ долженъ былъ изготовить въ стеклянной пробиркѣ небольшое количество нитроглицерина и затѣмъ нѣкоторое время наблюдать за нимъ. Если это опасное вещество разложится и помутнѣетъ оно можетъ самовзорваться.

Однажды Звѣревъ подошелъ къ шкапику, гдѣ хранилась его пробирка и вдругъ узрѣлъ что нитроглицеринъ въ ней изъ прозрачнаго и свѣтлаго обратился въ темно бурюю жидкость самаго угрожающаго вида.

Бѣдняга заметался не зная что и дѣлать «Нитроглицеринъ разложился». И въ руки то пробирку взять опасно: сейчасъ взорветъ, а кромѣ того скандалъ: скажутъ — небрежность, не досмотрѣлъ, того гляди еще и отъ класса отчислятъ.

На помощь пришелъ Яковъ, неизмѣнный въ теченіи многихъ лѣтъ сторожъ химическаго кабинета. Онъ не стѣсняясь сунулъ палецъ въ пробирку попробовалъ вещество на языкъ и доложилъ: »

«Это, Ваше Скородіе, не иначе какъ по случаю сегодняшняго дня 1-го Апрѣля господа вамъ, на вашъ номеръ, пробирку съ окисью желѣза поставили, а нитроглицеринъ вашъ — вонъ онъ стоитъ на нижней полкѣ въ полной сохранности».

Когда во время практическихъ занятій по качественному анализу слушатель, перепробовавъ всевозможные реактивы, никакъ не могъ рѣшить что за таинственный порошокъ лежитъ передъ нимъ, онъ прибѣгалъ иногда, подъ сурдинку, къ помощи Якова. Тотъ пробовалъ загадочное вещество сначала на ощупь, потомъ на «скусь» и безошибочно сообщалъ его химическую формулу. Много поколѣній минныхъ офицеровъ помнитъ стараго Якова. Онъ былъ въ химическомъ кабинетѣ чуть ли не съ основанія класса.

Незамѣтно прошла зима, миновали страшные весенніе экзамены, рѣшавшіе судьбу cadaго изъ насъ и мы оказались на судахъ учебно миннаго отряда. Желанный значекъ миннаго офицера мы могли надѣть, сдѣлавшись членами этой ученой касты, только черезъ 4 мѣсяца, одолѣвъ еще одну препону: осенніе практическіе экзамены.

Отрядъ проводилъ все лѣто на Транзундскомъ

рейдѣ около острова Тейкаръ Сари «Тейкаръ по фински значитъ муравей» сообщилъ намъ кто то изъ старожиловъ миннаго отряда. Спорить противъ этого не приходилось ибо насѣкомыхъ такого вида на островѣ было много. Отрядъ имѣлъ въ тѣ годы небольшія постройки на островѣ: лазаретъ и баню. Было еще нѣсколько домиковъ рыбаковъ финновъ на берегу бухты.

Каждый слушатель долженъ былъ зарядить и лично взорвать довольно увѣсистую шестовую мину, такую же какая примѣнялась Дубасовымъ при взрывѣ имъ монитора.

На порядочномъ разстояніи отъ стоящихъ на якорѣ судовъ конецъ деревяннаго шеста съ миной опускается въ воду. Короткая команда «Рви» и токъ замыкается. Въ первыя доли секунды слушателю кажется что мина не взорвется «Неужели я что нибудь напуталъ — скандалъ» молніей пробѣгаетъ мысль. Но тутъ сразу происходитъ что то необычайное. Внезапнымъ толчкомъ носъ катера подбрасывается кверху. Спереди вырастаетъ сплошная стѣна воды и газовъ. Столбъ этотъ подымается саженъ на 8 и затѣмъ столь же внезапно падаетъ. Когда успокоится поднятое взрывомъ волненіе катерная прислуга спѣшно начинаетъ съ поверхности моря всплывшую, оглушенную ударомъ рыбу. Уловъ обыкновенно бывалъ очень большой.

По установившейся традиціи вечеромъ въ этотъ день въ каютъ компаніи учебнаго судна

происходить чествованіе столь удачно взорвавшего мину слушателя. Его поздравляютъ съ полученіемъ въ нѣкоторомъ родѣ «боевого крещенія» изъ собранной рыбы варится уха, а виновникъ торжества выставляетъ соотвѣтствующіе важности событія напитки. Много лѣтъ прошло со времени пребыванія моего въ Минномъ классѣ. Минное дѣло, находившееся тогда въ періодѣ младенчества успѣло за это время вырости и возмужать. Ничья самая пылкая фантазія не смогла бы въ тѣ времена представить тѣ коренныя и глубокія измѣненія, какія суждено было внести минѣ въ вопросы морской тактики и стратегіи. Многое выяснилось во время Японской войны, а въ послѣднюю войну Англія, имѣя самый большой въ мірѣ линейный флотъ едва въ 1917 году не проиграла войну и не вышла изъ строя, когда германскія подводныя лодки, вооруженныя минами Уайтхеда, начали хозяйничать въ англійскихъ водахъ, взрывая безъ предупрежденія суда съ насущно необходимыми для островного государства грузами.

Тогда Соед. Штаты, только что вступившіе въ войну принуждены были предпринять, чтобы парировать наносимый Германіей ударъ, постановку грандіознаго миннаго загражденія поперекъ всего Нѣмецкаго моря. Нужно было приступая къ массовой выдѣлкѣ гальваноударныхъ минъ, выбрать наилучшій образецъ изъ числа имѣемыхъ во флотахъ Согласія.

Таковымъ былъ признанъ имѣвшійся у нашего отечества. Выработанъ онъ былъ трудами нашихъ минныхъ офицеровъ, въ результатѣ опытовъ, производившихся въ теченіи ряда лѣтъ на Учебно минномъ отрядѣ.

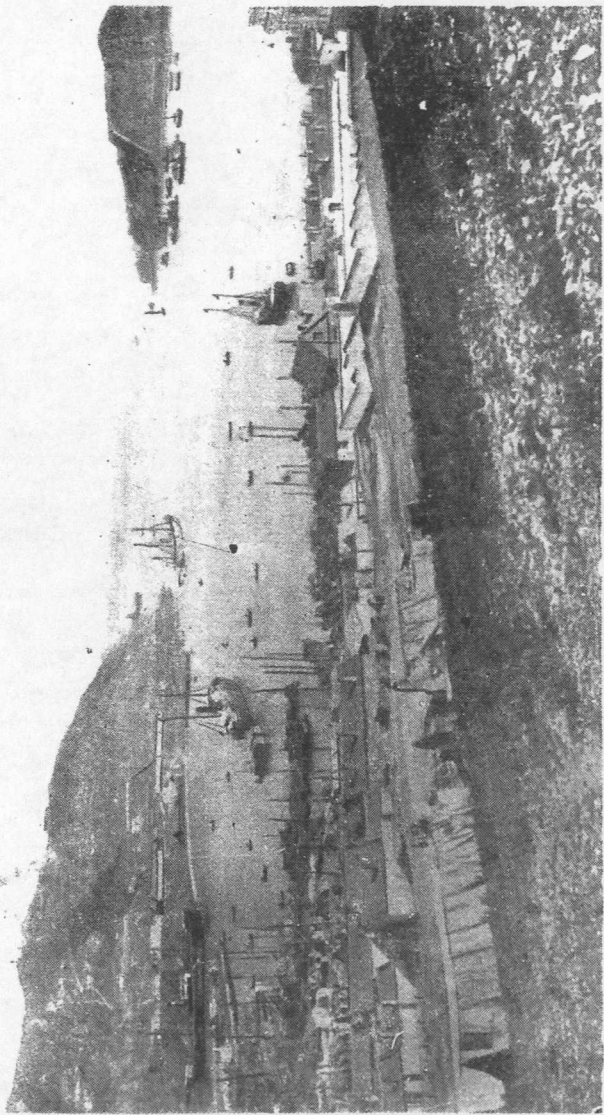
Много минныхъ офицеровъ съ честью послужило Родинѣ въ тяжелые годы Японской и Мировой войны. Геройской смертью погибъ В. В. Звѣревъ находясь на своемъ посту въ машинѣ миноносца во время отраженія атаки брандеровъ въ Портъ Артурѣ. Подвигъ его былъ по Высочайшему повелѣнію увѣковѣченъ: вновь строящійся миноносецъ былъ названъ въ его честь «Инженеръ механикъ Звѣревъ». Волны Японскаго моря колыхаются надъ мѣстомъ послѣдняго упокоенія лейтенанта Богданова, миннаго офицера покрывшаго себя неуязвимой славой «Суворова».

На долю старѣйшины нашего выпуска изъ Миннаго класса лейтенанта Ф. Н. Иванова выпала завидная доля: показать при боевыхъ условіяхъ могучее дѣйствіе гальваноударной мины. Будучи въ 1904 году командиромъ заградителя «Амуръ» онъ 1 Мая, воспользовавшись набѣжавшимъ туманомъ, вышелъ изъ Артурской гавани и въ разстояніи 10-12 миль отъ входнаго маяка, въ районѣ, излюбленномъ судами ближней непріятельской блокадной линіи, поставилъ нѣсколько линій минъ загражденія.

На другой день японская эскадра наскочила а эти мины. Эскадренные броненосцы «Хатсусе»

и «Яшима» пошли ко дну. Японія внезапно потеряла цѣлую треть своей эскадры линейныхъ вооруженныхъ 12 дюймовой артиллеріей, кораблей. Погибли два броненосца изъ шести имѣвшихся у нея.

Орденъ Св. Георгія 4 ст. былъ наградой капитана 2 ранга Ф. Н. Иванова.

Видъ бухты.

Портъ Артуръ.

Наполеонъ III любилъ давать своимъ маршаламъ пышные титулы, пытаясь хоть въ этомъ быть похожимъ на своего дядю, основателя династїи.

Въ началѣ 60-тыхъ годовъ была англо-французская «интервенція» въ Китаѣ. Взяты были высадкой десанта форты въ Таку, послѣ чего интервенты направились къ Пекину, гдѣ у деревни Пали-Као, неподалеку отъ столицы сопротивленіе китайцевъ было сломлено. Посредничество русскаго посла спасло тогда Пекинъ. Былъ заключенъ миръ и генералъ командовавшій французскими войсками получилъ титулъ герцога Паликао.

Въ то время когда пушки англо-французовъ потрясали стѣны «Недвижнаго Китая» въ окрестностяхъ столицы, въ остальныхъ частяхъ громадной Поднебесной имперїи населеніе жило своей обычной повседневной жизнью. Обитатели небольшой рыбацкой деревушки Люй-Шинъ-Коу, расположенной на берегу бухты въ южной части Квантунскаго полуострова, вѣроятно, и не знали ничего о происходящихъ у Пекина бояхъ съ «Иноземными дьяволами».

Въ эти годы англичане заинтересовались побе-

режемъ Желтаго моря и Печелійскаго залива. Военное судно ихъ, занимавшееся съемкой и морскимъ промѣромъ заглянуло и въ бухту у Люй-Шин-Коу. Бухтѣ этой гидрографы дали названіе «Портъ Артуръ». Врядъ ли «просвѣщенные мореплаватели» дѣлавшіе опись береговъ могли себѣ представить, что черезъ 40 лѣтъ двѣ великія державы будутъ вести кровопролитные бои, оспаривая другъ у друга тотъ клочекъ земли на которомъ находилась рыбацья деревушка Люй-Шинъ-Коу.

Въ 1880 году генераль губернаторомъ Чилійской провинціи и главнокомандующимъ Сѣвернымъ китайскимъ флотомъ былъ, получившій широкую извѣстность Ли-Хунъ-Чангъ. Онъ задался цѣлью создать въ Портъ Артуръ базу для флота и крѣпость. Наблюдали за постройкой инженеры нѣмецкіе, французскіе и англійскіе. Съ виду все казалось хорошо и внушительно, но въ послѣдствіи наши военные инженеры, разсматривая развалины Портъ Артурскихъ фортовъ, взорванныхъ японцами, пришли къ заключенію, что иностранцы умышленно вводили вмѣсто бетона много кирпичной кладки при постройкѣ фортовъ и не старались создавать изъ Артура «неприступной твердыни». Каждый изъ этихъ строителей думалъ: «А вдругъ какъ моимъ соотечественникамъ придется форты эти штурмовать».

Въ началѣ девяностыхъ годовъ русская эскадра, по особому приглашенію Лихунчанга, посѣти-

ла закрытый для иностранцевъ Портъ Артуръ. Видимо старику, китайскому магнату, хотѣлось узнать: не надуваютъ ли его инструктора изъ оставшихъ унтеръ офицеровъ англійскаго флота, которыхъ онъ нанялъ обучать китайскія команды его эскадры.

Были устроены маневры со стрѣльбой, артиллерійской и минной. Все продѣлывалось болѣе чѣмъ посредственно. Наши спеціалисты, конечно отмѣтили для себя всѣ изъяны, но въ разговорахъ съ Лихунчангомъ особенно объ этомъ не распространялись, выразивъ ему свое восхищеніе достигнутыми имъ результатами.

Наступилъ 1894 годъ. Началась японо-китайская война. Читатели русскихъ газетъ узнали изъ телеграммъ, что существуетъ гдѣ-то въ Китаѣ крѣпость Портъ Артуръ, которую японцы хотятъ себѣ забрать.

Вскорѣ Портъ-Артуръ палъ, взятый штурмомъ арміей генерала Ойямы, который впоследствии былъ главнокомандующимъ въ войнѣ съ Россіей. Взятіе Артура заняло тогда всего нѣскольکو дней и потери японцевъ при штурмѣ были ничтожны. Но, ворвавшись на улицы, штурмующія колонны учинили порядочный «погромъ» и кровопролитіе.

Въ маѣ 1895 года Китай по Симоносекскому договору вынужденъ былъ согласиться на аннек-

сію Японіей большой части Ляодунскаго полуострова съ портами Портъ Артуръ и Таліэнванъ.

Тутъ выступила на сцену Россія. Укрѣпленіе Японіи на материкѣ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ со столицей Китая сильно нарушало политическое равновѣсіе. Дѣлался возможнымъ въ будущемъ захватъ Японіей всей Манчжуріи до нашей границы включительно.

С. Ю. Витте подробно рассказываетъ въ своихъ, «запискахъ» о томъ участіи, которое онъ принималъ въ переговорахъ съ Лихунчангомъ по поводу ликвидаціи неудачной для Китая войны. Японцы получили вмѣсто Ляодуна 30 милліоновъ таэлей, а мы, взявъ на себя финансированіе уплаты китайцами контрибуціи выговорили себѣ право провести желѣзную дорогу черезъ Манчжурію.

Кромѣ того китайцы обѣщали разрѣшить намъ устроить базу для нашей эскадры въ одной изъ незамерзающихъ бухтъ ихъ побережья.

Пекинское правительство, на первыхъ порахъ, предложило намъ для этого бухту Кіао-Чао на Шантунгскомъ полуостровѣ. Оно мало чѣмъ рисковало, давая ее въ аренду Россіи, ибо отлично знало, что въ бухтѣ этой, отдѣленной отъ русской границы громаднымъ пространствомъ, мы долго не засидимся.

Отрядъ нашихъ судовъ посѣтилъ предложенную намъ бухту, бывшую до того закрытой для иностранцевъ. Командовалъ отрядомъ контръ-ад-

мираль Г. П. Чухнинъ, убитый впоследствии въ Севастополѣ во времена первой революціи.

Пишущему эти строки привелось принимать участіе въ работахъ комиссіи, назначенной адмираломъ, для подробнаго изслѣдованія бухты Кіао-Чао и опредѣленія степени пригодности ея для устройства въ ней русскаго порта.

Мнѣніе Г. П. Чухнина послѣ разсмотрѣнія итоговъ работъ комиссіи было: «Предстоятъ громадныя затраты по оборудованію гавани и крѣпости, а между тѣмъ портъ этотъ въ случаѣ борьбы съ противникомъ, который сильнѣе насъ на морѣ, можетъ оказаться ловушкой для нашего флота»,

Вопросъ о Кіао-Чао отпалъ самъ собой.

Помню какъ то утромъ въ ноябрѣ 1897 года на рейдъ Нагасаки пришелъ изъ Чифу русскій почтовый пароходъ «Байкалъ». Капитанъ его прибылъ на крейсеръ, на которомъ я тогда служилъ, и, еще взбѣгая по трапу, крикнулъ намъ: «Господа! Животрепещущая новость! Нѣмцы высадились и заняли Кіао-Чао! Въ Чифу всѣ говорятъ, что наша эскадра на-дняхъ займетъ Портъ-Артуръ!».

Въ это время извѣстіе о занятіи нѣмцами Кіао-Чао не успѣло еще дойти до насъ по телеграфу и привезенная «Байкаломъ» новость всѣхъ насъ очень поразила.

Дѣйствительно, дня черезъ два часть судовъ нашей эскадры, спѣшно принявъ уголь и провизію, ушла куда-то «съ запечатанными пакетами»,

а еще черезъ недѣлю наступилъ и нашъ чередъ. Выйдя въ море, мы узнали, что идемъ въ Портъ-Артуръ.

Эскадрой нашей въ тѣ времена командовалъ контръ адмиралъ Федоръ Васильевичъ Дубасовъ.

Такъ какъ занятіе Портъ - Артура военной силой было выполнено Дубасовымъ и онъ же былъ первымъ начальникомъ и администраторомъ русскаго Квантуна, то я позволю себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на личности адмирала.

Ф. В. Дубасовъ былъ человѣкъ незаурядный. Во время войны 1877 — 78 г.г. онъ въ чинѣ лейтенанта на крохотномъ паровомъ катерѣ атаковалъ вмѣстѣ съ лейтенантомъ Шестаковымъ и взорвалъ турецкій мониторъ на Дунаѣ.

Мина, которой онъ дѣйствовалъ торчала на деревянномъ шестѣ футъ въ 20 длиной, прикрѣпленномъ къ носу катера. Чтобы взорвать непріятеля надо было подойти къ нему вплотную и ударить миной въ бортъ вражескаго судна.

Нужно имѣть крѣпкіе нервы чтобы пройти тѣ послѣднія 10 сажень, когда атакуемый мониторъ стрѣляетъ въ катеръ почти въ упоръ, какъ изъ орудій, такъ и изъ ружей и револьверовъ.

За подвигъ свой Дубасовъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія IV ст. и зачисленъ флигель-адъютантомъ. Имя его стало извѣстно всей Россіи. Когда война кончилась, высшее морское начальство стало находить, что Дубасовъ: «во вре-

мя войны неощѣнимъ, но въ мирное время — невозможенъ». Довольно долгое время власти «подъ адмиралтейскимъ шпиромъ», не знали, какъ имъ справиться съ Дубасовымъ. Очень крутыхъ мѣръ противъ него не примешь потому какъ ни какъ, онъ — національный герой.

Командуя крейсеромъ «Африка», онъ былъ посланъ на торжество открытія только что прорытаго Петербургскаго морскаго канала. Углубительныя работы еще не были закончены и «Африка», идя серединой фарватера, коснулась гдѣ-то дна.

Въ результатѣ: вызовъ Дубасовымъ на дуэль редактора той газеты, которая критически отозвалась о случаѣ съ «Африкой» и страшная газетная шумиха по этому поводу.

Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ Ф. В. Дубасовъ вдругъ совершенно неожиданно вышелъ въ отставку. Во флотѣ было много рассказовъ о причинахъ этой отставки. Рассказывали между прочимъ, что во время нахождения въ Германіи, гдѣ Дубасовъ былъ военно — морскимъ агентомъ случилось ему ѣхать по желѣзной дорогѣ. Какой то ж. д. агентъ позволилъ себѣ сказать Дубасову какую то грубость и немедленно же получилъ по физиономіи. Можетъ быть и случилось чтонибудь подобное, но во всякомъ случаѣ причиной ухода Дубасова въ отставку было совершенно другое происшествіе.

Вице адмиралъ А. Г. Фонъ Нидермиллеръ въ своихъ воспоминаніяхъ (стр. 107) передаетъ слѣдующее: Дубасовъ былъ начальникомъ отряда миноносокъ. Ему предстояло по выходѣ изъ Петербурга зайти въ Кронштадтъ за углемъ и въ тотъ же день слѣдовать далѣе въ финляндскія шхеры со срочнымъ порученіемъ. Замѣшкавшись нѣсколько въ Петербургѣ онъ прибылъ въ Кронштадтъ, когда по случаю субботы, угольный складъ былъ уже закрытъ ранѣе обыкновеннаго. Такъ какъ завѣдующаго складомъ, за которымъ было послано, не удалось разыскать, то по приказанію флигель адъютанта Дубасова, угольный складъ былъ вскрытъ. Поступокъ этотъ, могшій быть оправданнымъ до нѣкоторой степени срочнымъ порученіемъ, лежавшимъ на отрядѣ миноносокъ, былъ раздутъ чрезмѣрно и Дубасовъ получилъ выговоръ въ приказѣ Генералъ адмирала.

Тогда Дубасовъ подалъ прошеніе объ увольненіи со службы, и сколько его ни уговаривали сослуживцы и его ближайшіе начальники, онъ продолжалъ настаивать на своемъ намѣреніи. Лишь черезъ мѣсяць прошенію этому былъ данъ законный ходъ и тогда Императоръ Александръ 111 высказалъ слѣдующій свой взглядъ: «Если флигель адъютантъ Дубасовъ не находитъ возможнымъ прибыть ко мнѣ для объясненій, то просьбу его удовлетворить».

Такимъ образомъ въ силу какого то непонятнаго недоразумѣнія флотъ лишился одного изъ

лучшихъ офицеровъ, а Дубасовъ съ выходомъ въ отставку потерялъ конечно и флигель адъютантскіе аксельбанты.

Въ отставкѣ, живя въ своемъ имѣніи, онъ пробылъ впрочемъ сравнительно недолго и вскорѣ, соскучившись по морю, вновь былъ принятъ на службу и получилъ въ командованіе старый деревянный фрегатъ «Свѣтлана», служившій въ тѣ времена учебнымъ судномъ для лѣтнихъ плаваній съ кадетами Морского Училища. Пишущій эти строки, находясь на этомъ суднѣ, имѣлъ тогда случай быть подъ командою этого выдающагося офицера.

Высокій, рыжеватый съ небольшими бачками, какъ у Николая 1, съ искусно расчесаннымъ проборомъ на срединѣ головы. всегда изящно одѣтый, Дубасовъ по внѣшности былъ совершеннымъ выраженіемъ типа англичанина джентльмена. Нѣсколько медлительный въ движеніяхъ, какъ бы размѣривающій и обдумывающій каждое свое слово, онъ казался на первый взглядъ «долгодумомъ» и совсѣмъ не походилъ на типъ неукротимаго и неистоваго рыцаря Роланда», какимъ себѣ многіе его представляли.

Возможно, что въ это время, переживъ свои бурные молодые годы, онъ измѣнился: сталъ выдержаннѣе и спокойнѣе. Но кромѣ Макарова, я не помню адмирала который былъ бы такъ популяренъ, какъ Дубасовъ и среди офицеровъ и среди команды. Всѣ знали, что онъ обладаетъ тремя

драгоценными для начальника качествами: твердой волей, смѣлостью и рѣшительностью. Правда, Дубасовъ могъ быть по временамъ рѣзокъ, но въ то же время намъ было хорошо извѣстно, что онъ человѣкъ добрый и сердечный, всегда готовый съ полною справедливостью отнестись къ своему подчиненному.

Наружное англоманство не мѣшало ему относиться съ должной суровостью къ нашимъ недавнимъ союзникамъ англичанамъ, когда обстоятельства этого требовали. Командуя эскадрой Дубасовъ присутствовалъ на официальномъ обѣдѣ на англійскомъ адмиральскомъ суднѣ. Слѣдующимъ международнымъ вѣжливости, онъ произнесъ за этимъ обѣдомъ тостъ за англійскую королеву Викторію. Оказалось, что отвѣтнаго тоста за русскаго Императора провозглашено не было. Дубасовъ послѣ конца обѣда уѣхалъ къ себѣ на судно и тотчасъ же послалъ къ англійскому адмиралу штабъ-офицера сообщить, что о недостаточно уважительномъ отношеніи къ Высокой Особѣ Русскаго Монарха онъ намѣренъ срочно телеграфировать министерству иностранныхъ дѣлъ.

Англичане засуетились. Ихъ адмиралъ немедленно явился принести свои извиненія и оправданія. Дубасовъ его извиненій не принялъ, указавши на то, что невѣжливость по отношенію Главы государства оказана было публично, за официальнымъ обѣдомъ. Кромѣ того онъ сообщилъ, что свою угрозу онъ не приведетъ въ исполненіе толь-

ко въ томъ случаѣ, если на англійскомъ суднѣ будетъ на слѣдующій же день устроены второй точно такой же парадный обѣдъ, съ тѣми же самыми гостями, которые были наканунѣ. Единственнымъ тостомъ за этимъ обѣдомъ долженъ быть тостъ за Русскаго Императора, произнесенный англійскимъ адмираломъ.

Обѣдъ состоялся. Это былъ, кажется, единственный случай, когда за обѣдомъ на англійскомъ военномъ суднѣ не было традиціоннаго тоста за королеву. Дубасовъ выслушалъ молча, какъ англичане пили за здоровье Русскаго Государя, а затѣмъ раскланялся и уѣхалъ.

— «Отчего вы ваше п-во не сжалились надъ нами и не произнесли отвѣтнаго тоста?» — спрашивали Дубасова.

— «Имъ надо было дать урокъ. Я ихъ хорошо знаю, англичанъ. Теперь у нихъ надолго пропадетъ желаніе быть нахальными» — отвѣчалъ онъ.

Въ Портъ Артуръ на внѣшнемъ рейдѣ собралась вся наша тогдашняя Тихоокеанская эскадра. Нѣсколько мористѣе насъ поодаль, стояли два англійскихъ крейсера и вѣроятно довольно мрачно на насъ поглядывали. Впослѣдствіи мы узнали что въ эти дни шли переговоры нашего правительства съ англичанами. Послѣдніе выторговали себѣ, въ обмѣнъ за уступку въ нашу пользу Портъ Артура, право обосноваться какъ у себя

дома въ Вейхайвеѣ, на противоположномъ берегу того же залива. Когда такое соглашеніе состоялось, англійскіе крейсера ушли.

Мрачнымъ и непривѣтливомъ показался намъ Портъ Артуръ въ эти первые дни знакомства съ нимъ в Декабрѣ 1897 года. Голые точно огнемъ опаленные отроги, мѣстами снѣгомъ покрытаго высокаго Ляотишанскаго хребта и такого же суроваго вида горы у самаго входа въ бухту, отражались въ спокойныхъ водахъ Печелійскаго залива, но отнюдь не радовали нашего взора. Послѣ живописныхъ, убранныхъ живописной растительностью, высокихъ береговъ Японіи, усѣянныхъ кучею хорошенькихъ, похожихъ на бомбоньерки домиковъ, берега Квантунскаго полуострова казались намъ пустынными, скучными и холодными. Нужно было привыкнуть къ своеобразной природѣ этого мѣста, провести тамъ порядочное число мѣсяцевъ и дожидаться когда Портъ Артуръ нѣсколько «обрусѣетъ» чтобы оцѣнить этотъ край по достоинству.

«Ну и мѣстечко же выбрало наше начальство для стоянки эскадры» говорили въ первые дни по приходѣ въ Портъ Артуръ наши офицеры. Но прошло нѣсколько времени и когда этотъ далекій отъ нашей родины китайскій поселокъ сталъ мало по малу обращаться въ русскій городокъ, то родными, милыми и привлекательными стали намъ казаться крутые склоны артурскихъ горъ. Походивъ съ охотничьей двухстволкой по окрестно-

стямъ Портъ Артура и пострѣлявъ утокъ и бекасовъ, мы стали находить своеобразную прелесть въ суровой природѣ Южнаго Квантуна.

Въ концѣ 1897 года мы нашли городъ и портъ еще не оправившимися отъ того разгрома, который учинили тамъ японцы, взявъ крѣпость штурмомъ за три года передъ тѣмъ. Лѣтомъ 1895 года, когда правительству страны Восходящаго Солнца пришлось подъ давленіемъ съ нашей стороны эвакуировать Портъ Артуръ и другіе занятые японскими войсками пункты на материкѣ Азіи, то войска эти, уходя, старались не оставить камня на камнѣ. То, чего не могли увезти, было взорвано. Форты лежали въ видѣ развалинъ. Набережная Восточнаго бассейна и сухой докъ однако уцѣлѣли. Или техническихъ средствъ у нихъ не хватило для порчи всего этого или же пристанями и докомъ имъ приходилось пользоваться до послѣдняго дня пребыванія въ Портъ Артурѣ.

Японцы увезли изъ портовыхъ мастерскихъ всѣ станки и машины, но китайцамъ къ нашему приходу удалось оборудовать вновь часть мастерскихъ. Даже электрическое освѣщеніе стало вновь дѣйствовать.

Китайцы держали въ Портъ Артурѣ небольшой гарнизонъ. Императорскій китайскій флагъ съ изображеніемъ дракона былъ поднятъ на флагштокъ на форту на вершинѣ Золотой горы.

Мало по малу портъ началъ насъ обслуживать.

Мелкій судовой ремонтъ производили наши люди, пользуясь китайскими мастерскими. Малыя суда эскадры стали входить въ Восточный бассейнъ для стоянки. Тамъ же стояли и китайскія военныя суда.

9 Марта 1898 года на рейдъ пришелъ пароходъ Добровольнаго флота «Саратовъ». На немъ прибыли изъ Владивостока 1-ый батальонъ 4 В. С. Стрѣлковаго полка, полубатарей 1-ой батареи 1-ой В. С. артиллерійской бригады и взводъ 1-го Верхнеудинскаго полка Забайкальскаго казачьяго войска. Стало очевиднымъ что близится день занятія нами Артура и эвакуціи китайскихъ войскъ. 15 Марта (ст. ст.) эскадра съ вечера получила приказаніе на разсвѣтъ быть готовой къ бою съ разведенными парами. Въ этотъ день конвенція съ Китаемъ объ эвакуціи войскъ Поднебесной имперіи была подписана и формально никакихъ препятствій къ занятію нами Квантуна уже не было, но всегда можно было предполагать что отдѣльные китайскіе генералы откажутся выполнить приказъ своего правительства объ эвакуаціи. Могли быть также и бунты въ китайскихъ войскахъ. Поэтому наша готовность къ бою была мѣрой чисто предупредительной.

Было сѣрое облачное утро, дальніе холмы на полуостровѣ Тигровый Хвостъ были еще окутаны дымкой тумана, когда въ 8 часовъ утра на высокомъ форту на самой вершинѣ Золотой горы при звукахъ «Боже Царя храни» исполняемаго орке-

страдами эскадры былъ поднять русскій Андреевскій флагъ. Подымалъ флагъ лично В. Кн. Кириллъ Владиміровичъ, который тогда плавалъ въ чинѣ мичмана на крейсера «Россія».

Китайскія суда, увозившія войска ихъ гарнизона, одно за другимъ выходили изъ гавани и уходили въ море. Наши войска сошли съ «Саратова» и заняли караулы въ городѣ. Все вышло чинно и спокойно.

По договору съ китайцами, ихъ судамъ предоставлено было право пользоваться услугами военнаго порта въ Портъ Артуръ. Чтобы не вызывать недоразумѣній съ англичанами и японцами было объявлено, что мы не аннексируемъ Квантунскій полуостровъ, а только беремъ его въ аренду на извѣстное число лѣтъ и право владѣнія мѣстностью отъ китайцевъ не отнимаемъ. Поэтому въ первые мѣсяцы по занятію нами Портъ Артура на флагштокахъ на Золотой горѣ подымалось одновременно два флага: нашъ и китайскій. Конечно это было абсурдомъ съ международной точки зрѣнія: на той же территоріи получалось двое хозяевъ.

Кажется было довольно много переписки по этому поводу между Морскимъ вѣдомствомъ и министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ. Последнее, нѣсколько запутавшись въ договорахъ съ китайцами, не брало на себя инициативы спустить китайскій флагъ, но, повидимому, зная, что адмиралъ

Дубасовъ славится своей рѣшительностью и пользуется репутаціей «необузданнаго человѣка» ничего не имѣло бы противъ если бы адмиралъ спустилъ этотъ флагъ самочинно. Тогда въ случаѣ большого скандала Иностранное вѣдомство могло бы сказать: «Мы тутъ не при чемъ. Это все адмиралъ Дубасовъ самовольно сдѣлалъ». — Самъ адмиралъ отлично это понималъ.

Однажды послѣ захода солнца и вечерней зари, когда флаги какъ въ крѣпости, такъ и на судахъ были уже спущены, флагъ капитанъ принесъ Дубасову телеграмму изъ Петербурга, въ которой говорилось: «Если китайскій флагъ въ Портъ Артуръ спущенъ, то больше его не поднимать».

Само собой понятно, что подъ спускомъ флага въ этой телеграммѣ отнюдь не подразумѣвался обычный спускъ его на ночное время.

Дубасовъ, человѣкъ отъ природы волевой и рѣшительный, сначала нѣсколько задумался, прочитавъ телеграмму, а затѣмъ спросилъ флагъ капитана своимъ размѣреннымъ спокойнымъ тономъ:

— «Скажите мнѣ: спущенъ ли китайскій флагъ на Золотой горѣ?»

— «Такъ точно, спущенъ Ваше П-во» — отвѣтилъ тотъ. Посмотрѣвъ на берегъ Дубасовъ всталъ, перекрестился и сказалъ:

— «Въ такомъ случаѣ прикажите его больше не подымать».

Русскій флагъ развѣвался надъ Портъ Артуромъ до 2 Января 1905 г. (по нов. ст).

Будетъ ли онъ когда нибудь вновь поднять на Золотой горѣ и дойдет-ли Россія опять до своей границы 1904 года — береговъ Печелійскаго залива. Никто сейчасъ, конечно, не сможетъ дать отвѣта на этотъ вопросъ.

Одинъ мой знакомый англичанинъ, внимательно изучавшій русскую исторію говорилъ мнѣ: «Вы, русскіе, очень странный народъ. Въ одиночку вы очень мягки, уступчивы и не стойки, но какъ нація вы упрямы и настойчивы. Россія за всю свою исторію никогда не соглашалась на уступку непріятелю территоріи навсегда и, если не въ томъ же поколѣніи, то въ слѣдующемъ непременно возвращала себѣ все то, что силой отъ нея было отнято.

Замоскворецкіе «интеллигенты» временъ Царевны Софіи вѣроятно считали неудачный походъ кн. Голицына на Крымъ, сопряженный съ потерю ранѣ занятой нами территоріи» непростительной авантюрой». Менѣ чѣмъ черезъ 100 лѣтъ авантюра эта была повторена и Крымъ сталъ русскимъ.

Столь памятная въ допетровскія времена исторія занятія нами крѣпости Албазинъ на верхнемъ Амурѣ. Вѣдь это тотъ же Портъ Артуръ. Такая

же осада, взятіе его непріятелемъ, наше отступленіе на сотни верстъ назадъ.

А затѣмъ. Маятникъ исторіи качнулся въ обратную сторону. Россія двинулась на востокъ, заняла Владивостокъ и Приморскую область, дошла до Портъ Артура. Албазинъ остался далеко позади.

На южномъ Сатанинѣ.

На переднемъ мостикѣ крейсера «Рюрикъ» всѣ напряженно всматривались впередъ и еще напряженнѣе вслушивались. Даже командиръ нашъ «Богъ Саваофъ» какъ его называли подчиненные, всегда спокойный и уравновѣшенный и тотъ, держась одной рукой за поручень мостика, другой нервно поглаживалъ свою желтовато сѣрую, пышно на двѣ стороны раскинувшуюся бороду, дававшую ему сходство съ Создателемъ вселенной.

Мы шли въ густомъ, сыромъ, холодномъ туманѣ. — «Здѣсь, въ Лаперузовомъ проливѣ въ это время года, въ среднемъ, одинъ ясный день въ мѣсяцъ бываетъ. Чего же вы отъ меня хотите» — заявилъ старшій штурманъ въ отвѣтъ на чьи то упреки: — «Ну, и погоду же вы намъ, штурмана, устроили».

Намъ казалось страннымъ видѣть все судовое населеніе въ черномъ, тепло пріодѣвшемся. Было это въ Августѣ мѣсяцѣ. Всего за нѣскольکو дней назадъ мы претерпѣвали настоящую «паровую баню» съ 40 градусной температурой, стоя на якорѣ, на закрытомъ горами со всѣхъ сторонъ, рейдѣ Нагасаки. Мы, молодые офицеры крейсера, съ шумной радостью покинули изнывающую въ лѣтней тропической жарѣ Южную Японію, направ-

ляясь на прохладный Сѣверъ. Цѣль наша была посѣтить далекій «Сахалинъ островъ.» Вспоминались страницы «Записокъ изъ Мертваго дома». Всѣмъ намъ хотѣлось посѣтить каторгу, это страшное таинственное мѣсто, гдѣ гремятъ кандалы и живутъ прикованные къ тачкамъ люди, мѣсто горя и «скрежета зубовнаго».

Воображеніе рисовало намъ голыя, мрачныя, высокія скалы, омываемые морскимъ прибоемъ, темную каменную тюрьму въ видѣ ящика съ рѣшетчатыми окнами, окруженную сторожевыми башнями и холодной сталью штыковъ часовыхъ.

Но вотъ на мостикѣ всѣ сразу уловили какой то слабый, плачущій, тягучій звукъ. Онъ слышался спереди, немного лѣвѣе курса. Это былъ колоколъ на плавучемъ буѣ, ограждавшемъ опасный, подымавшійся со дна моря, камень, который мы должны были миновать. Звукъ выяснялся и вскорѣ колоколъ уже гудѣлъ на нашемъ траверзѣ. — «Отлично» — сказалъ штурманъ. — «Теперь у насъ есть точное мѣсто и мы смѣло можемъ идти на рейдъ Корсаковского поста».

Туманъ не расходился. Мы уже по численію были на рейдѣ, но по прежнему съ мостика не было видно даже собственнаго полубака. Уменьшили ходъ, а потомъ и застопорили машину.

Вдругъ — чисто театральнй эффектъ. Легкій порывъ вѣтерка въ одно мгновеніе сдернулъ

завѣсу тумана. Внезапно открылся весь залитый ярким лѣтнимъ солнцемъ, густо поросшій лѣсомъ берегъ, окаймленный рядомъ невысокихъ холмовъ.

Какъ въ панорамѣ мы увидали передъ собою чисто русскій захолустный уѣздный городокъ, точно волшебствомъ перенесенный на другой край свѣта. Желтой лентой взбѣгала отъ пристани на горку гладкая шоссейная дорога бывшая, очевидно, и главной улицей городка. По сторонамъ ея виднѣлись ряды деревянныхъ уютныхъ одноэтажныхъ домиковъ, окруженныхъ зелеными садами и огородами. Колокольня небольшой церкви и колосящаяся рожь на поляхъ на окраинѣ города еще болѣе усиливали иллюзію, что мы находимся не на далекомъ побережьи Азіи, а гдѣ — нибудь въ Курской или въ Тульской губерніи. Въ бинокль былъ виденъ поднимающійся шажкомъ на горку тарантасъ какого то невиданнаго стариннаго образца, запряженный парой лошадей, взбивавшихъ копытами пыль на шоссе. Казалось мы вернулись къ 30-мъ или 40-мъ годамъ, когда свистокъ паровоза еще не нарушалъ вѣковой тишины русскаго захолустья. Можно было вообразить вѣдущимъ на этомъ тарантасѣ самого Павла Ивановича Чичикова въ его новой парѣ «наваринскаго дыму съ пламенемъ».

Матросъ сигнальщикъ на мостикѣ, расторопный парень изъ Приволжскихъ мѣстъ вниматель-

но осмотрѣлъ берегъ и съ радостной улыбкой подѣлился съ вахтеннымъ мичманомъ своими впечатлѣніями:

— Ужъ и мѣсто же здѣсь, Вашъ Бродъ, — лучше не надо. Одно слово — Рассея. Какая жъ тутъ каторга. Вотъ бы намъ тутъ стоять назамѣсть Портъ Артура.

— Солонина — сказалъ вахтенному начальнику пріѣхавшій на паровомъ катерѣ съ берега плотный человекъ въ штатскомъ и въ чиновничьей фуражкѣ.

Оказалось такова была фамилія представителя мѣстной администраціи.

— Что это за люди у васъ на катерѣ, — спросили мы, посмотрѣвши на двухъ или трехъ человекъ катерной прислуги, которые съ веселымъ и довольнымъ видомъ сейчасъ же начали распрашивать фалрепнаго матроса «Нѣтъ ли на суднѣ земляковъ тверскихъ и пензенскихъ».

— Да это каторжане. Я всегда съ ними ѣзжу, отвѣтилъ Солонина.

— Но вѣдь они у васъ убѣжать могутъ, какъ же вы имъ катеръ довѣряете.

— Ничего... Далеко не убѣгутъ.

Наша шлюпка отправлялась на берегъ съ ревизоромъ: послать телеграмму о нашемъ приходѣ. Въ числѣ нѣсколькихъ другихъ офицеровъ поѣхалъ за компанію и я. Длинная деревянная дам-

ба пристани на толстыхъ сваяхъ была произведе-
ніемъ каторжанина-инженера, бывшаго офицера
одной изъ блестящихъ петербургскихъ гвардей-
скихъ частей. Онъ былъ сосланъ сюда за убійство.
За его процессомъ, надѣлавшимъ много шуму въ
80-хъ годахъ, слѣдила вся Россія. Въ запискахъ
сенатора Кони дѣло этого офицера, прапорщика
Ландсберга, было изложено подробно. Въ дѣлѣ
этомъ былъ нѣкоторый оттѣнокъ романтизма.
Ландсбергъ, блестящій офицеръ, дѣлавшій карье-
ру, былъ помолвленъ съ дочерью генерала, зани-
мавшаго постъ равный министерскому. Человѣкъ,
которому онъ былъ долженъ порядочную сумму,
сказалъ молодому офицеру: — Я вамъ сдѣлаю пода-
рокъ на свадьбу. Тотъ принялъ это за угрозу:
представить векселя ко взысканію, что означало,
конечно, уходъ со службы, разрывъ съ невѣстой и
конецъ радужнымъ мечтамъ о карьерѣ. Въ ре-
зультатѣ: убійство займодавца, судъ и каторга на
много лѣтъ. По ироніи судьбы тотъ подарокъ, о
которомъ говорилъ убитый, долженъ былъ со-
стоять въ возвращеніи Ландсбергу его векселей
погашенными.

Знанія, приобрѣтенныя бывшимъ офицеромъ
въ Инженерномъ училищѣ, принесли много поль-
зы Сахалину. Когда въ послѣдствіи мнѣ удалось по-
бывать въ Александровскомъ Посту тамъ тоже
оказалась прекрасно построенная дамба работы
Ландсберга. Въ началѣ этого столѣтія онъ, закон-
чивъ свой срокъ на Сахалинѣ, получилъ право по-

селиться во Владивостокѣ, гдѣ и проживалъ благополучно, завоевавъ себѣ имя какъ энергичный дѣлецъ и добросовѣстный почтенный чело-вѣкъ.

На концѣ пристани былъ построенъ небольшо-й домикъ-караулка для сторожа. Одинокая фи-гура въ сѣромъ арестантскомъ армякѣ, съ сѣрымъ, какимъ то безжизненнымъ, лицомъ и въ сѣрой шапкѣ, безкозыркѣ, стояла у ступенекъ трапа. При нашемъ приближеніи сторожъ какъ бы въ испугѣ, однимъ рѣзкимъ короткимъ движеніемъ разомъ сдернулъ съ головы свой картузь и за-меръ въ неподвижной почтительной позѣ. Намъ вспомнилась старинная арестантская пѣсня о Са-халинѣ.

Сѣрая свитка, на ней бубновый тузь

Голова обрита, а на ней картузь...

Удивительно тяжелое, непріятное, впечатлѣніе производило на насъ это сдергиваніе арестантами шапки при встрѣчѣ с нами. Въ этомъ жестѣ сов-сѣмъ не чувствовалось привѣтствія, а была вид-на только жестокая приниженность съ оттѣнкомъ животнаго страха.

— Прикажете экипажъ потребовать — сказалъ намъ сторожъ, когда мы начали его спрашивать, гдѣ находится телеграфъ.

— Не надо, братецъ, — мы пѣшкомъ туда пойдёмъ.

На лицѣ нашего собесѣдника выразилось крайнее удивленіе:

— Какъ же это можно-съ: у насъ господа никогда пѣшкомъ не ходятъ.

Мы стали спрашивать обитателя каторги: кончилъ ли онъ свой срокъ заключенія и что его ожидаетъ въ будущемъ. Говоритъ: каторгу отбылъ и можетъ хоть сейчасъ ѣхать на материкъ. Одна бѣда: нѣтъ денегъ на билетъ на пароходъ. Тамъ нужно 30 рублей заплатить.

— Что же ты копишь деньги для этого?

— Такъ точно, коплю.

Рука cadaго изъ насъ невольно потянулась къ бумажнику. Въ душѣ cadaго россиянина крѣпко заложено чувство жалости къ «несчастненькому» Положимъ ему рублей 15 не хватаетъ. Мы сложимся по три рубля и дадимъ возможность человѣку начать новую трудовую жизнь на свободѣ.

— Сколько же ты всего скопилъ?

Тутъ нашъ новый знакомецъ сдѣлалъ неоправимую ошибку отвѣтивъ:

— Да пока еще ничего нѣтъ.

Мы пожелали ему поскорѣе освободиться и продолжали нашъ путь.

— Все онъ вралъ вамъ этотъ сторожъ на пристани, — сказалъ намъ на другой день администра-

торъ. — Никогда не вѣрьте арестантамъ, когда они говорятъ, что на билетъ денегъ не хватаетъ. Это ихъ обычный пріемъ выпрашивать подачку. А сторожу еще нѣсколько лѣтъ до срока остается.

На крейсерѣ мы устроили обѣдъ двумъ представителямъ мѣстной власти, но по оплошности посадили ихъ за столъ рядомъ. Вскорѣ мы замѣтили, что администраторы не только другъ съ другомъ не разговариваютъ, но даже и смотрѣть стараются въ разные стороны. Потомъ мы узнали что одинъ изъ нихъ настоялъ, чтобы его коллега былъ временно отстраненъ отъ должности и отданъ подъ судъ за какія то злоупотребленія.

Ничего не зная объ этомъ, мы на другой день, завтракая у потерпѣвшаго такую служебную невзгоду чиновника, представившагося намъ какъ «Начальникъ тюрьмы», начали просить его показать намъ свои владѣнія. Быть на Сахалинѣ и не видать каторжной тюрьмы, это все равно, что быть въ Римѣ и не видать папы.

Администраторъ нѣсколько замялся:

— Хорошо... Я постараюсь вамъ это устроить.

Потомъ онъ куда то исчезъ, видимо гдѣ то хлопоталъ, и вернулся съ человѣкомъ въ формѣ тюремнаго стражника унтеръ офицерскаго ранга съ синимъ револьвернымъ шнуромъ.

— Вотъ онъ вамъ все покажетъ.

Мы были нѣсколько удивлены: почему нашъ любезный хозяинъ самъ лично не пошелъ, а послалъ съ нами стражника. Впослѣдствіи мы узнали въ чемъ дѣло: его самого въ тюрьму не пустили.

Вотъ и каторжная тюрьма. Не особенно высокій деревянный заборъ окружаетъ довольно обширный, слегка поросшій травой дворъ-площадь. Ворота широко открыты и черезъ нихъ въ одиночку и группами все время снуютъ арестанты. У воротъ нѣтъ не только часовыхъ съ ружьями, но и вообще никакихъ сторожей не видно.

— Какъ же они у васъ тутъ такъ гуляютъ, — спросили мы нашего провожатаго. — Вѣдь они сбѣжать могутъ съ каторги.

— Никакъ нѣтъ. Далеко они убѣжать не могутъ. А если убѣгутъ и ихъ изловятъ — имъ же хуже будетъ.

Людей въ кандалахъ совсѣмъ не было видно. Въ оковахъ они только прибываютъ въ каторгу на пароходѣ. Съ тѣхъ, кто ведетъ себя хорошо, кандалы снимаются въ первый же мѣсяцъ, а затѣмъ въ порядкѣ постепенности и съ остальныхъ. Въ наше пребываніе на островѣ было всего нѣсколько человѣкъ закоренѣлыхъ, опасныхъ и буйныхъ преступниковъ въ кандалахъ. Мы ихъ совсѣмъ не видали. За преступленія, совершенныя на каторгѣ, арестанты могутъ быть прикованы къ тачкѣ. Такихъ при насъ ни одного не было.

Было часовъ 6 дня. Работы по рубкѣ и распиловкѣ деревьевъ, которыми занимается большая часть арестантовъ въ окрестностяхъ Корсаковска были къ этому времени закончены. Каторжане имѣли въ своемъ распоряженіи свободный вечеръ и могли уходить съ тюремнаго двора куда угодно ни у кого не спрашивая разрѣшенія.

Оказывается на каторгѣ больше свободы въ сущности, чѣмъ въ воинскихъ частяхъ. Тамъ надо спросить разрѣшеніе идти за ворота и предъявить, уходя, отпускной билетъ, а тутъ ничего этого не надо.

— Куда же они ходятъ въ это время, — спросили мы.

Свободные часы проводятъ они главнымъ образомъ въ поселкѣ въ которомъ живутъ семьями отбывшіе срокъ каторги. Есть тамъ также дома еще не отбывшихъ, но за хорошее поведеніе получившихъ разрѣшеніе жениться на каторжанкѣ и получившихъ пособіе отъ казны на обзаведеніе всѣмъ необходимымъ. Каторга для женщины обычно заключается въ выходѣ замужъ за ссыльно-поселенца или каторжанина. Принудительныхъ работъ для женщинъ, повидимому, не было.

Молодые, приголыныя, дѣлаютъ карьеру, водворяясь въ домахъ мѣстнаго служилаго элемента. Туда онѣ охотно идутъ чтобы избѣжать жизни въ казармѣ или выхода замужъ за арестанта.

Сосланный на каторгу «интеллигентъ» почти

никогда не привлекается къ черной мускульной работѣ. На островѣ большая нехватка хорошо грамотныхъ людей для обязанности писаря, чертежника и т. п.

Посреди двора стоитъ казарменное зданіе, одноэтажное, деревянное, имѣющее видъ большого сарая и на тюрьму не похожее. Въ немъ нары, на которыхъ спятъ арестанты. Сейчасъ зданіе пусто. Въ 9 часовъ вечера — справка. Къ этому времени всѣ должны вернуться съ прогулки. После переклички двери казармы запираются до утра.

Въ сторонѣ такіе же сараи: плотничная, столярная, слесарная и сапожная мастерскія. Тутъ же — швальня. Всѣ зданія пусты: сейчасъ работъ нѣтъ. Мы пробовали на кухнѣ щи съ капустой и кашу. По качеству все очень близко къ солдатскимъ раціонамъ. Чернаго хлѣба, говорятъ, даютъ вдоволь.

Зданіе съ желѣзными рѣшетками на окнахъ. Тамъ сидятъ арестанты, совершившіе преступленіе на каторгѣ и ожидающіе суда. Въ одномъ изъ карцеровъ содержалась «женщина» убившая мужа каторжанина. На Сахалинѣ она попала за убійство перваго мужа въ Европейской Россіи. Повидимому тутъ былъ какой то недосмотръ со стороны медицинскаго персонала. Это былъ случай т. наз. «гермафродитизма», ненормальности въ половой сферѣ. Женщиной она была только по паспорту.

Намъ разсказывали что принцъ Генрихъ Прусскій во время посѣщенія Сахалина Германской эскадрой настолько заинтересовался этимъ случаемъ что просилъ тюремныхъ врачей показать ему эту даму «въ натуральномъ видѣ».

За завтракомъ у одного изъ представителей мѣстной власти мы увидѣли, что намъ прислуживаютъ за столомъ высокіе стройные молодцоватые люди въ черкескахъ съ гозырями и съ кинжалами за поясомъ.

— Что это у васъ за прислуга, — спросили мы.

— Да это сосланные сюда за убійство каторжане.

— Но какъ же вы даете имъ разгуливать съ такими страшными кинжалами, если они убійцы.

Оказывается, это самый мирный и законопослушный народъ. Но у нихъ кавказскихъ горцевъ есть установленный вѣками обычай «родовой мести». Нарушить его они не могутъ. Тогда имъ не будетъ мѣста среди ихъ единоплеменниковъ. Въ то же время русскій законъ не признаетъ такого обычая и караетъ за убійство каторгой.

— Они служатъ моими тѣлохранителями, — сказалъ намъ администраторъ. — Это самый надежный и вѣрный народъ. Къ сожалѣнію они какъ южане очень подвержены чахоткѣ. Поэтому намъ приходится беречь ихъ и держать здѣсь на югѣ острова, гдѣ климатъ все таки мягче.

Въ одинъ изъ дней пребыванія на Сахалинѣ мы встрѣтили на пристани группу матросовъ Сибирскаго флотскаго экипажа. Это была прибывшая за припасами охранная команда одного изъ прибрежныхъ маяковъ, находящагося въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Корсаковскаго поста. Среди матросовъ былъ одинъ, поразившій насъ своимъ необычайнымъ видомъ. На его лицѣ былъ написанъ паническій страхъ. Глаза его все время бѣгали и онъ безпрестанно озирался, какъ будто ожидая нападенія изъ за угла.

— Это совсѣмъ не матросъ, а каторжанинъ, — пояснили намъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на пароходѣ «Ярославль», который везъ арестантовъ изъ Одессы на Сахалинъ, былъ устроенъ заговоръ. При удачѣ каторжане могли, перебивъ судовое начальство, захватить судно въ свои руки. Этотъ человѣкъ сообщилъ обо всемъ начальству. Были тотчасъ же приняты всѣ необходимыя мѣры. Къ сожалѣнію вѣсть о томъ кто ихъ выдалъ, дошла до арестантовъ.

Съ тѣхъ поръ этотъ человѣкъ чувствуетъ себя какъ бы приговореннымъ къ смерти. Чтобы спасти его, власти переодѣли его матросомъ и держатъ въ маячной командѣ, вдали отъ каторжной тюрьмы.

— Но все равно, — добавилъ рассказчикъ: — Рано или поздно шпана наша до него доберется и онъ это знаетъ.

Какое же въ общемъ впечатлѣніе произвела на насъ каторга на Южномъ Сахалинѣ. На тюрьму она оказалась очень мало похожей. Скорѣе она выглядѣла какимъ то захудалымъ богоугоднымъ заведеніемъ, очень бѣднымъ и сильно запущеннымъ. Она оказалась совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ мы ее воображали.

Пожалуй очень многіе изъ обитателей теперешней СССР, находящихся тамъ «на свободѣ» были бы рады попасть въ тѣ условія, въ какихъ находился въ прежней Россіи ея наиболѣе преступный и наименѣе желательный въ странѣ элементъ, сосланный на Сахалинъ.

Въ данный моментъ Южный Сахалинъ называется Карафутто и русскій флагъ на немъ спущенъ. Судьбы народовъ находятся въ рукахъ Божіихъ и мы будемъ надѣяться, что въ свое время онъ снова войдетъ въ составъ имперіи Россійской, но уже не въ качествѣ мѣста ссылки и наказанія.

Начало боксерскаго возстанія. Бомбардировка Фортвъ Таку.

Начало боксерскаго похода.

1900 годъ начался на нашей тихоокеанской эскадрѣ, какъ и всѣ предыдущіе годы. Казалось военной грозы ждать было неоткуда. Наши суда проходили обычный курсъ стрѣльбы и эскадренныхъ эволюцій. Были очень интересные двухсторонніе маневры, съ посадкой на суда бригады нашихъ несравненныхъ сибирскихъ стрѣлковъ и съ высадкой десанта въ одной изъ бухтъ Квантунскаго полуострова. Мы тогда не предвидѣли, что очень скоро придется принимать войска на палубу уже не для учебной цѣли, а въ силу военной необходимости.

Въ тѣ времена мы, молодые офицеры, по правдѣ сказать, мало обращали вниманія на статьи, которыя съ весны стали появляться въ англійскихъ газетахъ Шанхая и Гонконга. Тамъ говорилось о какихъ-то «Ипхе Туаняхъ», производящихъ безпорядки въ Сѣверномъ Китаѣ. Въ переводѣ этихъ людей называли «Большими Кулаками» или короче: «Боксерами». Мелькомъ мы впрочемъ слышали, что изъ-за этихъ смутьяновъ нѣсколько нашихъ канонерскихъ лодокъ было послано въ рѣку Пэйхо, очевидно, какъ мѣра предосторожности. Подобныя послышки бывали иногда и въ предыдущіе годы.

Мы не очень завидовали тѣмъ изъ нашей морской братіи, кто служилъ на этихъ судахъ. Слишкомъ мало привлекательности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ протекаетъ историческая рѣка Пэй-хо, въ особенности же въ лѣтніе мѣсяцы, когда южное, высокостоящее на небѣ солнце кажется льетъ расплавленный металлъ вамъ на голову. Если же поднимется вѣтерокъ, то онъ занесетъ васъ пылью съ глинистыхъ низменныхъ береговъ рѣки. Мало утѣшаетъ васъ и самая рѣка, протекающая мимо самой столицы Китая, гдѣ она омываетъ «раскаленные ступени» тамошнихъ «царственныхъ могилъ». Вода ея выглядитъ какъ густой желтовато бурый гороховый супъ съ трупамн собакъ, лошадей, а иногда и людей, проносимыхъ мимо корабля теченіемъ.

Въ самомъ началѣ лѣта, когда въ Портъ-Артурѣ стала уже сильно чувствоваться жара и пыль, крейсеру «Рюрикъ», на которомъ я плавалъ тогда въ чинѣ лейтенанта, выпало на долю завидное порученіе: идти во Владивостокъ и доставить оттуда въ Йокагаму новаго посланника въ Японіи, Извольскаго. Погода стояла чудная, море было какъ зеркало и наше офицерство, сжившееся за нѣсколько лѣтъ службы крейсера на Дальнемъ Востокѣ въ одну дружную семью, было въ восторгѣ. Было неожиданнымъ, крайне пріятнымъ подаркомъ для всѣхъ насъ, послѣ долгой стоянки въ Портъ-Артурѣ, побывать въ столицѣ Приморья, увидѣться со знакомыми и заглянуть въ Йокагаму.

Для посланника и его семьи сдѣлать переходъ на чудномъ крейсере въ веселомъ обществѣ его офицеровъ было, вѣроятно, пріятнымъ развлеченіемъ. По вечерамъ устраивались экспромтомъ концерты, немножко танцевали. Молодежь ухаживала наперегонки за молоденькой гувернанткой дѣтей посланника. Командиром крейсера былъ тогда добродушнѣйшій кап. I ранга Гауптъ — «Богъ Саваофъ», какъ мы его называли, ибо онъ былъ обладателемъ большой на двѣ стороны раскинувшейся сѣдой бороды.

Мы всѣ были настроены очень по «мирному», когда вошли на Юкогамскій рейдъ и стали на якорь, но все это въ одно мгновеніе измѣнилось, какъ только мы взглянули на серьезное выраженіе лица нашего военно-морского агента капитана 2 ранга Русина, встрѣтившаго крейсеръ. Сразу стало ясно, что за время нашего похода произошли какія-то крупныя событія. Въ привезенной имъ пачкѣ утреннихъ англійскихъ газетъ были уже помѣщены подробныя телеграммы о боѣ въ Таку.

Китайская крѣпость среди ночи неожиданно открыла огонь по стоявшимъ на якорѣ въ рѣкѣ нашимъ и иностраннымъ канонеркамъ. Но суда эти не были застигнуты врасплохъ и сразу же отвѣтили выстрѣломъ на выстрѣлъ. Къ утру артиллерія на фортахъ была приведена къ молчанію блестящимъ дѣйствіемъ судовыхъ орудій и самые форты захвачены высаженнымъ десантомъ.

Разсказъ о дѣйствіяхъ нашихъ: «Корейца», «Гиляка» и «Бобра» въ этомъ бою производилъ впечатлѣніе какой-то сказки. Казалось прямо необъяснимымъ чудомъ, какъ эти слабенькіе, небронированные, съ бортами въ толщину картона корабли смогли не только выдержать огонь крѣпостныхъ орудій, но и заставить эти форты сдаться. Можно было сказать, что хотя борта у судовъ были картонные, но сердца у людей, которые за этими бортами сражались, были изъ крѣпко закаленной стали.

Особенное впечатлѣніе производили сообщенія о понесенныхъ нами потеряхъ. Вѣдь это былъ первый бой послѣ многолѣтняго мирнаго времени. Газеты сообщали: убитъ лейтенантъ Бураковъ, смертельно раненъ и скончался лейтенантъ Деденевъ, тяжело ранены лейтенанты Титовъ и Богдановъ и т. д. Старшимъ изъ командировъ всѣхъ стоявшихъ на рѣкѣ судовъ нашихъ и иностранныхъ былъ командиръ «Бобра» капитанъ 1 ранга Добровольскій.

Первая мысль у cadaго изъ насъ на «Рюрикѣ» была: «Какъ же это такъ, тамъ идетъ война, а мы тутъ въ Іокогамѣ время теряемъ совсѣмъ по мирному». Казалось, будь крылья, такъ бы и полетѣлъ туда, гдѣ идетъ бой. Вѣдь тамъ такіе же офицеры, какъ мы, наши однокашники по выпуску, уже испытали это, ни съ чѣмъ несравнимое чувство войны и опасности, они уже теперь могутъ считать себя людьми обстрѣленными.

Послѣдующіе годы показали, что обстрѣленными намъ суждено было оказаться всѣмъ или почти всѣмъ, кто тогда на «Рюрикѣ» завидовалъ участникамъ Такускаго боя. Значительное число моихъ тогдашнихъ соплавателей на крейсерѣ значится въ числѣ положившихъ свою жизнь за родину въ тяжелую годину Японской войны.

«Рюрикъ», форсируя машинами, тотчасъ же ушелъ во Владивостокъ, выполняя полученное по телеграфу приказаніе: принять на палубу стрѣлковый полкъ и доставить его въ Портъ-Артуръ. Въ Артурѣ мы приняли другой полкъ сибирскихъ стрѣлковъ, уже готовый къ походу въ Китай.

Наконецъ мы достигли того, о чемъ мечтали. Мы стали на якорь у бара Таку, не позволяющаго намъ при нашей осадкѣ подняться выше по рѣкѣ Пэйхо. У бара стоялъ на якорѣ цѣлый «плавающій городъ», состояшій изъ нѣсколькихъ десятковъ военныхъ судовъ различныхъ націй. Были тутъ и японскіе крейсера, которыми командовалъ адмиралъ Того. Онъ уже тогда былъ предназначенъ для роли командующаго флотомъ въ войнѣ съ Россіей. Война эта разразилась черезъ четыре года, но задумана и рѣшена была Японіей почти за 10 лѣтъ до ея фактическаго начала. Поэтому Того съ особымъ интересомъ смотрѣлъ тогда на насъ, своихъ будущихъ противниковъ, отмѣчая въ своихъ донесеніяхъ въ министерство нѣкоторыя наши слабыя стороны.

Мы, молодые офицеры, считали въ то время,

что наша большая заслуга была доставить къ мѣсту боевъ въ Китаѣ двѣ бригады стрѣлковъ на боевыхъ судахъ эскадры, ибо военныхъ транспортовъ не было. Броненосцы «Наваринъ» и «Сысой Великій» представляли изъ себя при этомъ довольно странное зрѣлище съ казачьими и обозными лошадьми и колесными повозками на совершенно открытой, безъ бортовъ, верхней палубѣ. Но адмиралъ Того посмотрѣлъ на все это совсѣмъ съ другой точки зрѣнія. Въ своемъ рапортѣ онъ доносилъ объ очевидномъ отсутствіи у насъ надлежащей организаціи. Въ нужную минуту ни въ Портъ-Артурѣ, ни во Владивостокѣ не оказалось транспортовъ для перевозки войскъ и военныхъ грузовъ и работу эту пришлось возложить на крейсера и броненосцы, отвлекая ихъ отъ ихъ прямого назначенія во вредъ ихъ боевой готовности.

Нельзя не признать, что старый Того былъ въ этомъ случаѣ правъ.

Только что крейсеръ нашъ сталъ на якорь и началась посадка стрѣлковъ на баржи и буксирный пароходъ для отправки черезъ баръ рѣки въ Тонгку, гдѣ была ж. д. станція, какъ вдругъ весь крейсеръ сильно встряхнуло и въ сторонѣ устья рѣки, тамъ, гдѣ рефракціей былъ слегка приподнятъ надъ горизонтомъ рельефъ приморскихъ фортовъ, выросъ огромный, въ версту вышиной, грибообразный столбъ порохового дыму.

Это уже не было чтеніемъ реляцій о происшествіяхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. На насъ

непосредственно глянулъ суровый и безпощадный, сулящій смерть и раненія, ликъ войны. Всѣ лица стали невольно серьезнѣе. Быстрѣе пошла работа по посадкѣ войскъ на баржи.

Съ флагманскаго корабля прибылъ офицеръ: «Адмиралъ проситъ какъ можно скорѣе отправлять баржи. Тяньцинъ еще держится, но положеніе тамъ очень трудное. Доблестный нашъ 12 полкъ понесъ большія потери. Городъ обстрѣливается насквозь непріятельской артиллеріей, ибо къ боксерамъ присоединились регулярныя китайскія войска. Сообщение съ Тяньциномъ поддерживается съ большимъ трудомъ, а съ Пекиномъ связи нѣтъ и живы тамъ посольства или всѣ перерѣзаны, кто тамъ оставался, неизвѣстно... Нужно спѣшить поэтому съ отправкой подкрѣпленій».

Впослѣдствіи оказалось, что страшный взрывъ въ Тонгку произошелъ во время перегрузки китайскаго пороха нашими войсками. Этотъ несчастный случай стоилъ потери многихъ жизней.

Такъ началась «Боксерская кампанія».

Во время ея Тяньцинъ и Пекинъ видѣли молодцовъ, нашихъ сибирскихъ стрѣлковъ, прошедшихъ съ тяжелыми боями вдоль рѣки Пэйхо. Копыта маленькихъ, съ длинной гривой, лошадокъ нашихъ казаковъ забайкальцевъ взбивали тогда вѣковую пыль, покрывающую весь этотъ край.

Сейчасъ Боксерская кампанія представляется,

конечно, крохотнымъ и малозначительнымъ эпизодомъ по сравненію съ послѣдующими войнами. Но какъ бы то ни было, во время ея было мобилизовано около полумилліона. Потери наши убитыми и ранеными были не меньше, чѣмъ были во время венгерскаго похода 1849 года.

Въ результатѣ Еоксерской кампаніи вся Южная Маньчжурія оказалась прочно оккупированной нами. Было введено наше управленіе въ порту Инкоу и Россія стала болѣе твердой ногой, чѣмъ раньше на Квантунскомъ полуостровѣ и въ Портъ-Артурѣ.

Шанхайгуань.

Быль 1900 годъ — годъ Боксерской кампаніи. Лѣто подходило къ концу и жара въ районѣ Тяндзина стала спадать. Изъ всѣхъ «дванадесяти» языковъ, принимавшихъ участіе въ тогдашней интервенціи, только Россія и Японія выставили въ полѣ крупныя войсковыя части въ видѣ дивизій и бригадъ. На эти двѣ страны и легла вся тяжесть борьбы съ боксерами и регулярными китайскими войсками. Когда въ началѣ зимы пріѣхалъ съ большой помпой и фельдмаршалскимъ жезломъ Вальдерзее чтобы командовать международнымъ десантомъ и прибыли нѣмецкіе полки въ вычурной тропической формѣ, дѣло уже клонилось къ шапочному разбору.

Къ началу осени на прилегающей къ* району военныхъ дѣйствій мѣстности оставались только двѣ, занятая китайскими войсками крѣпости: Бейтанъ (неподалеку отъ Таку) и Шанхайгуань. Про китайскаго генерала, коменданта Шанхайгуана, были сложены въ тѣ времена цѣлыя легенды. Говорили, что онъ крѣпость ни за что не сдастъ и готовъ воевать хоть съ цѣлымъ міромъ.

Международный флотъ, вымпеловъ до полусотни, стоялъ на якорѣ въ открытомъ морѣ, у входнаго бара въ рѣку Пейхо, неподалеку отъ

Таку. Ночью, когда линіи судовъ были залиты массой огней, казалось, что тамъ находится цѣлый городъ съ ярко освѣщенными широкими улицами. «Городъ Такуйскъ» такъ называлось это мѣсто на каютъ компанейскомъ жаргонѣ.

Стоянка у бара была изъ самыхъ тоскливыхъ. Единственное оживленіе въ нашу монотонную жизнь вносилось прибытіемъ на суда тѣхъ счастливецъ, которые побывали въ десантныхъ отрядахъ, повоевали подъ Тяндзиномъ и вернулись увѣнчанные побѣдными лаврами, чтобы разсказать намъ о своихъ подвигахъ.

Можно себѣ представить какая радость была на эскадрѣ, когда разнесся слухъ, что флотъ пойдетъ бомбардировать и брать Шанхайгуанъ. На судахъ начались усиленные приготовленія къ бою. Говорили: «Комендантъ тамъ, кажется, молодчина и въ крѣпости есть дальнобойныя 9 дюймовыя пушки. Будетъ очень интересное и горячее дѣло — конецъ нашему безцѣльному и скучному стоянію у бара».

Однако, походъ этотъ все откладывался. Была произведена рекогносцировка крѣпости. Туда ходилъ нашъ маленькій и слабый крейсерокъ «Забіяка.» На немъ находился начальникъ штаба нашей эскадры. Доходили они до предѣла дальности крѣпостныхъ орудій. Донесено было потомъ: «Крѣпость, видимо, не покинута гарнизономъ, на брустверахъ было замѣчено много народу. На флагштокѣ — китайскій флагъ. Подымали на

сигнальной мачтѣ еще какой то флагъ, но за дальностію разсмотрѣть его не могли. Съ брустверовъ кромѣ того махали флажками, какъ бы приглашая насъ подойти поближе, но боясь попасть въ ловушку, крейсеръ отъ входа въ опасную зону уклонился».

Впослѣдствіи стало извѣстно: что всѣ эти сигналы обозначали и намъ пришлось очень сожалѣть, что «Забіяка» не подошла для переговоровъ.

Черезъ 2-3 недѣли на развѣдку была послана англійская канонерка такой же величины и силы, какъ «Забіяка.» Та же картина повторилась: китайцы усиленно махали флажками. Командиръ канонерки подошелъ чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Оказалось что столь прославленному коменданту давно уже надоѣло сидѣть въ его неприступной твердынѣ. Будучи отрѣзанъ интервентами отъ Пекина, онъ давно уже не платилъ гарнизону жалованья. Провіанта также не было. Подчиненные коменданта давно уже занимались «собираніемъ излишковъ» и «реквизнули» у мѣстнаго населенія всё, что только можно было. Поэтому комендантъ ждалъ, не дождался, чтобы союзники пришли брать его крѣпость. Тогда, ввиду подавляющаго превосходства силъ противника, онъ могъ со спокойной совѣстью уйти со своимъ войскомъ въ какія-нибудь страны обѣтованныя.

«Только пострѣляйте по насъ, пожалуйста, для порядку» просили китайцы командира кано-

нерки «Даже если и холостыми и то ничего. А не то въ Пекинѣ скажутъ — комендантъ раньше времени сдалъ крѣпость. Тогда и ему и намъ кантами (голова долой) будетъ».

Англичанинъ согласился, пострѣлялъ немного, а затѣмъ, видя, что гарнизонъ со своими пожитками удаляется, послалъ на берегъ столько людей съ офицерами, сколько могъ снять со своего маленькаго суденышка — человѣкъ 30-35. На крѣпостномъ флагштокѣ былъ торжественно поднятъ англійскій флагъ. Беспроволочнаго телеграфа тогда еще не было поэтому канонерка, оставивъ свой десантъ въ крѣпости, поспѣшила полнымъ ходомъ къ эскадрѣ: доложить о новомъ приобрѣтеніи англійской короны.

Случилось такъ, что почти одновременно съ приходомъ въ городъ «Такуйскъ» счастливаго англичанина, на рейдъ входилъ и крейсеръ, на которомъ я тогда плавалъ. Мы только что окончили задачу по конвоированію пароходовъ съ войсками, шедшими изъ Европы. При постановкѣ на якорь вмѣсто обычныхъ сигналовъ съ флагманскаго судна: «Прекратить пары» и «Разрѣшается имѣть сообщеніе съ берегомъ» мы получили приказаніе «Приготовиться къ походу» и «Имѣть пары во всѣхъ котлахъ». Не зная въ чемъ дѣло, мы очень удивились.

Командиръ нашъ черезъ четверть часа вернулся отъ адмирала и выяснилось, что мы сейчасъ же снимаемся и уходимъ полнымъ ходомъ вы-

саживать десантъ въ Шанхайгуанѣ. Нашъ крейсеръ, единственный изъ всего флота, стоявшаго въ «Такуйскѣ» былъ въ ту минуту готовъ къ походу. Видно было какъ спѣшно поднимали пары наши сосѣди. Усиленно дымили японецъ и американецъ. Суетились и хлопотали на крейсерахъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ. Ясно было, что намъ предстоитъ гонка: вся эта компанія по готовности бросится на перегонки въ Шанхайгуанъ. Намъ повезло: мы могли дать ходъ сейчасъ же.

«У англичанина людей высажено мало и онъ смогъ захватить только прибрежный фортъ и ж. д. станцію» сказали нашему командиру на флагманскомъ суднѣ. «Если мы тотчасъ же не заявимъ своихъ правъ и не займемъ, какіе можно, пункты въ крѣпости и городѣ, англичане могутъ наложить руку на весь ж. — дорожный путь отъ Тяндзина до Шанхайгуана».

Забурлила вода за кормой и крейсеръ взялъ курсъ на Шанхайгуанъ, постепенно прибавляя ходъ до полного. Черезъ полчаса сзади показался дымокъ. Наши кочегары въ охватившемъ весь крейсеръ азартѣ гонки показывали прямо чудеса. Машины давали оборотовъ больше чѣмъ на пробныхъ испытаніяхъ. Офицеры на ютѣ напряженно вглядывались въ бинокли, стараясь угадать: кто съ нами гоняется. Сначала полагали, что это японецъ «Азама», имѣющій скорость узла на 3 больше насъ, но конкурентъ нашъ, сначала

видный довольно ясно, сталъ постепенно исчезать отставая. Часа черезъ два отъ него остался только дымокъ на горизонтѣ. Это былъ австріецъ, ходокъ не изъ первоклассныхъ.

День былъ тихій и ясный. Скоро должны были уже открываться берега Южной Манджури, когда на мостикѣ началось обсужденіе новаго проекта. Хитроумнымъ стратегомъ оказался нашъ старшій штурманъ подполковникъ Коробицынъ, впоследствии флагманскій штурманъ адмирала Макарова, погибшій вмѣстѣ съ нимъ на «Петропавловскѣ». Онъ предложилъ измѣнить курсъ нѣсколько влево и, пользуясь тѣмъ, что мы на много всѣхъ опередили и имѣемъ нѣкоторый запасъ времени, выйти на видъ прибрежнаго городка Цинвандао, тамъ сбросить на воду гребной катеръ со взводомъ десанта и пулеметомъ и занять мѣстную ж. д. станцію. Тогда наши союзники и друзья англичане, сидящіе въ Шанхайгуанѣ, окажутся какъ бы отрѣзанными нами отъ Тонку и не смогутъ заявлять въ будущемъ особенныхъ правъ на желѣзную дорогу.

Сказано-сдѣлано. На меридіанѣ Цинвандао минуты на двѣ застопорили машину и катеръ безъ малѣйшей задержки оказался на водѣ. На немъ пошло человекъ 25 подъ командою флигель-адъютанта Бойсмана.

Камилло Арсентьевичъ Бойсманъ былъ человекъ недюжинный. Будучи избранъ Александромъ III адъютантомъ къ больному цеса-

ревичу Георгію онъ до самой смерти великаго князя въ Аббасъ Туманъ неизмѣнно состоялъ при немъ. Задача его была не изъ легкихъ: больной все время пытался нарушать строгій режимъ и докторскія предписанія. Говорили что Императрица Марія Феодоровна изъ всего окруженія ея больного сына довѣряла только Бойсману. Въ концѣ концовъ онъ былъ скорѣе въ роли опекуна, а не адъютанта великаго князя.

Одинокій катеръ съ горсточкой людей на немъ казался точкой среди широкаго воднаго пространства. Вскорѣ онъ совсѣмъ потерялся изъ виду. Темнѣло, когда мы подходили къ Шанхайгуану. Становились на якорь возможно ближе къ берегу: такъ, чтобы только не обмелѣть при малой водѣ.

«Иди смотришь Пятницу въ полномъ боевомъ убранствѣ» сказалъ мнѣ кто-то. «Прямо Мальбрухъ въ походъ собрался».

Пятницей мы называли неофициально нашего старшаго офицера. Гидрографъ по специальности, проплававшій всю жизнь на описныхъ и промѣрныхъ судахъ, онъ тутъ внезапно оказался начальникомъ батальона десанта выполняющаго боевую задачу. Онъ былъ довольно высокаго роста, но выглядѣлъ скорѣе ученымъ, чѣмъ военнымъ. Сейчасъ съ саблею и револьвернымъ шнуромъ онъ былъ похожъ на артиста, стоящаго за кулисами и готовящагося сыграть роль героя въ драмѣ.

Шлюпки съ ротами десанта отвалили отъ крейсера когда было уже совсѣмъ темно. Часа черезъ два мы узнали что произошло на берегу. Пятница выстроилъ свое войско и прежде всего направился къ форту, занятому англичанами. Тамъ оказалась преграда: часовой въ мундирѣ англійской морской пѣхоты: «Стрѣлять буду, если вы еще на одинъ шагъ приблизитесь.»

Изъ форта вышелъ офицеръ: «Очень сожалѣю, Сэръ» сказалъ онъ Пятницѣ, «Но фортъ занятъ именемъ Его Величества Короля и я имѣю опредѣленныя приказанія встрѣтить пулеметнымъ огнемъ всякаго, кто попытается въ него проникнуть».

Бѣдный Пятница попалъ въ положеніе хуже губернаторскаго, темная ночь, неизвѣстная мѣстность, а на фортъ не пускаютъ, да еще обстрѣляютъ грозятся. Между тѣмъ полученныя имъ инструкціи гласили: «Избѣгать complicationъ съ союзниками» — силой на фортъ не полѣзешь. Бродить по дорогамъ также ему не было рекомендовано: предполагалось, что китайцы, уходя, заложили фугасы на всѣхъ путяхъ.

Но въ эту тяжелую минуту вдругъ одинъ изъ участниковъ десанта выявилъ себя недюжиннымъ стратегомъ. Это былъ Иеромонахъ Митрофанъ (Митрохванъ-какъ онъ самъ себя называлъ) нашъ судовой священникъ. Мы на крейсерѣ всегда хвастались, говоря про него: «У насъ Батя не какой нибудь. Онъ вѣдь изъ Гвардейскаго мо-

настыря». Подразумѣвалась: Петербургская Александрo-Невская Лавра.

Въ десантъ Батя увязался просто какъ любитель. Но тутъ онъ пришелъ Пятницѣ на выручку. Онъ указалъ на отдѣльный пригорокъ, увѣнчаный старинной и очень картинной Буддѣйской кумирней. Пунктъ этотъ, дѣйствительно командовалъ надъ городомъ и окружающею мѣстностью и, что самое главное: давалъ возможность поднять русскій флагъ такъ, чтобы его отовсюду было видно.

«Тебѣ бы надо было въ Генеральномъ штабѣ служить» говорили потомъ Батѣ. «Георгія бы могъ получить за хорошій совѣтъ, данный полководцу».

Утромъ пустынный до того Шанхайгуанскій рейдъ оказался наполненнымъ судами всѣхъ націй. Когда разсвѣло весь этотъ международный флотъ увидѣлъ русскій флагъ, поднятый на самой высокой точкѣ города, надъ самымъ внушительнымъ и монументальнымъ зданіемъ. Пятница, къ тому времени оглядѣвшись, успѣлъ мало по малу занять своими силами всѣ тѣ пункты, которые почему нибудь привлекали вниманіе. Руководящей идеей при этомъ было: «Надо занять все въ городѣ и на фортахъ, что потомъ можетъ быть занято другими.» Только на прибрежномъ форту и на ж. д. станціи развѣвались англійскіе флаги.

Командующій нашей эскадрой вице—адмиралъ Скрыдловъ, георгіевскій кавалеръ русско-турецкой войны, также прибылъ на рейдъ и поднялъ

флагъ у насъ на крейсерахъ. Около полдня на станціи жел. дороги состоялось совѣщаніе начальниковъ эскадры. Англичане, основываясь на томъ, что они пришли сюда первыми, настоятельно требовали передачи крѣпости, города и всѣхъ желѣзнодорожныхъ путей въ ихъ исключительное вѣденіе. Остальные не соглашались и шелъ горячій споръ.

Въ это время мы на крейсерахъ вдругъ услышали отдаленный свистокъ локомотива. Т. к. китайцы, уходя, угнали весь подвижной составъ, то линія идущая вдоль берега желѣзной дороги была до этого совершенно пустынной. Собирались уже бить тревогу: вѣдь начальникъ нашей эскадры на берегу, а быть можетъ китайцы, осмѣлѣвъ собираются атаковать наши десанты. Конечно, нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ нашихъ орудій было бы достаточно, чтобы остановить такое предпріятіе.

На линіи ж. дороги показался весело стелющійся свѣтлый дымокъ, а затѣмъ выяснилось, что идутъ хорошимъ ходомъ, приближаясь къ Шанхайгуаню со стороны Тяндзина, два длинныхъ поѣзда съ открытыми платформами, наполненными людьми.

«Войско (съ удареніемъ на послѣднемъ о) на поѣздѣ. Все полно войскомъ», встревоженно крикнулъ сигнальщикъ.

«Въ какой формѣ войско» спросилъ командиръ, взбѣгая на мостикъ.

«Бѣлы рубахи-черны брюки».

Всѣ вздохнули облегченно. Въ такой формѣ могли быть только наши молодцы — сибирскіе стрѣлки бригады генерала Церпицкаго. Мы знали что онъ идетъ изъ Тонку въ Шанхайгуанъ походнымъ порядкомъ, но прибытіе его никакъ не ожидалось. По расчету времени онъ долженъ былъ прибыть не раньше какъ черезъ недѣлю. Зная какъ заботливо китайцы занимались порчей ж. д. путей на движеніе бригады поѣздами надеждъ никакихъ не возлагали.

Разсказывали потомъ, что какъ разъ въ этотъ моментъ споръ между начальниками эскадръ на перронѣ вокзала достигъ нѣкотораго апогея. Англичане прямо, безъ обиняковъ, говорили: «Городъ занятъ именемъ короля Англїи — потрудитесь немедленно убрать ваши десанты.»

Вдругъ къ станціи подкатываетъ поѣздъ. Изъ вагоновъ выбѣгаетъ и быстро выстраивается на платформѣ почетный караулъ отъ В. Сиб. стрѣлковаго полка. Церпицкій заранѣе озаботился чтобы люди представились Начальнику эскадры въ самомъ блестящемъ видѣ: Опрятно выстиранныя бѣлыя рубахи, щегольски пригнанное обмундированіе. Загорѣлые, бравые, съ гвардейской выправкой, стрѣлки какъ одинъ щелкнули прикладами, взявъ «на краулъ». Полковой оркестръ грянулъ «встрѣчу». Адмиралъ Скрыдловъ принялъ установленный рапортъ генерала Церпицкаго о прибытіи съ бригадой въ его распоряженіе. Въ это время снаружи вокзала уже выстраивалась

длинная линия прибывшихъ съ первымъ эшелономъ ротъ.

Эффектъ получился чисто театральнй, англичанамъ оставалось только руками развести, проглотивъ такую пилюлю. Смѣшными и нелѣпыми сразу сдѣлались всѣ споры о томъ, кому владѣть дорогой, когда и подвижной составъ и вся линия до самаго Тяндзина находилась уже въ столь крѣпкихъ и надежныхъ рукахъ. Англичанамъ пришлось примиться съ тѣмъ, что немедленно же былъ назначенъ русскій начальникъ гарнизона и комендантъ города. Для утѣшенія международныхъ адмираловъ флаги всѣхъ націй, принимавшихъ участіе въ высадкѣ были на нѣсколькихъ флагштокахъ, выровненныхъ въ одну линію, подняты на главномъ форту.

Дня черезъ два пишущій эти строки былъ посланъ адмираломъ на берегъ передать приказаніе начальнику гарнизона: послать роту стрѣлковъ въ Цинвандао, смѣнить нашъ морской десантъ, занимавшій станцію и подлежащій возвращенію на крейсеръ.

Штабсъ капитанъ, командиръ назначенной для этого части, по пути рассказалъ мнѣ о всѣхъ перипетіяхъ похода генерала Церпицкаго. Раздобывшись подвижнымъ составомъ командиръ бригады рѣшилъ двигаться рельсовымъ путемъ. Впереди шелъ взводъ жел. дорожной роты на дрезинахъ, исправляя дорогу. Въ общемъ походъ по количеству преодолѣнныхъ препятствій напо-

миналъ увѣковѣченный въ классической литературѣ походъ Ксенофонта съ 10000 грековъ черезъ Малую Азію.

Но тутъ, уже по прибытіи въ Шанхайгуанъ, стрѣлкамъ пришлось встрѣтиться съ приключеніемъ совершенно особаго рода.

«Расположились мы бивакомъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города» рассказывалъ штабсъ капитанъ. «Вдругъ съ заставы сообщаютъ: движется приближаясь къ намъ часть, повидимому турецкая, ибо всѣ люди въ фескахъ. Мы знали, что турокъ среди нашихъ союзниковъ нѣтъ, поэтому рѣшили, что это не иначе какъ китайцы магометане, вѣдь есть у нихъ такіе.»

Батальонъ былъ вызванъ въ ружье и выступилъ навстрѣчу идущимъ. Тѣ развернули боевой порядокъ, рассыпали цѣпь. То же сдѣлали и наши. Кто выстрѣлилъ первый такъ и осталось навсегда неизвѣстнымъ, но завязался довольно горячій встрѣчный бой.

«Мы диву дались», говоритъ мой собесѣдникъ. «Китайцы — а какъ правильно и толково бой ведутъ. Люди отлично примѣняются къ мѣстности.»

Вдругъ со стороны окопавшагося противника мелькнула поднятая рука съ бѣлымъ платкомъ, но сейчасъ же и скрылась.

Оказалось, что стрѣлки воевали съ только что высаженнымъ батальономъ зуавовъ, прибывшихъ изъ Алжира. Подполковникъ француз-

скаго Генеральнаго штаба, бывшій въ линіи цѣпи, первый сообразилъ, что вышло печальное недо-разумѣніе и поднялъ руку съ бѣлымъ платкомъ. Но въ тотъ же моментъ наши сибиряки, привыкшіе бить «бѣлку въ глазъ» продырявили бѣд-ному французу ладонь руки. Огонь тотчасъ же былъ прекращенъ. Взаимно были выражены иск-реннія сожалѣнія.

Съ нашей стороны было двое раненныхъ, одинъ тяжело. У французовъ потери были боль-ше: два убитыхъ зуава были похоронены съ ѳу-даніемъ имъ воинскихъ почестей со стороны обѣихъ націй. «Прекрасныя у васъ войска» гово-рили французы. «Но намъ было бы гораздо пріят-нѣе не испытывать на практикѣ насколько хорошо ваши стрѣлки обучены».

Навстрѣчу намъ со стороны Цинвандао, по-казался всадникъ. Судя по вывернутымъ нѣсколь-ко не по кавалерійски носкамъ сапогъ видно было что это гарцуетъ представитель флота.

«Это нашъ мичманъ Игнатъевъ» сообщилъ я штабсъ капитану. «Это одинъ изъ офицеровъ, которыхъ вы смѣняете».

«Графъ Игнатъевъ?»

«Нѣтъ. Просто — Игнатъевъ.»

«А-а-а» почему то разочарованно протянулъ мой собесѣдникъ.

Впослѣдствіи это «А-а-а» съ надлежащей ин-тонаціей не разъ демонстрировалось въ каютъ компаніи, при чемъ присутствующіе сожалительно

качали головами по адресу Игнатьева: «Ахъ. Зачѣмъ ты не графъ».

«Всю ночь мы проболтались на катерѣ въ морѣ», рассказалъ намъ Игнатьевъ о приключеніяхъ десанта въ Цинвандао. «Нѣсколько разъ совались къ берегу, попадали въ темнотѣ въ буруны и едва ноги уносили. Ночь была звѣрски холодная и длинная. Мы насквозь промокли и перезябли. Въ общемъ чувствовали себя препротивно.»

Но утромъ, когда десанту удалось безъ всякаго сопротивленія и хлопотъ высадиться, оказалось, что это было сдѣлано какъ разъ во время. Китайскія войска только что ушли и мѣстное населеніе еще не успѣло разграбить станцію.

Бойсманъ показалъ китайцамъ на ладони нѣкоторое количество золотыхъ и серебрянныхъ денежныхъ знаковъ и тогда сразу же обнаружилось, что жители селенія съумѣли отлично припрятать отъ китайскихъ реквизицій своихъ куръ, гусей и т. п. Недостатка въ припасахъ не было. Сейчасъ же была организована охрана пути въ обѣ стороны, использовавъ для этого дрезины.

У англичанъ, пришедшихъ на другой день подъ командой совсѣмъ молоденькаго мидшипмена, фізіономіи вытянулись; когда они увидали, что тутъ имъ, въ сущности, дѣлать нечего. Позже пришла горсточка французовъ съ гардемаринномъ.

Бойсманъ вдругъ услышалъ, что гдѣ то не-

подалеку идетъ невѣроятный шумъ и слышатся бранныя слова. Оказалось что офицеры, французъ съ англичаниномъ кричатъ другъ на друга, каждый на своемъ языкѣ, одинъ другого не понимая. Рѣчь идетъ о какомъ то взаимномъ нарушеніи правъ и оскорбленіи націи.

Переговоривъ съ каждымъ изъ спорящихъ отдѣльно, Бойсманъ ихъ обоихъ утихомирилъ, обоимъ указалъ, какія фанзы они могутъ занять. Инцидентъ былъ исчерпанъ. Послѣ этого онъ оказался на станціи на положеніи «дядюшки», а французъ съ англичаниномъ его «племянниковъ.» И тотъ и другой къ нему за всѣмъ обращались.

Такимъ образомъ, безъ всякаго пролитія крови мѣстнаго китайскаго населенія, безъ грабежей и насилія, были заняты въ тѣ времена русской военной силой Шанхайгуанъ и Цинвандао.

Судовой врачъ.

Старшій офицеръ, широкоплечій, рослый и неуклюжій, забѣжалъ на минуту въ каютъ компанію. Тамъ въ это время: 4 часа дня, рестораторъ долженъ былъ, согласно контракта, «сервировать чай съ лимономъ или со сливками и съ тремя сортами печеній».

«Анафемская моя должность» — мрачно размышлялъ старшій офицеръ, помѣшивая въ стаканъ ложкой и недружелюбно поглядывая на знаменитые «три сорта» сиротливо маячившіе на срединѣ длиннаго обѣденнаго стола. «Крутишься как бѣлка въ колесѣ, все время на ногахъ, съ раннего утра до позднего вечера».

Почему то во флотѣ нашего «старшаго» всѣ называли «Пятницей». Привилась эта кличка къ нему съ самыхъ юныхъ лѣтъ, да такъ и сопровождала его до сѣдыхъ волосъ. Выкуривъ папиросу и, придя въ лучшее настроеніе духа, Пятница рѣшилъ подѣлиться послѣдней новостью со штурманомъ и судовымъ батюшкой — іеромонахомъ, мирно пившими чай неподалеку отъ него.

«Къ намъ младшій докторъ новый назначенъ» — сообщилъ онъ. «Знаменитость говорятъ: ученый путешественникъ — изслѣдователь. Всю Абис-

синю исколесилъ и съ Негусомъ Менеликомъ пріатель. По разнымъ тамъ Голубымъ и прочихъ цвѣтовъ Ниламъ странствовалъ».

Новый врачъ вскорѣ появился въ каютъ компаніи. Онъ оказался уроженцемъ одной изъ южныхъ нашихъ губерній и обладателемъ сѣровато свѣтлой окладистой бороды. Изъ подъ густыхъ бровей пара добрыхъ глазъ смотрѣла на собесѣдника съ невольнo очаровывающей его улыбкой.

На крейсерѣ у насъ плавало въ это время довольно много молодежи, мичмановъ послѣдняго выпуска. На эту веселую и шумливую компанію вновь прибывшій произвелъ сначала впечатлѣніе человѣка солиднаго и пожилого. Боррда его сильно старила. Къ такому серьезному лицу не подойдешь съ обычными мичманскими шутками и прибаутками.

Нашъ новый докторъ совсѣмъ недавно опредѣлился на морскую службу и самъ напросился ѣхать на Дальній Востокъ, на Тихоокеанскую эскадру. Въ старые годы наши тамошніе корабли совершали иногда очень интересные походы: спускались въ зимніе мѣсяцы на югъ въ тропики, въ страну коралловыхъ рифовъ — Зондскій архипелагъ, навѣщали жилище антиподовъ — Австралію. Доходили и до далекаго Западнаго побережья Сѣверной Америки. Прибывшій къ намъ ученый путешественникъ мечталъ, плавая на нашемъ крей-

серѣ, посѣтить всѣ эти сказочныя мѣста, обвѣяныя романтикой еще со временъ кругосвѣтныхъ вояжей подъ парусами.

Но время выдалось неудачное для такого рода походовъ. Было все это въ концѣ девяностыхъ годовъ, когда явно начали назрѣвать недоразумѣнія съ Японіей. Нашу эскадру поэтому стали неотступно держать въ районѣ Портъ Артура и Владивостока и о посѣщеніи тропическихъ странъ пришлось на время совсѣмъ забыть.

Для новаго члена нашей каютъ компаніи всѣ области столь отъ насъ далекой и столь мало намъ извѣстной таинственной страны Ефіопіи или Абиссиніи были мѣстами столь же знакомыми и близкими какъ, напримѣръ, знакомъ петербургскому жителю Кронштадтъ или Петергофъ. Онъ могъ бы многое намъ рассказать и объ Аддисъ Абабѣ и о Харарѣ и о священномъ городѣ Аксумѣ, если бы мы, тогдашняя судовая молодежь, проявили бы хоть какой нибудь интересъ къ этимъ мѣстамъ.

Въ одно изъ своихъ странствованій по Абиссиніи нашъ новый докторъ съ проводникомъ туземцемъ по имени Текла Хойманота и еще однимъ спутникомъ Эльфинъ Ашкеромъ, т. е. «Боярскимъ сыномъ» изъ свиты Негуса Годжамскаго, прошелъ черезъ область Селлали и добрался до деревни Гушъ Аббай, у которой находятся истоки Голубого Нила. Ширина этой знаменитой рѣки, въ томъ

мѣстѣ такова, что ученый изслѣдователь смогъ верхомъ на мулѣ перескочить съ одного берега на другой.

Дѣлая фотографическіе снимки мѣстности и производя anerоидныя измѣренія высоты пунктовъ надъ уровнемъ моря нашъ путешественникъ изслѣдовалъ районъ, на которомъ никогда до него не ступала нога бѣлаго человѣка. Попастъ въ этотъ заповѣдникъ ему удалось только потому, что до этого ему былъ случай оказать медицинскую помощь женѣ Негуса Годжамскаго и навѣкъ завоевать глубокое расположеніе и довѣріе къ себѣ со стороны этого мѣстнаго князька.

При этомъ нашъ докторъ выяснилъ, что истокъ Голубого Нила составляетъ изъ семи отдѣльныхъ протоковъ, сливающихся въ одну рѣку. Главнѣйшій изъ этихъ протоковъ туземцы называли «Гіонъ». Берегомъ Нила путешественникъ дошелъ до впаденія его въ получившее въ послѣднее время такую широкую извѣстность озера Тана или Тсана и первымъ изъ европейцевъ переплылъ это озеро отъ полуострова Зеге до г. Мытра. Изъ озера Нилъ вытекаетъ уже широкой, порожистой рѣкою.

Къ моменту назначенія на нашъ крейсеръ новый врачъ, послѣ ряда прочитанныхъ имъ лекцій и опубликованія трудовъ былъ уже признаннымъ въ ученыхъ кругахъ авторитетомъ въ вопросахъ, касающихся страны Негуса Негаста. Когда же онъ

въ первый разъ въ жизни оказался на палубѣ военнаго судна, прибывъ къ намъ на крейсеръ, то почувствовалъ себя точно въ лѣсу среди совершенно новой и чуждой ему обстановки.

Нашимъ мичманамъ, которые и сами то недавно соскочили со школьной скамьи было очень мало дѣло до ученыхъ изысканій доктора, но они въ довольно скоромъ времени приняли менторскій тонъ, когда стали знакомить пришельца съ особенностями жизни и службы на военномъ суднѣ. Было столько самой непосредственной наивности въ тѣхъ вопросахъ, которые нашъ «Абиссинецъ», какъ его прозвали, задавалъ, что молодежь стала относиться къ нему съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ покровительственной шутливости.

«А что, докторъ» — спрашиваетъ его одинъ жизнерадостный мичманъ. «Какъ вы по части парикмахерскаго искусства. Въ порядкѣ ли у васъ бритвы и все прочее. Смотрите: командиръ нашъ тупыхъ бритвъ не любитъ».

«Позвольте: да какое же дѣло командиру до моихъ бритвъ. Къ тому же вѣдь я и не бреюсь никогда».

«Какъ какое дѣло. Да развѣ вы не знаете, что есть статья въ «Морскомъ уставѣ Петра Великаго» насчетъ васъ, младшихъ докторовъ. Тамъ прямо сказано: «Младшій врачъ — онъ же и капитанскій брадобрей, посему надлежитъ ему съ полнымъ тщаніемъ и надлежащимъ искусствомъ

стричь и брить свего командира во всякій день недѣли по его капитанскому благоусмотрѣнію».

Среди молодежи на нашихъ военныхъ судахъ почему то существовала легенда, что въ старомъ Петровскомъ уставѣ такая статья была. Поэтому мичмана никогда не упустили случая, основываясь на ней, позубоскалить.

Новый нашъ врачъ рѣшилъ все таки навести болѣе точныя справки по этому поводу, обратившись къ своему старшему коллегѣ.

«Слушайте вы ихъ больше этихъ мичмановъ — они вамъ еще и не того наврутъ» — сказалъ по этому поводу старшій врачъ своему помощнику.

Но время шло и «Абиссинецъ» понемногу сталъ привыкать, приглядываться и мичмана мало по малу перестали быть для него авторитетами по морскимъ вопросамъ. Тутъ грянулъ военный громъ: неожиданно разразился бой подъ Таку. Началось движеніе войскъ и десанта на Пекинъ и на пути ихъ появился рядъ могильныхъ деревянныхъ крестиковъ, а въ Тонку, вблизи приморскихъ фортовъ, выстроились въ рядъ большія госпитальныя палатки подъ флагомъ Краснаго Креста.

«Абиссинецъ», какъ отличный хирургъ, оказался неоцѣнимымъ человѣкомъ для этого госпиталя и мы съ трудомъ вернули его на судно, когда нашъ крейсеръ былъ посланъ въ Южно Китай-

ское море: конвоировать наши транспорты, пароходы Русскаго Общества и Добровольнаго флота, шедшіе изъ Одессы съ войсками.

Исполняя это порученіе мы заходили для пополненія запаса угля въ китайскій портъ Амой.

Какъ то разъ во время стоянки тамъ, вдвоемъ съ однимъ изъ соплавателей я съѣхалъ на берегъ. Мы прошлись по мѣстному небольшому европейскому сеттлементу, подивились на англичанъ самоотверженно сражавшихся въ теннисъ, не взирая на полдневную тропическую жару и затѣмъ, сѣвъ на поджидавшую насъ шлюпку, тронулись домой — на крейсеръ.

Когда мы были саженьяхъ въ десяти отъ судна, вахтенный начальникъ молча помахалъ намъ рукой съ трапа: подождите, дескать не подходите: Творилось нѣчто необычайное: все населеніе каютъ компаніи, — офицерство, собралось къ трапу. Соблюдая тишину всѣ стояли у верхней площадки внимательно и напряженно разсматривая что то, находящееся внизу у самой воды. Вглядѣвшись мы поняли причину тревоги: красиво обвившись колечками вокругъ одной изъ вертикальныхъ стоекъ — колонокъ нижней рогатки трапа полосатая, довольно большая, дюйма въ два въ поперечникѣ, змѣя отдыхала послѣ воднаго путешествія.

Какъ мы узнали послѣ, необычайнаго гостя

обнаружилъ матросъ фалрепный. Собираясь чистить мѣдныя стойки на трапѣ онъ, вооруженный тряпкой и банкой съ «чистотой», ничего не подозревая, сбѣжалъ на нижнюю площадку и сразу же какъ ошпаренный «горошкомъ» выкатился наверхъ: змѣя, увидя его, шевельнула головой.

Срывающимся голосомъ, блѣдный отъ пережитаго волненія, онъ доложилъ о всемъ начальству: «А енъ, змѣй то, ротъ раскрылъ да прямъ на минѣ какъ скакнетъ»...

Пришелъ «Пятница», мигомъ собралось все офицерство. «Старшой» стоя на верхней площадкѣ трапа недоумѣнно разсматривалъ нежеланнаго визитера, не зная, что ему предпринять. Никому изъ присутствующихъ не приходилось раньше справляться съ такого рода затрудненіями.

«А вѣдь у насъ специалистъ есть по этой части на крейсерѣ» — шепнулъ старшему офицеру кто то изъ мичмановъ. «Нашъ младшій докторъ тамъ у себя въ Абиссиніи запросто привыкъ управляться со всѣми этими львами, змѣями и крокодилами».

«Абиссинца» призвали. Онъ началъ было докладывать Пятницѣ. «Я вѣдь, къ сожалѣнію относительно обращенія со змѣями отнюдь не могу считать себя компетентнымъ».

«Ничего, ничего, батенька, не скромничайте. Вы вѣдь у насъ единственный, кто намъ можетъ

помочь по этой части. Берите-ка поскорѣе всякую снасть, какую вамъ надо и дѣйствуйте»...

Все остальное происходило уже у насъ передъ глазами.

На лицѣ у «Абиссинца» когда онъ осторожно, шагъ за шагомъ, спускался внизъ по трапу была написана рѣшимость и готовность принести себя въ жертву на пользу общую. Что-жъ подѣлаешь. Если начальство находитъ, что кромѣ меня ему некого послать — приходится идти». Медленно, но вѣрно, онъ приближался къ пресмыкающемуся.

«Пинцетъ у него какой то въ рукѣ» — шепнулъ мнѣ мой спутникъ.

Дѣйствительно: въ вытянутыхъ по направленію къ змѣѣ рукахъ смѣлый охотникъ держалъ клещи изъ медицинскаго набора. Инструментъ, ярко блестящій на солнцѣ своей никкелировкой былъ раскрытъ. Стало ясно, что этими клещами предполагается ухватить пресмыкающееся за шею.

Змѣя, видимо, забезпокоилась, но уходить съ насиженнаго мѣста ей, очевидно, не хотѣлось. Внимательно взглянувъ въ приближающагося врага она рѣшила, что всѣ шансы на ея сторонѣ.

Клещи подошли совсѣмъ близко къ узкой змѣиной шеѣ. Оставалось всего нѣсколько дюймовъ до цѣли. Кругомъ все замерло въ напряженномъ вниманіи. Такъ бываетъ въ циркѣ, когда какой нибудь чемпионъ акробатъ собирается сдѣ-

латъ послѣдній, самый опасный, прыжокъ съ одной трапеціи на другую. Музыка въ такіе моменты замолкаетъ и только барабанъ бьетъ мелкую, тревожную дробь.

Вдругъ змѣя оживилась и сдѣлала какое то движеніе. Въ одинъ мигъ точно волной смыло съ трапа и «Абиссинца» и его «пинцетъ». Въ слѣдующій моментъ, неудачный охотникъ за змѣями былъ уже наверху, о чемъ то сконфуженно докладывая старшему офицеру, въ чемъ то оправдываясь. «Пятница» въ отвѣтъ только качалъ неодобрительно головой, какъ будто хотѣлъ сказать: Эхъ вы. И змѣи то толкомъ поймать не умѣете, а еще африканскій путешественникъ»...

Тутъ появилось на сцену новое дѣйствующее лицо. Неторопливымъ шагомъ сталъ спускаться по трапу плотный и кряжистый боцманъ Пинчукъ. Въ рукахъ у него была довольно длинная бамбучина, предусмотрительно расщепленная имъ с одного конца. Получалось нѣчто вродѣ раскрытой пасти, направленной на змѣю. Стоило боцману вынуть изъ щели въ палкѣ свой палецъ и обѣ половинки бамбучины, сойдясь во едино въ силу пружинности, должны были сжать змѣѣ шею.

Мой сосѣдъ возликовалъ: «Вотъ это я понимаю: бамбучина — вещь серьезная. Эго не то, что докторскій пинцетъ».

Змѣя, очевидно, была точно такого же мнѣнія. Прежде чѣмъ конецъ измышленнаго боцманомъ

оружія приблизился къ ней, она плавно и красиво скользнувъ внизъ по рогаткѣ, спустилась въ воду.

Надо сознаться, что во время дальнѣйшей стоянки въ Амоѣ каждый изъ насъ по временамъ опасливо поглядывалъ на иллюминаторъ въ своей каютѣ. Закрѣпить его немыслимо — жара. Поэтому сидишь и невольно думаешь: «А вдругъ какая нибудь гадина влѣзетъ»...

На Копенгагенскомъ рейдѣ.

Случайный лучъ осенняго солнца вырвался изъ гряды тяжело нависшихъ, свинцовыхъ облаковъ. Онъ на моментъ озарилъ выложенныя сѣрымъ камнемъ, словно пылью вѣковъ покрытыя, стильныя, старинныя зданія на Амаліе Гаде и яркимъ огнемъ вспыхнулъ на куполѣ монументальной Мраморъ Кирхе. Веселѣе стала выглядѣть начинающая желтѣть листва на прибрежной аллеѣ Ланге Линіе, любимомъ мѣстѣ прогулокъ жителей Датской столицы и длинныя тѣни отъ деревьевъ легли на гладкій паркетъ песчаныхъ дорожекъ.

Отъ Таможенной пристани, расположенной около этого парка отвалилъ нарядный паровой катеръ подъ Андреевскимъ флагомъ. На немъ слѣдовала на нашъ крейсеръ, стоящій на внутреннемъ рейдѣ, вдовствующая Государыня Императрица Марія Феодоровна. Она гостила въ это время у своего отца, короля Христіана IX и яхта «Полярная Звѣзда» стояла въ Копенгагенѣ въ Ея распоряженіи.

Нашъ крейсеръ шелъ на Дальній Востокъ навстрѣчу военной грозѣ, которая и разразилась тамъ въ Январѣ 1904 года. На крейсерѣ, съ иглопочки новомъ, только что законченномъ построй-

кой, офицеры въ парадной формѣ и команда стояли во фронтѣ, ожидая Императрицу.

На рейдѣ кромѣ «Полярной Звѣзды» стояла также большая красивая яхта подъ флагомъ Великобританіи: признакъ, что кромѣ нашей Государыни у стараго короля Христиана гостить кто то изъ членовъ Англійской королевской семьи.

На крейсерѣ была встрѣча по уставу. Императрица обошла фронтъ офицеровъ, съ каждымъ милостиво поговоривъ, а затѣмъ Ея голосъ, очень низкаго тембра, столь хорошо знакомый каждому изъ служившихъ тогда во флотѣ, слышался на шкафутѣ. Государыня здоровалась съ командой.

Въ свитѣ Императрицы было нѣсколько дамъ. Всѣ онѣ, пока происходила наиболѣе официальная часть смотра, скромно удалились въ самый дальній уголъ шканецъ. Придворная служба вырабатываетъ умѣнье во время ступешаться и отойти на задній планъ.

Обходъ команды кончился. Государыня спустилась осмотрѣть офицерскія помѣщенія. За ней послѣдовала и вся Ея свита.

Когда Императрица выходила изъ каютъ компаніи, пишуцій эти строки, въ то время молодой лейтенантъ, шелъ позади лицъ Ея сопровождающихъ. Вдругъ я замѣтилъ, что одна дама изъ свиты осталась въ каютѣ компаніи. Она стояла внимательно разсматривая висящій на переборкѣ портретъ В. Князя Наслѣдника Михаила

Александровича, увеличенную фотографію. Дама молодая и стройная, на видъ не старше 32-35 лѣтъ, слегка рыжеватая блондинка. Я подошелъ къ ней и остановился въ двухъ шагахъ. Она привѣтливо мнѣ улыбнулась и сказала по французски:

«Какой неудачный портретъ. В. Князь Михаилъ совсѣмъ не похожъ на немъ».

Я объяснилъ ей, что мы достали лучшее, что было тогда въ Петербургѣ — работу придворнаго фотографа, но что сходства въ портретѣ дѣйствительно мало. Надѣмся получить въ послѣдствіи болѣе удачное изображеніе молодого Великаго Князя.

Разговаривая такимъ образомъ мы, оставши отъ остальныхъ, потихоньку продвигались вдоль жилой палубы. Дама стала задавать мнѣ вопросы. Ее живо интересовалъ нашъ судовой бытъ и она обращала вниманіе на всѣ детали устройства крейсера.

«Какая интересная дама» думалъ я, глядя на красивые голубые глаза моей собесѣдницы но тотчасъ же у меня мелькнула мысль, что такое опредѣленіе звучитъ какъ то неподходяще, грубо и тривіально. Нужно найти какое то другое слово, чтобы выразить то впечатлѣніе, которое производила эта дама.

Есть люди обладающіе какимъ то особымъ даромъ обаянія, люди, выходящіе изъ ряда обык-

вовенныхъ. Самая красота моей собесѣдницы была какая то особая; сановитая, красота, признакъ высокой породы и выдающейся культуры. Она задавала мнѣ самые обыденные вопросы, но въ ея манерахъ, ея взглядѣ, ея улыбкѣ, въ самомъ тонѣ ея голоса, было что то неизъяснимо прекрасное.

«Знакомое лицо», - думалъ я. «Видалъ я ее раньше, но гдѣ и когда — не могу вспомнить».

Мы подошли къ мѣсту, гдѣ броневая палуба поднимается колпакомъ надъ машинами. Тамъ была ступенька, которая была на полъ дюйма выше обыкновеннаго размѣра ступенекъ. Дама вдругъ остановилась и задумалась, измѣряя взглядомъ высоту ступеньки и не рѣшаясь на нее вступить.

«Вотъ странно», - подумалъ я. «Такая молодая, а ступеньки испугалась». Я подаль руку и препятствіе было преодолено. Въ то время я не догадывался: сколько моей спутницѣ лѣтъ на самомъ дѣлѣ.

На верхней палубѣ, между тѣмъ, происходило слѣдующее. У нашего артиллерійскаго офицера былъ фоксикъ, премилый и презабавный звѣрекъ, выращенный у него на дому его супругою и порядочно ею избалованный. Песъ на время смотра былъ гдѣ то запертъ, но затѣмъ ухитрился освободиться и сразу же оказался на верхней палубѣ, гдѣ находилась Императрица. За два мѣсяца

пребыванія на суднѣ фоксикъ порядочно соскучился по своей хозяйкѣ и тутъ, вдругъ увидѣвъ даму, тотчасъ же бросился къ ней, выражая всѣми доступными ему способами чувство восторга и преданности.

Императрица, большая любительница собакъ, немедленно взяла фоксика на руки и стала спрашивать о немъ офицеровъ, лаская собачку.

Дама моя тѣмъ временемъ подошла ко входному люку и, услышавъ голосъ Императрицы наверху, поблагодарила меня и начала подыматься по трапу. Какъ только она вышла на верхнюю палубу она быстро сдѣлала два шага по направленію къ Государынѣ, протянувъ впередъ руки.

«Какой чудный фоксикъ» воскликнула она. «Откуда онъ у тебя, Дагмаръ. Ахъ. Дай мнѣ его пожалуйста, дай сейчасъ же. Я хочу его тоже держать на рукахъ».

Тутъ произошло то, что у насъ на крейсерѣ впоследствии называли Англо-Русской войной: Моя дама тянула собачку къ себѣ, а Императрица шутя и смѣясь, сопротивлялась и не отдавала. Въ концѣ концовъ фоксикъ все таки очутился на рукахъ у моей собесѣдницы.

Дама эта была родная сестра Государыни: Александра, королева Великобританіи и Ирландіи, Императрица Индіи, супруга короля Эдуарда VII.

Подбѣжалъ сконфуженный и озабоченный

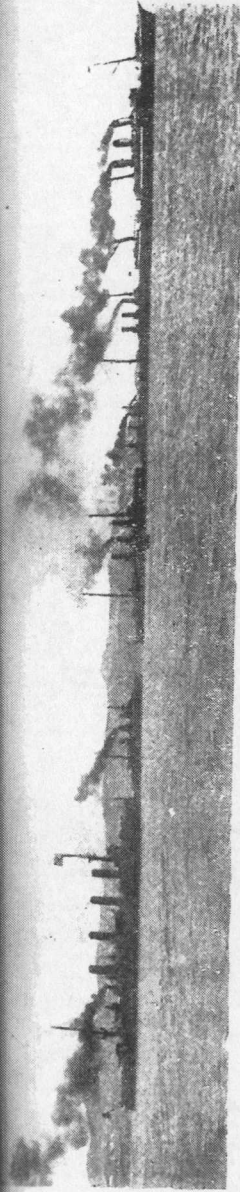
командиръ крейсера: «Ваше Величество, извините. Я не понимаю какъ мы Васъ не узнали».

Императрица и ея сестра, отъ души смѣясь, рассказали ему о своемъ сговорѣ: Королевѣ очень хотѣлось побывать на русскомъ военномъ суднѣ, но ее не устраивало ѣхать туда официально. Государынѣ также очень желательно было показать сестрѣ новый крейсеръ. Онѣ и рѣшили, что королева поѣдетъ въ скромной роли дамы свиты, рассчитывая, что ее тогда не узнаютъ. Такъ оно, въ сущности, и было, но случай съ собачкой послужилъ къ разоблаченію инкогнито.

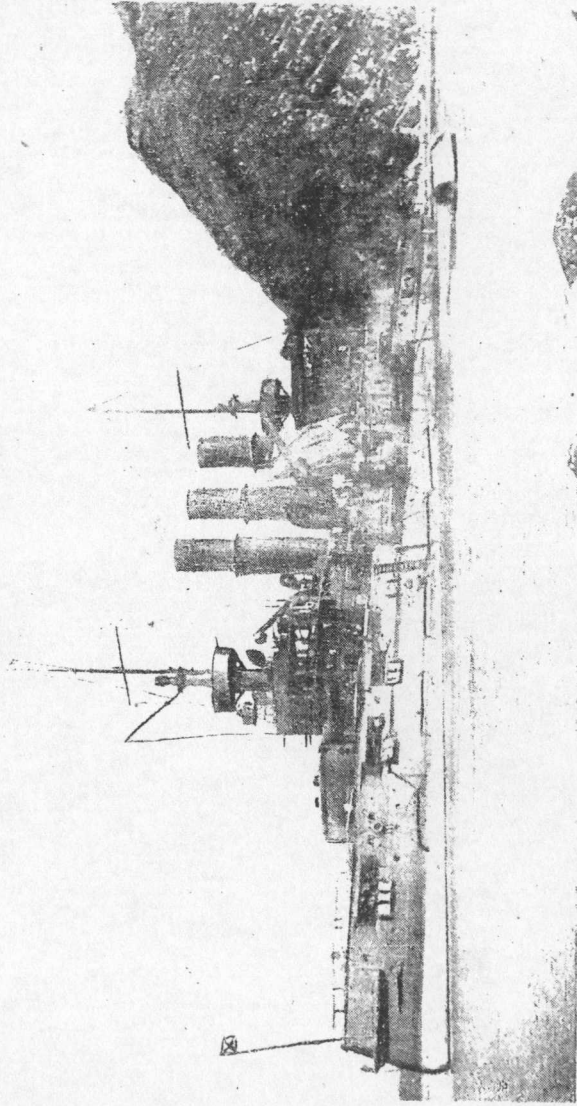
Мы, офицеры, потомъ удивлялись и не могли понять: какъ мы сразу же не узнали королеву. Ея особенная, извѣстная во тысячамъ портретовъ наческа волосъ на лбу, казалось бы сразу должна была ее обнаружить. Кромѣ того большинство изъ насъ имѣло случай видѣть раньше Королеву въ томъ же Копенгагенѣ. Но тогда она была на первомъ планѣ со своимъ отцомъ и всѣ глаза были устремлены на нее, а пріѣхавъ к камъ она затерялась среди лицъ свиты.

Сейчасъ нѣтъ больше на свѣтѣ ни нашей, столь любимой во флотѣ, Императрицы ни Ея сестры. Вдовствующая королева Румынская Марія талантливая писательница, въ своихъ недавно изданныхъ очеркахъ жизни Англійскаго Двора посвящаетъ памяти королевы Александры (тетки ея) слѣдующія прочувствованныя строки:

«Прекрасная, прекрасная королева Александра. Да будетъ навѣки благословенна ваша память за ту исключительную радость, которую вы доставляли, радость, которую испытывалъ каждый, глядя на васъ и любясь вами. Весь міръ сталъ мнѣ казаться обѣднѣвшимъ съ тѣхъ поръ, какъ васъ не стало».

Эскадра на рейдъ предъ атакой.
Портъ Артуръ.

Поврежденный Регвизанъ.

Какъ началась война съ Японіей.

Американская пресса первыхъ годовъ текущаго столѣтія была особенно враждебна к Россіи и к ея правительству. 9 февраля (н. с.) 1904 года на первыхъ страницахъ газетъ въ Соединенныхъ Штатахъ появились напечатанные крупными буквами заголовки: «Японцы взорвали три русскихъ военныхъ судна». Далѣе слѣдовали телеграммы собственныхъ корреспондентовъ или телеграфныхъ агентствъ приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Вечеромъ 8 февраля роскошно убранныя залы во дворцѣ адмирала командующаго русской эскадрой въ Портъ-Артуръ сіяли тысячами огней, отражавшихся на блестящихъ эполетахъ и золотомъ шитьѣ мундировъ командировъ и офицеровъ этой эскадры. Гремѣлъ бальный оркестръ и нарядныя пары кружились въ упоительномъ вальсѣ. Это былъ балъ, данный по случаю именинъ супруги адмирала миссисъ Маріи Старкъ. Вдругъ раздались минные взрывы на рейдѣ. Переполошившіеся танцоры бросили своихъ дамъ и въ паникѣ побѣжали на набережную. Но было уже поздно: поврежденные корабли мертвой массой лежали на боку, залитые водой».

Сообщенія эти нашли отзвукъ и въ русской прессѣ. Пожалуй и сейчасъ кое-кто изъ россіянъ полагаетъ, что японцевъ моряки «проморгали» потому, что веселились на именинахъ супруги адмирала.

Мадамъ Старкъ дѣйствительно звали Маріей и по календарю 8 февраля день преподобной Маріи. Все же остальное в приведенной телеграммѣ какъ о нахожденіи офицеровъ на берегу въ этотъ вечеръ, такъ и празднованіи именинъ представляло из себя обычную газетную утку — ни на чемъ не основанный вымыселъ.

Что же на самомъ дѣлѣ происходило въ Портъ-Артурѣ въ ночь съ 8 на 9 февраля.

Новый 1904 годъ былъ встрѣченъ во всей Россіи весело и беззаботно. Такъ по крайней мѣрѣ казалось намъ, плававшимъ тогда на тихоокеанской эскадрѣ. Въ газетахъ трехнедѣльной давности, приходившихъ изъ далекой сѣверной столицы въ Портъ-Артуръ, мы не находили признаковъ особой тревоги. Повидимому, мало кто зналъ тогда въ Россіи о важныхъ переговорахъ съ Японіей, грозившихъ разрывомъ сношеній и войной.

На насъ, артурцевъ, это спокойствіе и кажущаяся беззаботность нашей метрополіи производили довольно странное впечатлѣніе. Хотя мы также не были вполне въ курсѣ происходящихъ переговоровъ, но по многимъ мелкимъ, едва уловимымъ,

признакамъ невольно угадывалось и чувствовалось, что не все обстоитъ благополучно. Было какое-то затишье передъ грозою.

За годъ или за два до этого, вслѣдствіе давленія со стороны министерства финансовъ, во флотѣ началась экономія. Корабли тихоокеанской эскадры, плававшіе до этого и практиковавшіе свой личный составъ въ теченіе круглаго года, начали простаивать значительное количество мѣсяцевъ въ гавани, въ т. наз. «вооруженномъ резервѣ».

Въ это же самое время въ Японіи со вступленіемъ въ составъ эскадры нѣсколькихъ новыхъ единицъ получился флотъ, превышающій силы нашей эскадры, какъ по количеству орудій на борту и вѣсу залпа, такъ и по бронированію. Было ясно, что страна готовится къ войнѣ съ нами. Экономія, шедшая во вредъ боевой готовности нашей эскадры, приводила поэтому личный составъ ея въ состояніи какого то тягостнаго недоумѣнія.

В теченіе ряда лѣтъ наша эскадра жила мыслью о неизбѣжности надвигающагося конфликта съ Японіей. Все на судахъ дѣлалось, все было для одной цѣли: подготовка къ будущей войнѣ съ островной державой. Поэтому война эта сама по себѣ не представлялась намъ страшною.

Всѣ наши сомнѣнія отпали бы, если бы мы въ эти дни чувствовали, что наша родина, какъ одинъ человѣкъ, горой стоитъ за нашей спиной,

готовая на всякую жертвенность для борьбы съ надвигающимся врагомъ, но, увы, этого не было. Въ декабрѣ 1903 и въ первыя недѣли 1904 года въ каютъ-компаніяхъ нашихъ судовъ приходилось иногда слышать шепотомъ и съ опущенной головой произносимые страшные слова: «Въ Россіи совсѣмъ нѣтъ патріотизма».

Чѣмъ же вызывалось подобное настроеніе. Въ силу какихъ причинъ не стало сильнаго волевого импульса въ странѣ, столь необходимаго при всякой, надвигающейся на родину, бѣдѣ.

Въ 1894 году наша пресса удѣляла очень мало вниманія войнѣ между Китаемъ и Японіей. Въ обществѣ говорили: «Воюютъ эти желтолицыя между собой, ну и пускай себѣ на здоровье дѣлаютъ что хотятъ. Намъ то какое до нихъ дѣло». Но Японія въ эти отдаленные времена стремилась получить то, чего она достигла лишь въ 1932 году. Задачей ея было: захватъ въ свои руки всей Манччжуріи и утвержденіе на правомъ берегу рѣки Амура.

Вмѣсто слабаго и «недвижнаго» Китая, въ со-сѣди къ намъ лѣзла страна прекрасно воору-женная и обладающая предпримчивостью. Бѣглаго взгляда на карту достаточно, чтобы понять въ какомъ положеніи оказывался при этомъ нашъ Владивостокъ и вся Приморская область. Весь этотъ край, при всякомъ военномъ конфликтѣ съ вла-дѣющей Манчжуріей державой, какъ бы пови-

салъ въ воздухѣ... Охранять нашу громадную границу вдоль побережья Амура созданиемъ крѣпостей и формированиемъ новыхъ корпусовъ войскъ было бы предпріятіемъ совершенно непосильнымъ для нашихъ финансовъ.

Нужно было во что бы то ни стало не допустить японцевъ утвердиться въ Маньчжуріи. Поэтому тогдашнее правительство наше безъ всякой ненужной шумихи и огласки во время сосредоточило на Дальнемъ Востокѣ морскія силы, превышающія японскія. Была достигнута дипломатическая поддержка со стороны Германіи и Франціи и въ надлежащій моментъ Японіи былъ предъявленъ извѣстный ультиматумъ. Затаивъ злобу, японцы подчинились и ушли изъ Маньчжуріи.

Совершенно ясно было, что южное побережье Маньчжуріи китайцы не смогутъ долго удерживать въ своихъ рукахъ. Японцы приступили къ усиленію своего флота, дабы при слѣдующей ихъ попыткѣ утвердиться на материкѣ имъ не были бы страшны наши ультиматумы. Чтобы парировать эту угрозу, наше правительство предприняло въ 1898 году очень смѣлый, но вполне правильный и своевременный шагъ: оно заняло военной силой Квантунскій полуостровъ, получивъ на это согласіе Китая. Оно ясно сознавало, что «путь къ владѣнію Владивостокомъ лежитъ черезъ Портъ-Артуръ».

Оставалось только, по мѣрѣ усиленія Японіей своей военной мощи, соотвѣтственно увеличивать сухопутную и морскую оборону вновь занятой об-

ласти. Самые крупные расходы, которые приходилось бы при этомъ нести, несомнѣнно, являлись бы каплей въ морѣ по сравненію съ тѣмъ, что стоило бы оборонять рядомъ крѣпостей грандіозной длины границу вдоль рѣки Амура. Нечего и говорить о томъ, что они представлялись бы прямо ничтожными, если учесть тотъ моральный и матеріальный ущербъ, какой понесла Россія въ результатѣ неудачной войны.

Но тутъ выступила на сцену такъ наз. «русская общественность». Совершенно не разбираясь въ стратегической обстановкѣ на Дальнемъ Восто-кѣ, наши тогдашнія газеты зашумѣли о «безумной авантюрѣ». Въ обществѣ стали говорить: Швыряютъ милліонами, чтобы великимъ княземъ можно было наживаться на лѣсныхъ концессіяхъ на Ялу».

Давленіе на правительство было произведено такое организованное и всестороннее, что, по настоянію Витте, средства на постройку Портъ-Артурской крѣпости были значительно урѣзаны. Потомъ во время японской осады приходилось горько сожалѣть о томъ, что въ силу этой экономіи въ периметръ крѣпости не вошли такія командующія высоты, какъ знаменитая, обильно политая кровью, Высокая гора. Началась экономія въ постройкѣ судовъ флота и содержаніи эскадры въ Тихомъ океанѣ. Въ самое казалось бы не подходящее для того время былъ введенъ для судовъ ея пресловутый «вооруженный резервъ».

Японія все это учитывала. Всѣ эти мѣры какъ нарочно создавали наиболѣе подходящую обстановку для ея немедленнаго выступленія противъ насъ. Ей предоставлялась возможность, не откладывая, однимъ ударомъ покончить съ русскимъ владычествомъ на Квантунѣ, пока Россія не окрѣпла тамъ и пока продолжается столь несвоевременный и столь вредный для военной мощи режимъ экономіи въ военныхъ расходахъ.

Военно-морской агентъ въ Токио, капитанъ 2 ранга А. И. Русинъ, въ рядѣ подробныхъ донесеній своевременно далъ морскому министерству полную картину систематическаго развертыванія японскихъ морскихъ силъ противъ насъ. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ рапортовъ онъ вполне точно указалъ, что свой ударъ японцы приурочиваютъ къ послѣднимъ числамъ января.

Въ предупрежденіяхъ, такимъ образомъ, недостатка не было. Освѣдомленность о томъ, что война надвигается, была полная.

Но, одновременно съ тѣмъ изъ Петербурга, приходили такого рода вѣсти: «Русская общественность противъ войны». «Война не встрѣтитъ сочувствія въ широкихъ кругахъ населенія». «Войны въ Петербургѣ не хотятъ, ее необходимо во что бы то ни стало избѣжать», «Не бряцайте оружіемъ, не давайте Японіи повода объявить намъ войну».

Изъ такого рода слагаемыхъ и создалась та

атмосфера неопредѣленности, которая тяжелымъ камнемъ ложилась на личный составъ нашей артурской эскадры и гарнизонъ крѣпости.

Шаги, которые въ то время предпринимались петербургскими властями для парированія японскаго удара, дѣлались какъ будто изподтишка, чтобы не дразнить гусей нашей «общественности». Все это были полумѣры — одна десятая того, что можно было сдѣлать въ эти драгоценные, послѣдніе передъ войной, мѣсяцы и недѣли.

Была двинута на Дальній Востокъ одна, единственная, бригада изъ Европейской Россіи. Были посланы изъ Балтики одинъ броненосецъ и два крейсера, которымъ война помѣшала дойти до Портъ-Артура. Они вернулись съ полъ-дороги.

Прилива свѣжихъ войскъ не было. Поэтому З. В. С. стрѣлковая бригада, годами стоявшая въ Портъ-Артурѣ и какъ свои пять пальцевъ знавшая мѣстность въ районѣ крѣпости, была послана на Ялу. Мѣсто ея заняли новыя формированія. Получился своего рода «Тришкинъ кафтанъ».

Осенью 1903 года наша эскадра смѣнила веселый нарядный бѣлый цвѣтъ своихъ бортовъ, цвѣтъ мирнаго времени, на мрачный сѣро-оливковый боевой.

За пять лѣтъ русскаго владѣнія городъ Портъ-Артуръ сильно измѣнился. Старый туземный городокъ, ютящійся около восточнаго бассейна, остался, конечно, со своими кривыми и узкими улица-

ми, но въ китайскихъ одноэтажныхъ домахъ, прежде такъ уныло смотрѣвшихъ на улицу своими сплошными глухими стѣнами, продѣланы были окна и двери, появились крылечки и русскаго образца, заперѣли вывѣски магазиновъ ресторановъ. Даже пожарная каланча русскаго типа воздвигнута была на вершинѣ господствующей надъ городомъ Перепелиной горы. Словомъ — старый городъ обрусѣлъ.

Новый городъ вдоль берега Западнаго бассейна строился по американскому образцу. Проводились широкія прямыя улицы съ мостовыми и тротуарами чисто столичнаго типа, съ площадями, парками и бульварами, съ готовой канализаціей, водоснабженіемъ и электрической проводкой. Домовъ, построенныхъ до 1904 года было сравнительно немного, но чувствовалось, что скоро городской центръ перемѣстится изъ Стараго города въ Новый и тогда жизнь забьетъ ключемъ здѣсь.

Между Старымъ и Новымъ городами строился большой каменный православный соборъ, типа кафедральныхъ соборовъ губернскихъ городовъ.

Удержи Россія въ своихъ рукахъ Портъ-Артуръ судьба Владивостока и Приморской области не вызывала бы опасеній. Сибирская магистраль, предпріятіе міроваго значенія, упиралась бы своимъ концомъ не въ Японское море, плотно закупоренное нашимъ сосѣдомъ, а въ порты теплаго, никогда не замерзающаго Желтаго моря, имѣющаго широкій свободный ходъ въ океанъ.

Въ концѣ января 1904 года стояла сухая и безснѣжная зима. Нижнія ступеньки сходныхъ траповъ стали по утрамъ обмерзать. Японскія лавочки въ Старомъ городѣ стали одна за другой закрываться. Владѣльцы ихъ устраивали спѣшную распродажу товаровъ и затѣмъ исчезали изъ города. Какой-то предприимчивый японецъ, объявляя о подобной распродажѣ, вывѣсилъ большую вывѣску: «Я испугался».

Въ каютъ-компаніяхъ со столовъ не сходили «Справочники» объ иностранныхъ флотахъ. Подсчитывались силы наши и противника. Если-бы на Дальній Востокъ пришли достраивавшіеся въ Петербургѣ броненосцы типа «Суворовъ», превосходство Японіи въ морскихъ силахъ не такъ сильно чувствовалось бы.

Тоннажъ нашей эскадры въ данный моментъ былъ приблизительно 200 тысячъ тоннъ. Противникомъ ея являлся весь японскій флотъ съ тоннажемъ въ 280 тысячъ тоннъ. Отношеніе получалось 1 къ 1,4 не въ нашу пользу.

Главнымъ ядромъ японскаго флота были 6 эскадренныхъ броненосцевъ, вооруженныхъ 12 дюймовыми орудіями. Изъ нихъ четыре новыхъ, недавно спущенныхъ, вполне современныхъ и два болѣе старыхъ. У насъ было пять броненосцевъ съ такой артиллеріей. Изъ нихъ новыхъ и современныхъ два. Болѣе старыхъ — три. Преимуществомъ японскихъ броненосцевъ и крейсеровъ надъ нашими была также ихъ большая однотипность.

Общее число броненосцевъ и броненосныхъ крейсеровъ, могущихъ войти въ боевую линію было у японцевъ 14, у насъ 10. Одинадцатый крейсеръ «Рюрикъ», какъ не имѣющій современной 8 дюймовой артиллеріи и по устарѣлости годный лишь для вспомогательныхъ цѣлей, нельзя было принимать въ расчетъ.

Но главнымъ преимуществомъ японцевъ надъ нами являлись семь вполне оборудованныхъ военныхъ портовъ — базъ для ихъ эскадры, снабженныхъ сухими доками для починки броненосцевъ и богато оборудованными всѣми средствами для быстрого ихъ исправленія. Отсутствие въ нашей главной и въ сущности единственной базѣ Портъ-Артуръ сухого дока для броненосцевъ было обстоятельствомъ прямо трагическимъ. Во время войны поврежденія подводныхъ частей этихъ судовъ приходилось чинить кустарнымъ способомъ, посредствомъ кессоновъ. Корабли выходили изъ строя поэтому на мѣсяцы, когда въ докъ та же работа могла бы быть выполнена въ нѣсколько дней. Сухой докъ въ Артурѣ былъ начатъ постройкой, но японцы, объявивъ войну, не дали намъ возможности его закончить.

Какъ бы то ни было, признавая, что японцы въ данный моментъ сильнѣе насъ, мы рассчитывали, что должный отпоръ имъ мы дать все-таки можемъ и сможемъ продержаться до прибытія подкрѣплений изъ Балтики.

Въ серединѣ января наша эскадра вышла изъ

состоянія вооруженнаго резерва и начала компанію. Были нелады съ машинами на броненосцѣ «Севастополь». Скорость его упала съ 16 на 14 узловъ, что понизило въ свою очередь и скорость всей эскадры до этой цифры, къ колоссальной нашей невыгодѣ.

За нѣсколько дней до рокового дня 8 февраля наша эскадра, подъ командою адмирала Старка, вышла въ море въ полномъ составѣ. Цѣль этого похода, повидимому, была чисто учебная. Мы провели день и ночь въ Желтомъ морѣ, дѣлая различныя построенія и эволюціи. Видѣли въ дымкѣ тумана южное китайское побережье и Шаньдунскій маякъ. Затѣмъ стали на якорь на своемъ обычномъ мѣстѣ, на Артурскомъ рейдѣ.

Никому изъ насъ тогда и въ голову не приходило, что этотъ походъ нашъ окажется тѣмъ самымъ «Казусъ белли», котораго только и ждала японская военная партія. Впослѣдствіи стало извѣстно, что нашъ выходъ въ море былъ сочтенъ Японіей за враждебную ей демонстрацію, почему и рѣшено было немедленно объявить намъ войну.

Насколько мы далеки были тогда отъ мысли дѣлать враждебные выпады по адресу Японіи показываетъ тотъ фактъ, что, стоя на открытомъ для непріятельскихъ минныхъ атакъ рейдѣ, наши суда не получили приказанія опустить въ воду предохранительныя сѣти (т. н. «кринолины») противъ минъ Уайтхеда. Въ тѣ времена говорили, что это дѣлается для того, чтобы не увеличивать

напряженности даннаго момента. «Стоять съ опущенными сѣтями — значитъ: готовятся къ какимъ-то военнымъ дѣйствіямъ», — могли сказать японцы. Повидимому, въ виду полученной директивы: «Не бряцать оружіемъ» начальство наше и воздержалось отъ опусканія сѣтей.

Большой бѣдой для нашей эскадры было то, что ею командовали въ эти роковые дни люди, быть можетъ въ высшей степени добросовѣстные и усердные служаки, но совершенно не имѣвшіе боевого опыта. Въ то же время такой прирожденный вождь-флотоводецъ, какъ герой войны 1877-78 года, адмиралъ С. О. Макаровъ, находясь въ Кронштадтѣ, былъ вдали отъ назрѣвавшихъ на Дальнемъ Востокѣ крупныхъ событій.

Все поэтому дѣлалось въ Артурѣ не по «Макаровски». Тамъ въ полной силѣ была еще рутина мирнаго времени. Господствовало вредное убѣжденіе, что эскадрѣ для выхода въ полномъ составѣ на Портъ-Артурскій рейдъ изъ внутреннихъ бассейновъ требуется болѣе сутокъ. Поэтому для того, чтобы она могла быть готовой по тревогѣ быстро сняться съ якоря и выйти въ море, ее въ эти дни кризиса держали на якорѣ на открытомъ наружномъ рейдѣ, подвергая тѣмъ самымъ суда риску минныхъ атакъ.

Когда въ послѣдствіи прибылъ въ Портъ-Артуръ Макаровъ онъ держалъ эскадру во внутренней гавани. А выходъ ея въ море по тревогѣ требо-

вал при немъ всего 2 съ половиной — 3 часа времени.

Суда стояли на рейдѣ готовыми къ бою. Сигналомъ была объявлена 4-хъ часовая готовность къ выходу въ море. Такая готовность всегда вызываетъ большое напряженіе въ судовой жизни. Приходится быть на чеку, зная, что каждую минуту можетъ быть сигналъ адмирала: «Приготовиться сняться съ якоря», а черезъ 4 часа послѣ сигнала всѣ корабли будутъ уже на ходу. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ люди съ судовъ могли посылаться на берегъ только по самымъ неотложнымъ служебнымъ дѣламъ, а отнюдь не для прогулки.

8 февраля передъ заходомъ солнца адмиралъ поднялъ сигналъ: «Приготовиться къ походу къ 6 часамъ утра». Этому походу не суждено было состояться. Сейчасъ, вспоминая заднимъ числомъ все случившееся, остается пожалѣть, что адмиралъ отложилъ выходъ въ море до утра, а не снялся съ якоря вечеромъ. Тогда японскіе миноносцы никого не нашли бы на Артурскомъ рейдѣ, а утромъ японская эскадра могла неожиданно встрѣтить въ морѣ нашу, вышедшую въ полномъ составѣ всѣхъ броненосцевъ и крейсеровъ. Война началась бы совсѣмъ иначе. Весьма вѣроятно что она иначе и окончилась бы.

Утромъ въ этотъ день въ Артуръ прибылъ изъ Чифу тамошній японскій консулъ, чтобы забрать послѣднихъ, оставшихся въ городѣ японцевъ.

Вскорѣ пароходъ, вся палуба котораго была заполнена подданными страны Восходящаго Солнца, прошелъ мимо нашей эскадры. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на пароходѣ этомъ были японскіе морскіе офицеры, точно по пеленгамъ опредѣлившіе якорное мѣсто cadaго изъ нашихъ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ. Миноносцы, посланные ночью въ атаку, могли имѣть для руководства точную диспозицію нашей эскадры.

Можно сказать, что мы тогда, что называется, «лапти плели» въ дѣлѣ сохраненія военныхъ тайнъ. Казалось бы: какъ можно было выпустить изъ своего порта такой пароходъ наканунѣ войны. Но не надо забывать, что тогдашнее наше начальство было еще подъ гипнозомъ указаній: «Избѣгать осложненій с Японіей», «Не бряцать оружіемъ».

Около полудня, пишуцій эти строки, былъ посланъ съ какимъ-то порученіемъ на берегъ.

На набережной, около дома командира порта, стояло нѣсколько офицеровъ съ эскадры. Они выглядѣли чѣмъ-то озабоченными.

— Японцы отозвали своего посланника изъ Петербурга. Дипломатическія сношенія прерваны, — сообщили они мнѣ.

— Но вѣдь это значитъ — война.

— Дипломатическая часть штаба намѣстника разъясняетъ, что разрывъ сношеній еще не есть объявленіе войны. Вотъ, съ Болгаріей, напри- мѣръ, они говорятъ, сношенія у насъ были прерваны, а развѣ мы съ ней воевали...

— Такъ то оно такъ, но все-таки — тамъ была Болгарія, а здѣсь — Японія. А это — разница. Но почему же они такое важное извѣстіе сейчасъ же сигналомъ по эскадрѣ не объявили. Довольно странно, что мы здѣсь такія вещи узнаемъ изъ частныхъ разговоровъ.

— Въ Штабѣ сказали — появится завтра утромъ въ газетѣ «Новый Край». Вѣдь сегодня газета не выходитъ.

Къ нашей группѣ подходитъ — запыхавшись знакомая дама, супруга старшаго офицера одного изъ броненосцевъ. По выраженію ея лица и по походкѣ сразу видно, какъ тяжело переживаются эти часы неопредѣленности офицерскими семьями въ Артурѣ.

— Я не могу понять, что сейчасъ происходитъ, — говоритъ она. На эскадрѣ всѣ говорятъ — война, война, а я живу на квартирѣ воинскаго начальника и онъ сказалъ мнѣ — «Повѣрьте, сударыня, если бы что-нибудь подобное было, война или мобилизація — я бы первый объ этомъ узналъ и вамъ сообщилъ».

На шлюпкѣ съ флагманскаго корабля прибылъ офицеръ. Онъ былъ посланъ передать приказаніе всѣмъ, находящимся на берегу, немедленно возвращаться на свои суда. «Былъ поднятъ сигналъ — прекратить сообщеніе съ берегомъ въ 3 часа. Вѣроятно, въ море уходимъ», — сообщилъ онъ.

Всѣ поспѣшили на шлюпки.

Ночь наступила безлунная, но ясная. Вѣтра почти не было и слегка подмораживало. Съ вечера сильно трещали китайцы на полуостровѣ Тигровый Хвостъ, на побережьи прогивъ стоянки эскадры. Они, вѣроятно, справляли тамъ какой-нибудь праздникъ и огоняли своими хлопушками, громкими какъ револьверные выстрѣлы. злыхъ духовъ отъ своихъ жилищъ.

«Вотъ — точно такая же музыка началась вечеромъ въ Таку передъ тѣмъ, какъ форты по нашимъ судамъ огонь открыли», — мрачно замѣтилъ, слушая китайскую трескотню, участникъ ночного боя на рѣкѣ Пейхо». Было это что-то вродѣ сигнализациі. Знали, бестіи, что стрѣльба будетъ.

Когда солнце скрылось за громадой мрачнаго Ляо-тишана, зажегся, какъ всегда, входный артурскій маякъ. Маячная часть дѣйствовала по правиламъ мирнаго времени. Но на этотъ разъ маякъ былъ зажженъ, какъ бы нарочно для того, чтобы атакующій непріятель могъ легче ориентироваться ночью.

Съ наступленіемъ темноты два дежурныхъ крейсера начали освѣщать горизонтъ прожекторами. Съ заходомъ солнца сигнальные рожки на всѣхъ судахъ проиграли сигналъ «Приготовиться отразить минную атаку». По этой тревогѣ всѣ орудія были заряжены боевыми зарядами. Затѣмъ половинное число прислуги было оставлено у орудій. Другая половина должна была смѣнить

первую среди ночи. Эта боевая вахта была готова открыть огонь во всякій моментъ.

Два миноносца были посланы въ море, въ дозоръ на всю ночь. Ихъ обязанность была: крейсировать въ нѣсколькихъ миляхъ отъ стоянки эскадры и давать тревожные сигналы въ случаѣ появленія подозрительныхъ судовъ.

Многое можно сказать сейчасъ относительно дѣйствительности, или вѣрнѣе — недѣйствительности такихъ мѣръ охраны эскадры отъ минной атаки. Все организовано было по шаблону маневровъ мирнаго времени. Не надо быть специалистомъ, чтобы понять, что два миноносца на обширномъ пространствѣ моря должны были являться чѣмъ-то вроде иголки, затерявшейся въ стогѣ сѣна.

Но начальникъ эскадры и не располагалъ въ этотъ вечеръ достаточнымъ количествомъ мелкихъ минныхъ судовъ. Хотя это можетъ показаться страннымъ и невѣроятнымъ, но значительная часть миноносцевъ, выполняя преподанную министромъ финансовъ программу экономіи, оставалось еще въ состояніи пресловутаго «вооруженнаго резерва» и начала компанію, присоединившись къ эскадрѣ, уже послѣ начала войны.

За нѣсколько минутъ до полуночи, среди тишины, вдругъ гулко прокатился орудійный выстрѣлъ. Слышно было, какъ гудитъ въ воздухѣ снарядъ.

Прошло нѣсколько секундъ. Затѣмъ другой, третій выстрѣлъ. Стрѣляли не часто, какъ будто не видя опредѣленной цѣли. Кто стрѣлялъ и по кому опредѣлить было невозможно. Но тутъ, вдругъ, точно что то толкнулось въ подводную часть нашего крейсера. Это не былъ звукъ орудійнаго выстрѣла. Тѣмъ, кто плавалъ на судахъ учебно-миннаго отряда этотъ звукъ былъ хорошо знакомъ. Какъ будто кто-то уронилъ грузный подносъ съ посудой. Это былъ подводный минный взрывъ.

Стрѣльба иногда замолкала секундъ на 10, на 15, потомъ опять начиналась. Чувствовалось, что цѣль по временамъ не видна. Такъ продолжалось съ четверть часа. Затѣмъ все стихло. Въ это время флагманскій броненосецъ «Петропавловскъ» вдругъ поднялъ лучи своихъ прожекторовъ къ небу, что при обыкновенныхъ практическихъ занятіяхъ обозначало: «Перестать свѣтить прожекторами». Точно на обычномъ ученіи, это было исполнено. Эскадра погрузилась въ темноту.

Что же это значить. Неужели это было ученіе. Но вѣдь орудія то заряжены по боевому. А какъ же понять тѣ минные взрывы, которые мы слышали гдѣ-то по сосѣдству.

Недоумѣніе продолжалось недолго. Мимо насъ промчался полнымъ ходомъ паровой катеръ съ «Петропавловска» и офицеръ съ него крикнулъ намъ голосомъ, полнымъ тревоги и нервнаго воз-

бужденія: «Посылайте всѣ шлюпки на «Цесаревичъ» спасать людей. «Цесаревичъ» тонетъ.

Въ этотъ моментъ мы увидѣли «Цесаревичъ», шедшій къ берегу подъ своей машиной. Онъ лежалъ на боку. Казалось еще моментъ и онъ опрокинется. Его зеленая подводная часть съ праваго борта, обычно скрытая, теперь высоко поднялась и ярко горѣла, освѣщаемая лучами прожекторовъ, шедшаго за броненосцемъ вплотную крейсера «Аскольдъ».

Этотъ видъ нашего лучшаго корабля, тяжело раненнаго, наглядно показалъ всѣмъ, что случилось что-то ужасное, непоправимое. Сразу же мелькнула мысль: «Какъ же мы будемъ его чинить, когда сухой докъ для броненосцевъ только начатъ постройкой въ Портъ-Артуръ».

Въ этотъ моментъ съ другой стороны нашего корабля появилась темная масса броненосца «Ретвизанъ». Его носъ совсѣмъ зарылся въ воду. Ни одного огонька на суднѣ. Онъ медленно шелъ къ мелководью. Видъ этой тонушей громады производилъ жуткое гнетущее впечатлѣніе. Оба броненосца, только что пришедшіе на Востокъ, наиболѣе современные единицы нашего флота, оказались выведенными изъ строя въ первыя же минуты войны.

Крейсеръ «Паллада» былъ также подорванъ миной въ эту ночь, но съ нашего крейсера мы «Паллады» не видѣли.

«Идти въ дозоръ» сдѣланъ былъ намъ сигналъ съ «Петропавловска». Плавно заработали наши машины. Около орудій стояли комендоры-наводчики и напряженно всматривались въ темноту. Эскадра наша осталась позади и позади остались только что пережитые нами тревожные моменты. Началась напряженная, но вносящая своей регулярностью спокойствіе и увѣренность въ своихъ силахъ, служба военнаго времени. Пришелъ конецъ всѣмъ сомнѣніямъ и неопредѣленностямъ.

Насъ охватилъ просторъ моря. На востокѣ небо стало слегка молочнымъ передъ восходомъ луны и звѣзды потускнѣли. Темной ясной чертой выявился горизонтъ. Видно было далеко. Никакихъ признаковъ непріятеля, хотя чувствовалось, что онъ, можетъ быть, гдѣ-нибудь неподалеку. Но этогъ врагъ — миноносцы — для крейсера не страшень, когда онъ на ходу въ морѣ. Наоборотъ, крейсеръ является въ такую ясную ночь грозой для миноносцевъ.

Около штурманской рубки собралось два-три офицера. Они обмѣниваются мыслями о только что пережитомъ.

— Эхъ, будь наша эскадра на ходу сегодня ночью. Ничего японцамъ не удалось бы взорвать, — говоритъ одинъ.

— А какъ ты думаешь: сколько времени эта война будетъ продолжаться?

— Затяжная война будетъ. Мѣсяцевъ на шесть пожалуй.

Никто изъ насъ не предполагалъ въ эту ночь, что война эта затянется на полтора года, что закончится она такимъ миромъ, какъ Портсмутскій и такъ наз. «первой революціей» и что послѣдствія этой войны будутъ чувствоваться русскимъ народомъ втеченіе, быть можетъ, цѣлыхъ столѣтій.

Генераль Стессель.

Казачій плацъ въ Портъ — Артуръ былъ весь залитъ косыми лучами вечерняго солнца. Въ тѣни полотнянаго навѣса, устроеннаго вмѣсто скаковыхъ трибунъ, яркими цвѣтными пятнами выдѣлялись среди бѣлыхъ офицерскихъ кителей дамскіе наряды. Оттуда несся оживленный говоръ. Гремѣлъ оркестръ полковой музыки. «Весь Портъ-Артуръ» собрался на первыя со времени основанія города скачки.

Общее вниманіе привлекала красивая свѣтло сѣрая лошадь принадлежавшая лейтенанту Филиппову, ревизору съ «Рюрика.» На ней скакалъ Приморскій драгунъ корнетъ Каховскій и она легко пришла первой.

Все это происходило осенью 1899 года.

Около судейской трибуны стоялъ довольно высокій, видный генераль. Только сѣдина въ небольшой бородкѣ показывала, что онъ не такъ ужъ молодъ. Бравый видъ и военная выправка какъ бы скрывали его возрастъ. Раньше въ Портъ-Артуръ мы этого генерала не видали.

— Кто этотъ генераль?

— Это новый командиръ стрѣлковой бригады Стессель.

Въ тѣ времена глазъ какъ то привыкъ видѣть на груди у лицъ генеральскихъ чиновъ либо орденъ Св. Георгія, либо академическій значекъ, либо, наконецъ, бѣлый малтійскій крестикъ, значекъ Пажескаго корпуса.

У Стесселя ничего этого не было. Набекрень надѣтая фуражка придавала ему нѣсколько «провинціальныи» видъ. [Общій видъ генерала какъ бы говорилъ: «Посмотрите на меня какой я молодчинище.»]

Никому изъ насъ въ этотъ вечеръ не могло, конечно, прійти въ голову, что черезъ 5 лѣтъ, въ роковой день паденія крѣпости, та сѣрая лошадка, которая тогда такъ намъ всѣмъ понравилась, будетъ поднесена въ даръ вождю вражеской арміи и что подносить ее будетъ тотъ самый генералъ, который стоялъ у судейской трибуны.

Какъ извѣстно, генералъ Ноги отказался отъ подарка, заявивъ, что всѣ лошади, взятые въ Портъ-Артуръ составляютъ собственность японской казны.

Черезъ годъ послѣ этихъ скачекъ въ самую жаркую лѣтнюю пору началось Боксерское возстаніе, охватившее весь сѣверный Китай. Наши канонерки выдержали жестокій бой подъ Таку, который и былъ взятъ штурмомъ.

Тянтзинъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ повстанцами и регулярными китайскими войсками. Европейское населеніе города было бы несомнѣнно

вырѣзано боксерами, если бы не подошелъ нашъ славный 12 В. С. стрѣлковый полкъ съ полковникомъ Анисимовымъ. Тянтзинъ былъ спасенъ.

Затѣмъ Стессель со своей 3-й бригадой окончательно отбросилъ отъ этого города лѣвый флангъ арміи противника. Самъ онъ былъ при этомъ контуженъ и за бои подъ Тянтзиномъ награжденъ орденомъ Св. Георгія IV-й степени.

Началось движеніе союзныхъ отрядовъ на Пекинъ на выручку посольствъ. Тропическій зной, густая пыль, рои мухъ и комаровъ, отсутствіе годной питьевой воды — все это складывалось для того, чтобы создать самыя тяжелыя условія похода.

Намъ морякамъ, участникамъ движенія на Пекинъ, Стессель казался тогда прямо идеальнымъ начальникомъ. Быть можетъ наша точка зрѣнія была нѣсколько диллетантская, но даже отсутствіе въ немъ внѣшняго лоска какъ нельзя болѣе гармонировало съ окружающей насъ суровой обстановкой и онъ самъ представлялся намъ «надлежащимъ человѣкомъ на надлежащемъ мѣстѣ», какъ говорятъ англичане.

Иногда по вечерамъ, послѣ дневного перехода денщикъ Стесселя раздувалъ самоваръ традиционнымъ голенищемъ и генераль гостепріимно угощалъ насъ, моряковъ, чаемъ. Самоваръ его былъ единственный въ отрядѣ, и удовольствіе выпить стаканъ чаю послѣ всей тяготы походнаго движенія не можетъ быть описано никакими словами.

Боксерское движеніе было ликвидировано и года за два до войны съ Японіей Стессель былъ назначенъ комендантомъ крѣпости Портъ — Артуръ.

Фактически онъ былъ комендантомъ и во время осады, хотя носилъ уже тогда титулъ «начальникъ укрѣпленнаго района...»

Вспоминая тѣ времена приходится сказать, что еще задолго до 1904 года нами, моряками, лично Стесселю не подчиненными, замѣчались нѣкоторые зловѣщіе признаки, наблюдалась какая-то невязка въ отношеніяхъ между комендантомъ и нѣкоторой частью офицеровъ гарнизона. Мало сказать, что онъ былъ среди нихъ непопуляренъ, тутъ была налицо опредѣленная ненависть къ нему.

Циркулировалъ, напримѣръ, рассказъ о томъ, что контузія, полученная Стесселемъ въ бою подъ Тянтзиномъ была результатомъ паденія его съ лошади въ придорожную канаву.

Въ этомъ бою мелинитовымъ снарядомъ французской батареи былъ взорванъ китайскій пороховой погребъ. Волна воздуха при взрывѣ ударила такъ сильно, что весь нашъ отрядъ былъ буквально сшибленъ съ ногъ. Свалился съ лошади и начальникъ бригады.

Поэтому говорили: «получилъ Георгія за то, что упалъ въ канаву.»

Въ 1903 году ненависть къ Стесселю выразилась уже въ болѣе яркой формѣ: одинъ изъ офицеровъ гарнизона стрѣлялъ въ него изъ револьвера на перрронѣ Артурскаго вокзала.

Помнится мнѣ, что пуля пролетѣла мимо и что офицеръ не былъ разстрѣлянъ, а приговоренъ къ пожизненной каторгѣ.

Все это должно было создать очень тяжелую обстановку для Стесселя, когда онъ очутился въ роли коменданта осажденной со всѣхъ сторонъ крѣпости.

Въ февралѣ 1904 г., въ самомъ началѣ войны, я зашелъ за чѣмъ-то на гарнизонную гауптвахту въ Портъ Артуръ, гдѣ караульный офицеръ, мой хорошій знакомый, сообщилъ мнѣ:

«Тутъ очень интересные люди сидятъ. Я васъ познакомлю сейчасъ съ однимъ офицеромъ, пылкимъ и бравымъ грузиномъ, котораго Стессель посадилъ за посланную имъ телеграмму.»

Офицеръ этотъ былъ въ чинѣ штабсъ-капитана. На груди у него красовался Владиміръ IV ст. съ мечами за подавленіе возстанія въ Андижанѣ. Онъ сыгралъ очень видную роль въ этомъ подавленіи, когда наши крошечныя воинскія части едва не были начисто вырѣзаны повстанцами.

Въ первые дни войны Стессель отдалъ приказъ по гарнизону, написанный въ классическо-героическомъ стилѣ. Тутъ было: «Съ трехъ сторонъ у насъ море, а съ четвертой непріятель —

отступленія нѣтъ.» Было, насколько мнѣ помнится, и «колите меня, если я прикажу играть отбой.»

Приказъ былъ тотчасъ же опубликованъ во всѣхъ русскихъ газетахъ и произвелъ большое впечатлѣніе. Въ особенный восторгъ пришелъ престарѣлый генералъ Богдановичъ, извѣстный издатель популярныхъ патріотическихъ брошюръ. Онъ тотчасъ же послалъ Стесселю благодарственную телеграмму, немедленно напечатанную въ газетахъ.

Въ телеграммѣ этой онъ писалъ: «Въ словахъ приказа вашего мнѣ слышатся завѣты севастьяновскихъ героевъ Нахимова и Корнилова, которые говорили: умремъ, а не сдадимъ Севастополя.»

Тутъ выступилъ на сцену нашъ грузинъ, служившій въ Портъ-Артуръ подъ начальствомъ Стесселя. Прочиталъ онъ телеграмму генерала Богдановича и пришелъ въ страшное негодованіе:

«Какъ можно такому негодю, какъ Стессель, посылать такія телеграммы!»

Не долго думая, онъ самъ беретъ телеграфный бланкъ и пишетъ генералу Богдановичу приблизительно слѣдующее:

«В. П. - во. Я прочиталъ вашу телеграмму генералу Стесселю и вижу, что вы введены въ глубокое заблужденіе. Мы, офицеры гарнизона, хо-

рошо знаемъ, что за птица этотъ Стессель, который, сидя въ канавѣ, георгіевскіе кресты получалъ. Онъ пишетъ громкіе приказы, а самъ онъ жалкій трусъ. Прямо обидно читать, когда вы сравниваете его со славными героями севастопольской обороны и т. д., и т. д.».

Въ концѣ телеграммы: чинъ и подпись.

Военная цензура задержала эту телеграмму и доставила въ подлинникъ самому Стесселю.

Грузинъ очутился на гауптвахтѣ.

Комендантъ съ маху рѣшилъ отдать его подъ судъ по статьѣ объ оскорбленіи начальника въ письмѣ или телеграммѣ.

Военные юристы, однако, доложили, что т. к. телеграмма адресована была третьему лицу, то поступокъ грузина подъ эту статью не подходитъ.

Получилось положеніе довольно запутанное, не лишенное доли комизма, когда какой — то догадливый юристъ предложилъ Стесселю отдать обидчика подъ судъ по обвиненію «въ обнаруженіи военной тайны о недостаткахъ въ крѣпостной оборонѣ».

«Сейчасъ Стессель назначилъ командира стрѣлковой бригады распутывать всю эту исторію», сказалъ мнѣ караульный офицеръ, провожая меня къ выходу изъ гауптвахты.

«Да вотъ, кажется, онъ какъ разъ сюда идетъ».

Навстрѣчу мнѣ шелъ, задумчиво глядя передъ собой, невысокій, довольно плотный, генераль. Въ наружности же его не было ничего яркаго сразу бросающагося въ глаза. Только грустные, въ глубь смотрящіе глаза его обнаруживали большую силу воли и твердый характеръ. Довольно широкая 4-хъ угольная русская борода придавала генералу нѣсколько профессорскій видъ.

Много разъ впослѣдствіи я вспоминалъ объ этой мимолетной встрѣчѣ. Больше мнѣ не пришлось его видѣть.

Имя этого простого скромнаго генерала, благодаря которому оборона Артура стала одной изъ блестящихъ страницъ нашей военной исторіи, не будетъ забыто, пока будетъ жива Россія. Какъ бриллиантъ чистой воды, онъ горѣлъ яркимъ свѣтомъ на темномъ фонѣ тяжелыхъ переживаній 1904 года.

Это былъ Романъ Исидоровичъ Кондратенко.

Нужно ли говорить о томъ, что именно онъ былъ душою обороны Портъ Артура. Случайный разрывъ гранаты въ казематѣ одного изъ фортовъ, гдѣ происходило совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Кондратенки и утрачена была столь драгоценная для нашей родины жизнь. Черезъ нѣсколько недѣль не стало больше и русскаго Портъ Артура.

Въ свое время военный судъ призналъ гене-

рала Стесселя виновнымъ въ самовольной сдачѣ крѣпости неприятелю съ нарушеніемъ соотвѣствующихъ статей законовъ.

Осада Плевны, и осада Портъ Артура. Эти двѣ осады часто сопоставляютъ. Въ обоихъ случаяхъ гарнизономъ была проявлена необычайная доблесть и упорство въ борьбѣ. Иностранные авторитеты ставятъ въ этомъ отношеніи Портъ Артуръ на первое мѣсто, Плевну на второе. Въ обоихъ случаяхъ паденіе крѣпости имѣло вліяніе на весь ходъ послѣдующихъ событій.

Но какая разница въ финалѣ той и другой осады. Намъ приходится сохранять въ памяти оскорбительное для національнаго самолюбія гарцеваніе генерала Стесселя на своемъ конѣ передъ счастливымъ побѣдителемъ генераломъ Ноги и тщетную попытку вручить эту лошадь японскому вождю въ видѣ подарка.

Александръ II самъ пожелалъ пожать руку доблестному защитнику Плевны, Осману, послѣ того какъ тотъ раненый былъ взятъ въ плѣнъ послѣ отчаянной, хотя и безнадежной попытки пробиться сквозь ряды осаждающей русской арміи къ Софіи. По приказанію Государя, Осману были оказаны почести какъ фельдмаршалу. Отъ султана Османъ получилъ титулъ «Гази» что значитъ «непобѣдимый».

Припоминается такой случай во время осады нами Плевны. Послѣ 2-хъ или 3-хъ неудачныхъ

штурмовъ крѣпости кто то въ нашемъ штабѣ предложилъ вмѣсто метода «наступательнаго» попробовать примѣнить методъ «подкупательный». Стали придумывать способъ предложить секретнымъ образомъ Османъ пашѣ нѣкоторую весьма значительную денежную мзду за сдачу намъ Плевны.

Случайно въ дѣйствующей нашей арміи находился одинъ изъ бывшихъ младшихъ секретарей посольства въ Константинополѣ. Онъ поступилъ на военную службу охотникомъ и носилъ нашивки вольноопредѣляющагося. Въ бытность свою въ столицѣ Турціи онъ хорошо изучилъ языкъ страны и имѣлъ случай свести близкое знакомство со многими военными дѣятелями, стоящими сейчасъ во главѣ непріятельскихъ армій, въ томъ числѣ и съ Османъ пашою.

Рѣшено было послать этого молодого человека въ Плевну какъ парламентаря, давъ для вида порученіе уговориться объ уборкѣ мертвыхъ тѣлъ на полѣ битвы. Главною же цѣлью было: добиться свиданія съ Османомъ наединѣ и поговорить съ нимъ интимно. ✓

Турецкому главнокомандующему было доложено, что его знакомецъ, прибывшій какъ парламентарь, хотѣлъ бы ему представиться. Отвѣтъ былъ «Паша очень сожалѣетъ, но принять васъ не можетъ, ибо главнокомандующій по своему положенію не можетъ вступать въ переговоры съ простымъ «чаушемъ» (унтеръ офицеромъ).

Съ тѣмъ же порученіемъ тогда поѣхалъ штабъ офицеръ. Паша его принялъ, но какъ. Онъ собралъ полный составъ крѣпостного военнаго совѣта въ лицѣ пашей, его помощниковъ и въ присутствіи всей этой компаніи предложилъ парламентару вопросъ «Что вамъ угодно». Посланному ничего не оставалось больше дѣлать какъ перейти къ вопросу объ уборкѣ тѣлъ и затѣмъ раскланяться. Таковъ былъ защитникъ Плевны Османъ паша.

Въ Портъ Артуръ въ послѣдніе его дни, когда въ рукахъ Ноги оказались такія господствующія надъ городомъ высоты какъ Орлиное Гнѣздо, держаться было, конечно, очень трудно. Но не надо забывать, что каждый день задержки осаждающей японской арміи у Портъ Артура означалъ усиленіе нашей Манджурской арміи новыми свѣжими подходящими изъ Россіи батальонами. У японцевъ подобнаго притока подкрѣпленій въ это время не было.

Задержись армія генерала Ноги на Квантунѣ всего на 4 — 5 недѣль и бои подъ Мукденомъ, если бы они и начались въ Февралѣ, протекли бы безъ участія этой арміи, сыгравшей, какъ извѣстно, роковую и рѣшающую роль во время этихъ сраженій.

Извѣстный писатель и авторитетъ по военнымъ вопросамъ генералъ лейтенантъ Баронъ Будбергъ въ такихъ выраженіяхъ отзывается о генералѣ Стесселѣ:

«На должность коменданта крѣпости былъ назначенъ генералъ Стессель ни по подготовкѣ, ни по характеру совершенно не соотвѣтствовавшій этой должности и не способный къ выполнению тѣхъ большихъ обязанностей, которыя лежать на комендантѣ крѣпости даже въ мирное время».

{

2

/

Въ ставку Куропаткина.

Въ тяжелый 1904 годъ — годъ войны съ Япо-
ніей, зима наступила во Владивостокѣ въ началѣ
декабря. Заливъ Золотой Рогъ началъ замерзать со
стороны Гнилого Угла и стоявшіе на швартовахъ
близь набережной Военнаго порта крейсера «Рос-
сія» и «Громобой», на первомъ изъ которыхъ слу-
жилъ тогда пишуцій эти строки, по утрамъ ока-
зывались окруженными мелкимъ разбитымъ
льдомъ.

На крейсерахъ оканчивались исправленія по-
врежденій, полученныхъ въ бою 1 августа со
много разъ превышающимъ въ силахъ противни-
комъ. Въ концѣ декабря предполагались выходы
въ море для пробы вновь установленной усилен-
ной артиллеріи. Мечты офицерства на крейсерахъ
о возобновеніи походовъ къ вражескимъ берегамъ
казались близкими къ осуществленію.

— Васъ требуютъ въ Женскую гимназію, —
сказали мнѣ какъ то утромъ.

«Женская гимназія» на морскомъ жаргонѣ
того времени обозначала: «Штабъ командующаго
морскими силами въ Тихомъ океанѣ вице-адмирала
Скрыдлова». Прозваніе это штабъ получилъ, занявъ
реквизиціоннымъ порядкомъ вновь отстроенное зда-

ніе, на фронтѣ котораго красовалась надпись «Женская гимназія».

Чрезвычайно маленькаго роста, «карманный», какъ его называли, начальникъ штаба капитанъ 1 ранга С. былъ очень популяренъ среди нашего офицерства. По его службѣ въ штабахъ Тихоокеанской эскадры мы хорошо знали, что онъ неизмѣнно терпѣливо и внимательно выслушиваетъ каждого изъ насъ, маленькихъ людей, и всегда готовъ сдѣлать все отъ него зависящее для нашего благополучія.

— Завтра съ поѣздомъ въ 8 утра вамъ придется ѣхать въ Мукденъ, въ ставку главнокомандующаго, — сказалъ мнѣ С. — Тамъ требуется специалистъ по беспроволочному телеграфу и выборъ начальства остановился на васъ.

У меня въ головѣ сразу же мелькнула мысль «Уйдетъ мой крейсеръ къ берегамъ Японіи безъ меня и останусь я какъ ракъ на мели, шатаюсь по штабамъ и тыламъ арміи».

Я поэтому началъ пространный докладъ о томъ, что во Владивостокѣ есть минные офицеры кромѣ меня и что каждый изъ нихъ можетъ быть названъ лучшимъ, чѣмъ я, экспертомъ въ дѣлѣ радіо-телеграфіи. С. слушалъ меня съ любезной улыбкой, не прерывая моихъ разглагольствованій. Когда я кончилъ, мнѣ казалось, что я уговорилъ его измѣнить свое рѣшеніе.

Но онъ только еще разъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Такъ вотъ: не опоздайте. Помните поѣздъ уходитъ ровно въ 8 часовъ. Желаю вамъ полного успѣха.

Вагонъ прямого сообщенія Владивостокъ — Харбинъ не былъ переполненъ пассажирами. Все, казалось, было такъ, какъ и въ мирное время. Даже вагонъ-ресторанъ былъ прицѣпленъ къ поѣзду.

Послѣ Никольска-Уссурийскаго въ окнахъ вагона замелькали привѣтливые виды Сѣверной Маньчжуріи. Поросшіе лѣсомъ пригорки, уютныя рѣчныя долины такъ и манили пройти по нимъ съ ружьемъ-дробовикомъ за фазанами.

Въ Харбинѣ новый каменный вокзалъ былъ только что законченъ постройкой, но пока пользовались старымъ временнымъ зданіемъ. Залъ 3 класса былъ наполненъ нижними чинами, расположившимися на полу для отдыха. На буфетѣ I класса была надпись: «Продажа водки воспрещена распоряженіемъ военныхъ властей». Поэтому офицерство, котораго было довольно много на вокзалѣ, пило вмѣсто водки коньяк.

Особенностью военнаго времени было разнообразіе и разнокалиберность тѣхъ формъ, въ которыхъ шеголяло офицерство. Казалось, всякія правила о формѣ одежды съ началомъ войны потеряли свою силу. Тутъ были и мундиры, и сюртуки, и тужурки. Были «защитныя» рубашки всевозможныхъ оттѣнковъ. Были кожаныя куртки

и вошедшія недавно въ моду «куртки автрійскаго образца», никакими правилами не предусмотрѣныя.

Пальто были и сѣрыя обычнаго фасона, и сшитыя изъ солдатскаго сукна, двубортныя и однобортныя, съ пуговицами и съ застежками на крючкахъ. Были всякихъ видовъ и цвѣтовъ полушубки. Кое-кто шеголялъ въ кавказскихъ буркахъ.

Головные уборы тоже поражали своимъ разнообразіемъ. Были и фуражки цвѣтнаго сукна, какъ носили въ мирное время, были и защитнаго цвѣта. Папахи были и мохнатыя, какъ у сибирскихъ частей, и барашковыя, на манеръ донскихъ казачьихъ.

Казалось, во всей массѣ офицеровъ, сновавшихъ по вокзалу, не было двухъ совершенно одинаково одѣтыхъ.

Утромъ на слѣдующій день я отбылъ изъ Харбина въ Мукденъ на поѣздѣ съ маршевымъ батальономъ.

— Мы всѣ здѣсь собраны изъ разныхъ частей арміи и изъ разныхъ городовъ, — сообщилъ мнѣ одинъ изъ моихъ спутниковъ, офицеровъ батальона. — Набрали насъ, можно сказать, събору по сосенки. Солдаты наши тоже, всѣ запасные, изъ разныхъ мѣстъ, все больше изъ фабричныхъ районовъ. Съ ними нужна спеціальная сноровка: наши ротные командиры въ вагоны къ

своимъ людямъ избѣгаютъ ходить. Никому не хочется имѣть недоразумѣнія и непріятности. Мы ждемъ не дождемся, когда доведем эту плохо дисциплинированную и распущенную команду до Мукдена. Тамъ нашъ батальонъ расформируютъ: и мы и наши люди распределены будемъ по разнымъ частямъ къ большой нашей радости.

О своемъ пребываніи въ Харбинѣ мои спутники рассказали мнѣ слѣдующее: «Много какого-то подозрительнаго элемента въ офицерской формѣ шатается по вертепамъ города. Настоящіе ли это офицеры, скрывающіея въ тылу и нежелающіе ѣхать на фронтъ, или просто проходимцы, вырядившіеся въ военную форму — никто не можетъ сказать. Комендатурѣ приходится дѣлать облавы на такихъ господъ и излавливать ихъ десятками».

На большой станціи Куанченцзы поѣздъ стоялъ довольно долго. Прозвучалъ третій звонокъ и поѣздъ былъ готовъ тронуться въ дальнѣйшій путь, когда снаружи вагона послышался властный и громкій голосъ коменданта станціи, штаб-офицера:

— Я васъ покорнѣйше прошу, г. поручикъ сейчасъ же войти въ этотъ вагонъ. Если вам не угодно будетъ это сдѣлать, я вынужденъ буду посадить васъ силой...

Въ отвѣтъ на эту рѣчь слышалось какое-то недовольное, невнятное, пьяное бормотанье.

Офицерство въ нашемъ вагонѣ въ это время, собравшись дружнымъ кружкомъ, завтракало. На откидномъ стѣнномъ столикѣ подѣ окномъ стояла небольшая бутылка водки и два стаканчика. Услышавъ, что снаружи происходитъ какое-то недоразумѣніе, одинъ изъ присутствующихъ быстрымъ движеніемъ снялъ бутылку съ рюмками со столика и спряталъ подѣ скамейку.

Въ дверяхъ вагона показалась довольно высокая фигура въ офицерскомъ пальто нараспашку съ помятой и распухшей отъ алкоголя физиономіей. Вошедшій радостно улыбался, увидя нашу группу и указавъ пальцемъ на столикъ около окна, произнесъ:

— А вѣдь на этомъ столикѣ только что стояла бутылка водки...

Всѣ мы невольно расхохотались. Вновь прибывшій неожиданно оказался тонкимъ психологомъ. Дѣйствительно пустой столикъ, около котораго сгруппировалось офицерство, выглядѣлъ явленіемъ подозрительнымъ.

Выпивъ стаканчикъ или два, поручикъ забрался на верхнюю койку и мирно заснулъ. Но только что поѣздъ уменьшилъ ходъ и застучалъ колесами по стрѣлкамъ, подходя къ слѣдующей станціи, какъ нашъ спутникъ проснулся, кивнулъ намъ головой и заторопился вонъ изъ вагона продолжать свое путешествіе по станціоннымъ буфетамъ.

Ближе къ Мукдену мѣстность приняла гладкій степной характеръ. Невольно думалось: «Будь непріятель богатъ кавалеріей — какое бы ему раздолье было гулять по этимъ необозримымъ равнинамъ у насъ въ тылу». Морозъ здѣсь доходилъ градусовъ до 20 Реомюра при безвѣтріи и яркомъ солнцѣ. Земля смерзлась и была тверда какъ камень. Въ окно вагона по временамъ видны были большіе гурты рогатаго скота, которыхъ куда-то гнали вооруженные винтовками солдаты, одѣтые въ полушубки «сокращеннаго образца» — безъ рукавовъ.

Въ поѣздъ къ намъ сѣло нѣсколько офицеровъ, бывшихъ въ бою на фронтѣ съ самага начала военныхъ дѣйствій. Они торопились вернуться въ свои полки изъ госпиталей, гдѣ лечились отъ раненій. Большинство изъ нихъ вѣхало съ повязками еще не снятыми. Нѣкоторые успѣли быть за войну ранеными три и четыре раза.

Повидавъ ихъ, мы какъ бы сразу приблизились къ фронту, самоотверженно сражающемуся за честь родины. Постепенно стали блекнуть и исчезать изъ нашей памяти неприглядныя картины глубокаго тыла арміи.

Они рассказывали намъ о томъ, какъ тѣснымъ строемъ, все время чувствуя сосѣда локтемъ, шли наши молодцы стрѣлки среди непроглядной ночной тьмы штурмовать занятую врагомъ сопку. Главная забота каждаго изъ нихъ была, чтобы не

оторваться отъ своего офицера до момента штыкового удара.

Раненые офицеры говорили намъ о томъ, какъ побѣдоносно шелестили, развѣваясь на вѣтру, полковыя знамена, когда къ утру послѣдняя контр-атака непріятели была отражена и вершина сопки закрѣплена за нами. Можно было подойти и рукой потрогать замолчавшія, захваченныя нами, японскія орудія — наши трофеи.

Изъ Мукдена, не задерживаясь, я направился на небольшомъ поѣздѣ въ одинъ или два вагона, шедшемъ по специально построенной вѣткѣ въ Чаньсямутунъ, гдѣ была ставка главнокомандующаго.

Чаньсямутунъ — китайская деревня, домовъ въ 20. Жители изъ нея были выселены, глинобитныя фанзы и жмыховые заводы были заботливой рукой выбѣлены известкой и обшиты внутри чистыми циновками. На каждомъ домѣ была вывѣска, указывающая, какая часть штаба тамъ помѣщается. Зданія отапливались керосиновыми грѣлками. Все выглядѣло очень чисто и опрятно, совсѣмъ не похоже на обычную китайскую деревню. Чувствовалось, что чей-то опытный хозяйскій глазъ за всѣмъ смотритъ.

На запасныхъ путяхъ на окраинѣ деревни стояло два ряда пульмановскихъ вагоновъ. Въ одномъ изъ нихъ помѣщался самъ главнокомандующій. Рядомъ съ нимъ былъ вагонъ-столовая. Въ поѣздахъ помѣщались высшіе чины штаба.

Съ перваго взгляда я не узналъ капитана 2 ранга А. И. Русина, бывшаго до разрыва сношеній съ Японіей военно-морскимъ агентомъ въ Токио и очень популярнаго въ морскихъ кругахъ. Въ мохнатой сибирской папахѣ и полушубкѣ при шашкѣ сухопутнаго образца на черезплечной портупеѣ и въ бурочныхъ сапогахъ онъ выглядѣлъ настоящимъ армейскимъ подполковникомъ. Въ его вѣдѣніи былъ морской отдѣлъ штаба Куропаткина.

А. И. передалъ мнѣ приглашеніе главнокомандующаго въ 6 часовъ вечера представиться ему въ вагонѣ-ресторанѣ и впредь во все время пребыванія моего въ ставкѣ столоваться у него.

Куропаткинъ, плотный, средняго роста, съ нѣсколько усталымъ и грустнымъ выраженіемъ лица, былъ въ просторной двухбортной сѣрой тужуркѣ съ красными отворотами. Меня поразило, сколько сѣдины прибавилось въ прядяхъ его волосъ и въ бородѣ съ тѣхъ поръ, какъ я видалъ его въ послѣдній разъ полгода назадъ, когда онъ дѣлалъ въ Инкоу смотръ 9-ой В. Сиб. стрѣлковой дивизіи.

Выслушавъ установленную на такіе случаи фразу о моей явкѣ въ его распоряженіе, генераль тотчасъ же перешелъ на тонъ гостепріимнаго хозяина, радующагося прибытію гостя:

— Ну, вотъ и отлично, — сказалъ онъ. — А мы васъ тутъ поджидали съ генераломъ Величко.

Вы къ нему завтра явитесь и онъ вамъ расскажетъ: чѣмъ вы можете намъ помочь.

Въ вагонѣ-ресторанѣ было свѣтло и уютно. Можно было забыть, что находишься въ глухой китайской деревушкѣ въ глубинѣ Маньчжуріи. Столъ былъ приготовленный хорошимъ поваромъ, но очень простой. Напримѣръ, однимъ изъ блюдъ была гаоляновая каша. Въ гостяхъ у Куропаткина всегда было довольно много офицеровъ и заслуженныхъ, и молодых, прибывшихъ въ ставку по службѣ съ различныхъ частей фронта. Всѣхъ ихъ главнокомандующій неизмѣнно приглашалъ къ своему столу и со всѣми былъ одинаково привѣтливъ и любезенъ.

Самъ Куропаткинъ сидѣлъ на председательскомъ мѣстѣ за особымъ столомъ въ концѣ вагона вмѣстѣ со старшими изъ присутствующихъ. Тамъ же находился начальникъ его штаба, съ виду очень нервный и болѣзненный, генераль Сахаровъ. За однимъ изъ обѣдовъ Сахаровъ шутя вспоминалъ объ извѣстной остротѣ Драгомирова «Куропатка съ сахаромъ — блюдо не особенно вкусное».

При встрѣчахъ въ вагонѣ-столовой Куропаткинъ держался безъ всякаго наружнаго величія. Можно было подумать, что находишься не въ ставкѣ главнокомандующаго, а въ гостяхъ у хлѣбосольнаго помѣщика.

Величко — молодой худощавый блондинъ съ

подстриженными ежикомъ волосами былъ недавно произведенъ въ генераль-майоры и занималъ должность главнаго инженера маньчжурской арміи. Несмотря на свою молодость, онъ успѣлъ уже получить широкую извѣстность, какъ выдающійся ученый и какъ талантливый строитель фортификаціонныхъ сооружений. Его созданіемъ были форты въ Портъ-Артурѣ, при штурмѣ которыхъ таяли какъ воскъ одна за другой японскія дивизіи, истекая кровью.

Судьба готовила трагическій конецъ этому даровитому ученому инженеру:

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ волна негодованія охватила все русское Зарубежье, найдя свой откликъ и въ чужеземной прессѣ, когда большевики звѣрски умучили цѣлый рядъ ни въ чемъ не повинныхъ людей науки. Въ списокъ ихъ значилось одно хорошо знакомое имя: профессоръ Величко.

Въ тѣ времена, о которыхъ я рассказываю (декабрь 1904 года) искровой телеграфъ переживалъ еще періодъ своего ранняго младенчества. Сейчасъ такъ легко кажется простымъ поворотомъ ручки радіо-приемника настроить аппаратъ на желаемую волну. Тогда ничего подобнаго еще не было. Тѣ станціи, которыя были въ нашемъ распоряженіи на театрѣ военныхъ дѣйствій, русскаго и нѣмецкаго издѣлія, были устроены такимъ образомъ, что на ленту приемника все время лѣзло совсѣмъ намъ не нужное японское шифрованное телегра-

фированіе. Непрiятельскія станціи, а ихъ было много, работали круглыя сутки и мы оказывались не въ состояніи проталкивать наши депеши черезъ эту толщу вражескихъ переговоровъ. Своимъ телеграфированіемъ мы въ лучшемъ случаѣ могли только мѣшать японцамъ въ ихъ передачахъ.

— Намъ срочно нужны искровыя полевыя станціи для штабовъ всѣхъ армій, корпусовъ и дивизій, — сказалъ мнѣ Величко, когда я къ нему явился. — Вы должны намъ сообщить, какой системы должны быть эти станціи, гдѣ и у кого мы ихъ можемъ заказать. Въ деньгахъ у насъ недостатка нѣтъ. Нуженъ милліонъ — будетъ милліонъ, нужно два — будетъ и два».

Я нѣсколько опѣшилъ:

— Ваше превосходительство, какъ же я могу взять на себя рѣшеніе такого капитальнаго вопроса. Вѣдь я не болѣе, какъ судовой минный офицеръ, имѣвшій практику только съ тѣми станціями, какія были у насъ на эскадрѣ. Эти станціи для васъ не годятся. Онѣ не въ состояніи были работать, когда воздухъ наполненъ японскимъ телеграфированіемъ. Быть можетъ, въ вашемъ собственномъ вѣдомствѣ есть учрежденія высококомпетентныя, которыя гораздо лучше меня смогутъ отвѣтить на вашъ вопросъ. Напримѣръ, главное инженерное управленіе...

— Пожалуйста, не говорите мнѣ ни слова объ этомъ нашемъ управленіи.

Я попытался было доложить генералу о томъ, что военно-электротехническая школа, вѣроятно, обладаетъ всѣми нужными ему свѣдѣніями. Въ военномъ вѣдомствѣ вѣдь имѣлась прекрасно работавшая станція: Петербургъ — Нарва. Но отвѣтомъ на это было:

— Не говорите мнѣ, ради Бога, объ этой школѣ и объ этой станціи.

Видимо, напоминаніе о нихъ было, почему-то, непріятно моему собесѣднику.

Положеніе для меня сложилось очень трудное. Въ этотъ моментъ я вспомнилъ, что дня за два до моего отъѣзда изъ Владивостока мнѣ совершенно случайно попалась на глаза замѣтка въ одномъ ежемѣсячномъ журналѣ. Въ ней рассказывалось о послѣднихъ опытахъ извѣстнаго англійца Маркони. Съ присущимъ ему умѣніемъ пользоваться рекламой, изобрѣтатель собралъ въ Полдюю въ Англійи репортеровъ газетъ и демонстрировалъ имъ невиданную до этого вещь: двѣ рядомъ стоящія станціи были урегулированы имъ такимъ образомъ на волны разной длины, что онѣ сносились одновременно съ двумя другими дальними станціями и одна другой не мѣшали.

Въ то время я отнесся к этой замѣткѣ, какъ ко всякой привлекавшей на моментъ мое вниманіе газетной статьѣ, и почти забылъ о ней, но тутъ во время моего доклада генералу Величко, я невольно подумалъ: если Маркони могъ продѣлать

такой опытъ, то, быть можетъ, пользуясь его станціями, и мы сможемъ изолировать наше телеграфированіе отъ японскаго.

Величко, повидимому, очень обрадовался, когда я доложилъ ему обо всемъ этомъ.

— Донесите мнѣ об опытахъ Маркони рапортомъ, — сказалъ онъ.

Дни моего пребыванія въ ставкѣ были временемъ сильнаго нервнаго напряженія и тяжелой тревоги для всѣхъ насъ: началась агонія Портъ-Артура. Японцы, захлебываясь отъ радости, извѣщали весь міръ телеграммами о томъ, какъ одинъ за другимъ тонули въ гавани осажденной крѣпости корабли нашей эскадры, и о томъ, какъ очень важные участки оборонительной линіи Портъ-Артура попадали въ ихъ руки.

На фронтѣ маньчжурскихъ армій еще длилось затишье, установившееся послѣ октябрьскихъ боевъ на Шахэ. Война временно приняла характеръ позиціонной. Изрѣдка въ ставку доносился глухой гулъ тяжелыхъ орудій изъ района Путиловской сопки. Шло сосредоточеніе кавалерійскихъ частей на нашемъ правомъ флангѣ: готовился набѣгъ генерала Мищенко на Инкоу. Объ этомъ предполагаемомъ набѣгѣ въ ставкѣ велись разговоры безъ особаго соблюденія тайны и секретности предпріятія, что меня нѣсколько удивляло.

Выполнивъ приказаніе генерала Величко и

подавши ему рапортъ, я сталъ мечтать о возвращеніи на свой крейсеръ, но когда я завелъ разговоръ объ этомъ, то получилъ въ отвѣтъ:

— Нѣтъ, уж вы, пожалуйста, здѣсь останьтесь. Придутъ искровыя станціи, — вы и будете этимъ дѣломъ завѣдывать.

Выручилъ меня добрѣйшій А. И. Русинъ. Онъ самъ долгіе годы плавалъ на нашей «Россіи» съ самой ея постройки. Былъ на ней и старшимъ артиллеристомъ и старшимъ офицеромъ. Онъ понялъ мое стремленіе вернуться на свой корабль, хлопоталъ за меня и смогъ черезъ недѣлю сообщить мнѣ радостное извѣстіе:

— Можете завтра ѣхать во Владивостокъ.

Тѣ свѣдѣнія, которыя я сообщилъ генералу Величко, представлялись мнѣ, конечно, совершенно недостаточными для того, чтобы, основываясь на нихъ, дѣлать какіе-либо заказы фирмамъ, и я очень сожалѣлъ о томъ, что моя командировка принесла такъ мало пользы нашимъ арміямъ.

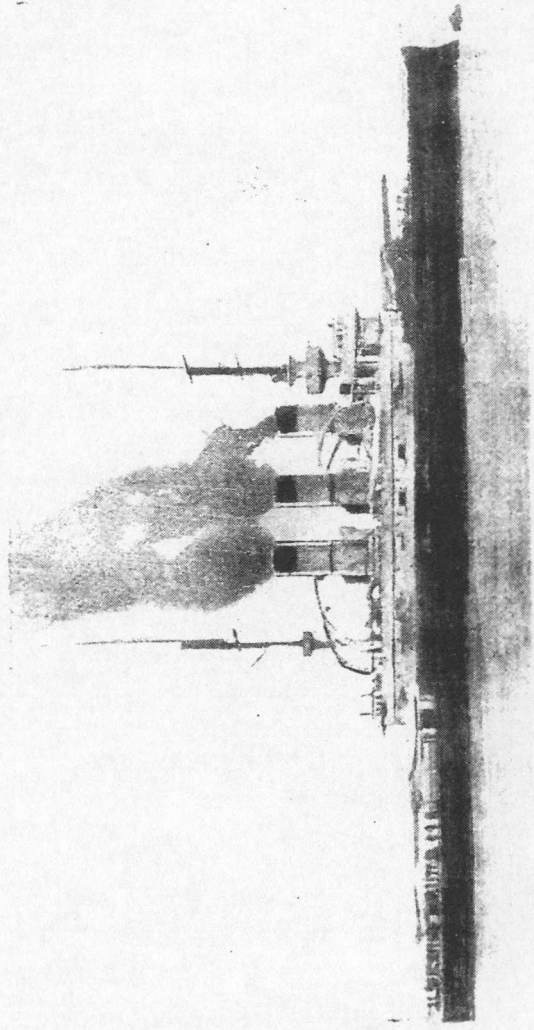
Поэтому я немало былъ удивленъ, когда мѣсяца черезъ полтора или черезъ два искровая станція военнаго вѣдомства во Владивостокѣ получила новый аппаратъ и онъ былъ системы Маркони. Станція эта, къ моему большому удовольствію, дѣйствовала съ тѣхъ поръ на гораздо большія разстоянія, чѣмъ раньше.

Одновременно были свѣдѣнія и изъ маньчжурскихъ армій: и туда стали получаться стан-

ціи той же фирмы. Похоже на то, что она выполняла довольно большой заказъ.

Мои соплаватели на «Россіи» возрадовались случаю подшутить надо мною:

— Маху ты далъ большого, — говорили они мнѣ. — Надо было тебѣ комиссію порядочную получить съ Маркони за то, что ты его такъ удачно рекламировалъ.

Броненосецъ Князь Потемкинъ-Таврической.

Въ дни Цусимы.

Обочины холмовъ, которые цѣлой грядой вздымаются надъ городомъ Владивостокомъ, стали покрываться бархатистымъ ковромъ свѣжей травки. Стояла лучшая пора весны съ непрерывнымъ рядомъ ясныхъ солнечныхъ дней. Еще лѣтніе густые туманы не начали напоздать на городскія улицы изъ расщелины т. наз. «Гнилого Угла».

Шелъ второй годъ войны съ Японіей. По внѣшности Владивостокъ жилъ обычной мирной жизнью. Ярко горѣли электрическіе огни по вечерамъ на недавно вымощенной и обстроенной каменными домами главной артеріи столицы Приморья: Свѣтланской улицѣ. Но, зайдя въ одинъ изъ большихъ универсальныхъ магазиновъ Кунстъ Альберса или Чурина, обыватель могъ сразу же убѣдиться, что идетъ война. Пустуюющія полки, нехватка товару и возвышенныя цѣны на все показывали, что морской подвозъ черезъ Цусимскій и Сангарскій проливы прекратился, а съ сухопутья доставки нѣтъ, ибо однокорейная Сибирская жел. дорога завалена казенными грузами и занята спѣшными воинскими перевозками.

Въ началѣ мая на рейдѣ, въ Золотомъ Рогѣ, стоялъ изъ боевыхъ судовъ флота только крей-

серъ «Россія» подъ флагомъ начальника отряда крейсеровъ свиты Его Величества контр-адмирала Карла Петровича Иессена. Пишущій эти строки былъ тогда на этомъ крейсере въ чинѣ лейтенанта и въ обязанности и. д. старшаго офицера. Остальные 2 крейсера «Громобой» и «Богатырь» были въ ремонтѣ. Первый въ самомъ началѣ мая наскочилъ на японскую мину въ заливѣ Петра Великаго и чинился въ сухомъ докѣ, а «Богатырь» все еще не былъ исправленъ, послѣ полученныхъ имъ лѣтомъ прошлаго года поврежденій, когда онъ въ густой туманъ выскочилъ на камни у мыса Гамова.

Эскадра Рождественскаго была въ это время у береговъ Индо-Китая. На «Россіи» всѣ съ нетерпѣніемъ ждали ея приближенія. Въ каютъ-компани всѣ жадно, затаивъ дыханіе, слушали, когда лейтенантъ Егорьевъ читалъ вслухъ письма, получаемыя имъ отъ отца, командовавшаго однимъ изъ судовъ этой эскадры. Вся эпопея этого небывалаго въ исторіи флотовъ похода развертывалась передъ нами. Заграничные морскіе авторитеты въ одинъ голосъ признали предпріятіе не выполнимымъ, когда Рождественскій вышелъ изъ Либавы. Имъ казалось, что тѣ невѣроятныя затрудненія, которыя онъ встрѣтитъ, заставятъ его съ полъ-пути вернуться. Но онъ уже почти дошелъ до своей цѣли. У насъ шли споры о томъ, что онъ будетъ дѣлать, подойдя къ Японіи. Высказывалось мнѣніе, что въ Японское море онъ

врядъ ли будетъ входить, а вмѣсто этого займетъ принадлежащіе непріятелю Бонинскіе острова (Бонинъ Сима) и базируясь на нихъ, прерветъ сообщенія Японіи съ Америкой, чѣмъ вынудитъ Того принять бой не у своихъ береговъ, на заранѣе заготовленныхъ позиціяхъ, а на просторѣ Тихаго океана, т. е. въ условіяхъ болѣе или менѣе равныхъ.

Владивостокскіе крейсера за годъ войны уже имѣли случай помѣряться съ врагомъ своими силами. «Россія» съ «Громобоемъ» выдержали 1 августа (ст. ст.) 1904 года бой с 4-мя японскими крейсерами, каждый изъ которыхъ былъ и по артиллеріи и по броневой защитѣ сильнѣе каждаго изъ нашихъ крейсеровъ. Бой этотъ кончился тѣмъ, что непріятель уклонился отъ дальнѣйшей схватки съ такимъ, казалось бы, слабымъ противникомъ, внезапно повернулъ и направился къ себѣ домой.

Такіе моменты, когда врагъ показываетъ вамъ свою спину, не забываются. Настроеніе на «Россіи» было самое приподнятое. Расчитывали, что съ приходомъ Рождественскаго наступитъ переломъ въ ходѣ военныхъ дѣйствій. Надѣялись вскорѣ оказаться въ числѣ крейсеровъ, блокирующихъ берега непріятельскіе.

На «Россіи» за зиму удалось произвести большія работы по усиленію артиллеріи, увеличенію броневой защиты и пр. Все было, сдѣлано на основаніи боевого опыта. Серебряные георгиевскіе

кресты на груди у болѣе, чѣмъ 300 человекъ команды и бѣлые крестики на груди у офицеровъ напоминали о рядѣ прошлыхъ походовъ «Россіи», потопленіи вражескихъ транспортовъ съ войсками и уничтоженіи цѣлаго осаднаго артиллерійскаго парка, отправленнаго для обстрѣла Портъ-Артура.

14 мая (ст. ст.) была божественная служба на «Россіи». Адмиралъ поздравилъ офицеровъ и команду со днемъ Св. Коронованія Ихъ И. В. Согласно морской традиціи адмиралъ принялъ приглашеніе къ завтраку въ каютъ-компаніи.

Я помню этотъ день, какъ будто вчера все это происходило. Въ концѣ завтрака, по обычаю, поставили на столъ зажженные свѣчи и К. П. Иссенъ далъ сигналъ «курить». Адмиралъ былъ въ этотъ день задумчивъ и, видимо, чѣмъ-то озабоченъ. Увеличившаяся сѣдина у него на вискахъ показывала, что не мало тревогъ и заботъ было за годъ командованія нашимъ отрядомъ. На груди его виднѣлся бѣлый крестикъ, орденъ храбрыхъ. На отрядѣ Карла Петровича называли «Каря Смѣлый», оцѣнивая его всегдашнюю готовность идти съ крейсерами навстрѣчу опасности. Лѣтомъ 1904 года онъ привелъ всю Японію въ волненіе, появившись съ отрядомъ у входа въ Токійскую бухту. Столица Японіи пережила тогда нѣсколько очень тревожныхъ дней. Были даже мѣстами народныя волненія и уличные беспорядки. Толпа выбила камнями стекла въ домѣ адмирала

Камимуры, начальника отряда судовъ, дѣйствовавшихъ противъ нашихъ крейсеровъ.

Иессенъ, фигурально выражаясь, «прибилъ свой щитъ» къ вратамъ вражеской столицы.

Нервнымъ движеніемъ сухой, жилистой руки, адмиралъ поправилъ свой золотой свитскій аксельбантъ и закурилъ папиросу.

— Ваше пр—во, — спросилъ его кто-то. — А что обозначаетъ этотъ внезапный приходъ транспортовъ Рождественскаго въ Шанхай, о которомъ сообщали сегодняшнія телеграммы въ газетахъ. Какъ будто бы онъ что-то предпринимаетъ».

— Я знаю ровно столько же, сколько и вы, — сказала Иессенъ. — Только на дняхъ я телеграфировалъ Зиновію Петровичу, что готовъ каждую минуту выйти съ «Россіей» къ нему навстрѣчу, если онъ прикажетъ, но ни слова отъ него не получилъ. Вообще ни на одну изъ моихъ телеграммъ за послѣдніе мѣсяцы отвѣта отъ него не было.

15 мая прошло безъ особыхъ событій. На крейсере, какъ всегда, шли занятія и ученья. Но 16 или 17 мая разсылный изъ радіо-каюты прибѣжалъ запыхавшись:

— Ваше скродіе. «Алмазъ» насъ вызываетъ.

Въ маленькомъ и тѣсномъ помѣщеніи радіостанціи подъ броневой палубой старшій телеграфистъ съ телефонными наушниками напряженно слушалъ и что-то записывалъ карандашомъ.

«Алмазь» легкій небронированный крейсеръ, строившійся какъ яхта для намѣстника на Дальнемъ Востокѣ, состоялъ въ эскадрѣ Рождественскаго. Что же это значитъ? Какъ будто эскадра вошла въ Японское море и ея передовой развѣдчикъ насъ вызываетъ.

Но вотъ началъ выстукивать и аппаратъ Морзе — знакъ, что вызывающая насъ станція находится всего въ 25—30 миляхъ. Адмиралъ Рождественскій, оберегая тайность всѣхъ своихъ передвиженій, не сообщилъ намъ во Владивостокъ своего секретнаго кода. «Алмазь» поэтому передовалъ попросту «клеромъ», т. е. безъ всякой шифровки.

— Нужно провѣрить: правда ли это «Алмазь», — сказалъ командиръ. — А вдругъ это японцы насъ вызываютъ на откровенности.

— Какъ имя и отчество вашего старшаго артиллерійскаго офицера? — спросили мы.

Всѣ мы невольно притихли и призадумались, когда прочитали отвѣтъ:

— Павелъ Павловичъ Мочалинъ, онъ убитъ въ бою третьяго дня.

Стало ясно, что совершилось что-то крупное, рѣшающее.

Когда «Алмазь» вошелъ на рейдъ мы узнали отъ его командира И. И. Чагина и офицеровъ подробности первой фазы боя, гибели «Осляби», тя-

желаго положенія 4-хъ броненосцевъ типа «Суворовъ».

— Мы видѣли, какъ два изъ нихъ вышли изъ строя, что дальше съ ними было — неизвѣстно.

— Ну, а японцы какъ же. Были ли у нихъ потери?

На этотъ вопросъ точнаго отвѣта никто не могъ намъ дать. Высказывалось только предположеніе, что и они не могли обойтись безъ потерь.

«Алмазъ» шелъ во Владивостокъ, придерживаясь къ Корейскому берегу. Японцы не могли ожидать, что какой-либо русскій корабль избретъ такой путь. Этимъ, вѣроятно, и объясняется, что онъ проскочилъ благополучно черезъ кольцо японской блокады.

— Только былъ бы живъ Рожественскій, — говорили намъ офицеры «Алмаза». — Если только половина эскадры до Владивостока дойдетъ — онъ и съ нею сумѣетъ чудеса показать.

Подобно «Алмазу» съ моря пришли еще два миноносца эскадры Рожественскаго «Грозный» и «Бравый». Первый изъ нихъ шелъ одно время вмѣстѣ съ «Бѣдовымъ», на которомъ былъ самъ адмиралъ. Произошелъ бой съ 2-мя японскими миноносцами. На «Грозномъ» былъ тяжело раненъ командиръ, но онъ своимъ огнемъ заставилъ гнавшагося за нимъ противника, отстать.

По словамъ офицеровъ «Грознаго», «Бѣдовый» велъ себя какъ-то странно, ходу не прибавилъ и остался сзади вдвоемъ съ японскимъ миноносцемъ. Это ихъ несказанно удивило, но никакихъ предположеній по этому поводу они не рѣшались дѣлать. Казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобы онъ могъ сдаться и сдать Рождественскаго въ плѣнъ.

— Сниматься съ якоря, — было приказано «Россіи» и мы вышли въ море на выручку «Изумруда». Нашъ наблюдательный пунктъ на одномъ изъ восточныхъ мысовъ донесъ, что этотъ крейсеръ прошелъ на сѣверъ къ заливу Св. Владиміра. Предполагалось, что у него можетъ быть нехватка угля. Поэтому къ себѣ на палубу мы наскоро взяли угля въ мѣшкахъ для болѣе удобной перегрузки.

Но мы дошли только до острова Аскольдъ, когда по радіо намъ сообщили, что «Изумрудъ», входя въ темнотѣ въ бухту Св. Владиміра, выскочилъ на камни и взорванъ, чтобы не доставался непріятелю.

Возвращаясь во Владивостокъ, «Россія» прошла въ 3-хъ или 4-хъ футахъ отъ непріятельской мины загражденія. Счастливая звѣзда нашего крейсера и тутъ себя оправдала. Какъ будто Неземная Сила постоянно охраняла корабль, носящій великое и отвѣтственное имя «Россія».

Мы съ нетерпѣніемъ ждали подхода осталь-

ныхъ судовъ эскадры Рожественскаго. Съ палубы нашего крейсера не было видно открытаго моря во время стоянки въ Золотомъ Рогѣ. Поэтому вдвоемъ съ однимъ изъ соплавателей, мичманомъ кн. Щербатовымъ я отправился на т.-наз. Итальянскій берегъ, гдѣ неподалеку была высокая сопка. Торопясь и перепрыгивая черезъ кусты, мы добрались до гладкой вершины горы. Передъ нами за темнымъ силуэтомъ Русскаго острова развернулась панорама морского подхода къ Владивостоку. Спокойныя воды, какъ въ зеркалѣ, отражали въ себѣ прозрачную синеву безоблачнаго неба. Вся ширь моря была видна, какъ на ладони.

— Вонъ дымокъ видно, — радостно воскликнулъ пылкій и порывистый Щербатовъ. Наши два бинокля начали тщательно ощупывать длинную линію горизонта. Нѣтъ, это просто небольшое облачко, которое на нашихъ глазахъ таетъ.

— Вонъ тамъ еще что то видно, — говоритъ мой спутникъ. Но и это пятно оказывается миражемъ.

Намъ казалось невозможнымъ, невѣроятнымъ, что изъ всѣхъ 36 вымпеловъ нашей эскадры только четверемъ суждено было дойти до родныхъ береговъ. Мы ждали на сопкѣ часъ... полтора... но никто не появлялся. Море крѣпко хранило свою тайну.

Увы! Никто и не могъ появиться. Воды, такъ

ласкающія нашъ глазъ, слѣлались безвременной
могилой для нѣсколькихъ тысячъ вѣрныхъ сы-
новъ Россіи, грудью своей стоявшихъ за родину
и положившихъ свою жизнь за нее въ отчаянной
схваткѣ съ сильнѣйшимъ врагомъ въ роковой
часъ Цусимы.

Въ Октябрь 1965 года.

Лѣтомъ 1905 года на сухопутномъ театрѣ войны съ Японіей было затишье. Нашъ противникъ, пользуясь полученной имъ послѣ цусимскаго боя свободой дѣйствія на морѣ, систематически и безъ особой затраты силъ занималъ Сахалинъ.

Въ Нью — Йоркѣ прибылъ Витте. Можно быть разныхъ мнѣній о немъ, какъ о государственномъ дѣятелѣ, но какъ представитель Россіи на портсмутской конференціи онъ оказался болѣе чѣмъ на мѣстѣ.

Ему предстояла очень трудная задача: настроеніе широкихъ круговъ американскаго общества, столь сильно подогрѣвавшееся прессой за предыдущіе годы, продолжало быть ярко антирусскимъ. Надо полагать, что президентъ Теодоръ Рузвельтъ и его ближайшіе помощники уже начали тогда сознавать, что помогая островной азіатской державѣ въ ея борьбѣ съ Россіей, Америка сама, своими руками, создаетъ на Тихомъ океанѣ такую «цацу», какъ «великая Японія», но средній обыватель Соединенныхъ Штатовъ тогда еще этого не понималъ.

Большимъ мастеромъ показалъ себя Витте въ дѣлѣ вліянія на американскія массы. Онъ сразу

же сумѣлъ «влюбить» въ себя репортеровъ газетъ, толпа которыхъ окружала его на пароходной пристани. Въмѣсто враждебныхъ Россіи заголовковъ утреннихъ и вечернихъ изданій публика въ городахъ Америки стала читать слѣдующее: «Витте — демократъ по убѣжденіямъ», «Витте — сторонникъ гласности мирныхъ переговоровъ», «Витте требуетъ допуска представителей прессы на конференцію».

Витте, какъ извѣстно, обладалъ крупной фигурой. Но репортеры защелкивали его своими кодаками такимъ образомъ, что онъ казался великаномъ футовъ 9-10 ростомъ, настоящій Гулливеръ въ странѣ лилипутовъ, которыми являлись японскіе дипломаты, его оппоненты.

Витте, напомнивъ репортерамъ, что онъ старый желѣзнодорожный дѣятель, демонстративно пожалъ руку машинисту своего поѣзда, подойдя для этого къ паровозу и благодаря собрата по специальности за превосходное управленіе машиной. Фотографія эта облетѣла, можно сказать, весь міръ. Можно себѣ представить впечатлѣніе произведенное этимъ на американскую публику.

Члены японской делегаціи, избѣгавшіе интервью, осторожные и уклончивые въ сношеніяхъ съ прессой, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе утрачивали свой вѣсъ въ глазахъ Америки.

Портсмутскій мирный договоръ былъ подписанъ. Война окончилась, но, увы, это не принес-

ло ожидаемаго успокоенія для нашей родины. Начиная съ выстрѣла на крещенскомъ парадѣ и событій 9 января, все болѣе и болѣе назрѣвала волна безпокойства въ русскомъ обществѣ, былъ бунтъ на «Потемкинѣ», были кое-гдѣ мѣстные безпорядки. Съ концомъ войны начались массовыя забастовки на политической и экономической почвѣ, которыя и прокатились широкой волной по всему безграничному простору Россіи.

Во Владивостокѣ въ эти дни находился отрядъ подъ флагомъ свиты Его Величества контръ-адмирала Карла Петровича Иессена, состоявшій изъ крейсеровъ «Россія», «Громобой» и «Богатырь», на первомъ изъ которыхъ служилъ тогда пишущій эти строки. Въ городѣ было сосредоточено за время войны довольно много войскъ, но что всего больше бросалось въ глаза — это скопленіе всѣхъ видовъ полевыхъ госпиталей и лазаретовъ. По всей вѣроятности, медицинскіе дѣятели и сестры, скупавшіе вслѣдствіе затишья на фронтѣ въ разныхъ глухихъ мѣстечкахъ Маньчжуріи и Приморья, начали все болѣе и болѣе стягиваться къ Владивостоку. Говорили тогда, что по плану мобилизаціи докторскій персоналъ на Дальнемъ Востокѣ въ значительной своей части былъ изъ такъ называемаго «Западнаго края». Поэтому на Свѣтланской улицѣ во Владивостокѣ массаами стали встрѣчаться медицинскіе чины какого-то невидан-

наго раньше образца. Господа южнаго типа, очевидно, въ первый разъ въ жизни одѣвавшіе форменное платье съ погонами, кучками собирались на углахъ улицъ, все время оживленно о чемъ-то совѣщаясь.

Въ октябрѣ во Владивостокѣ вдругъ перестала получаться почта изъ Европейской Россіи. На нѣкоторое время прекратился приходъ сквозныхъ поѣздовъ изъ Петербурга и Москвы. Въ то же время пронесли туманные слухи: «Бастуютъ желѣзныя дороги», «Бастуетъ почта», «Объявлена всеобщая забастовка».

Наконецъ, была опубликована телеграмма съ манифестомъ 17 октября. Присланная безъ указаній, какъ слѣдуетъ этотъ манифестъ примѣнять, телеграмма эта не только не помогла дѣлу, но еще болѣе осложнила положеніе. Возвращавшіеся по вечерамъ съ берега наши офицеры съ негодованіемъ рассказывали о томъ, что сейчасъ во Владивостокѣ творится. Публичные митинги, ввиду словъ манифеста о свободѣ собраній, стали устраиваться самочинно съ присутствіемъ большого числа нижнихъ воинскихъ чиновъ. Самыми крикливыми ораторами изъ нихъ и наиболѣе дѣятельными распорядителями были «безработные доктора со Свѣтланской».

— Прямо уши вянутъ слушать, что на этихъ митингахъ говорится, — рассказывали офицеры, — тамъ стараются наши команды и сухопутныхъ солдатъ противъ правительства и властей на-

строить. И какъ это начальство такіе разговоры разрѣшаетъ, — недоумѣвали наши матросы съ «Россіи», побывавшіе на такомъ митингѣ.

Въ 20-хъ числахъ октября была получена телеграмма изъ Петербурга: «Отряду крейсеровъ взять на палубу пѣхотный резервный или запасный батальонъ и доставить его на сѣверный Сахалинъ», откуда японцы, стремясь какъ можно скорѣе демобилизовать свою армію, уже успѣли эвакуировать свои воинскія части.

Наканунѣ ухода въ море нашимъ офицерамъ стало извѣстно, что какому то береговому «комитету» очень хотѣлось, чтобы крейсера въ море не уходили. Члены его старались уговорить наши команды, чтобы тѣ объявили забастовку и удержали отрядъ во Владивостокѣ.

Но въ назначенный утренній часъ всѣ наши три корабля вышли изъ узкости Золотого Рога и, пройдя мимо Русскаго острова, направились по назначенію.

Въ предыдущіе два или три дня у насъ было много хлопотъ съ посадкой на суда сухопутной части, устройствомъ ея въ палубахъ и погрузкой имущества. Въ морѣ сразу все успокоилось и вошло въ свою норму. По вечерамъ на бакѣ при раскатахъ громкаго смѣха шло состязаніе нашихъ и сухопутныхъ плясуновъ, много удовольствія всѣмъ доставляли прекрасные хоры пѣсенниковъ.

Уходя, мы рассчитывали недѣли черезъ три

вернуться во Владивостокъ. Съ этимъ расчетомъ даже бѣлье прачкамъ на берегъ отправляли. Никому изъ насъ не приходила въ голову мысль, что отряду крейсеровъ не суждено будетъ вновь увидѣть столицу Приморья.

Въ морѣ было тихо. Въ телеграфной рубкѣ крейсера «Россія» слегка постукивалъ пріемникъ радіо — аппарата и тянулась бумажная лента. Станція на Русскомъ островѣ по временамъ давала свою повѣрку. Когда разстояніе до нея увеличилось, дежурный телеграфистъ надѣлъ на голову телефонный пріемникъ и сталъ записывать передачу изъ далекаго Владивостока.

Никакихъ особенныхъ извѣстій оттуда не приходило. Шла все та же обычная переключка двухъ станцій: «Хорошо-ли слышите» — «Пока слышу, а какой вы искрой даете» — «Даю полной, а кто сейчасъ на вахтѣ» — «Сидоровъ» — «А что же Никифорчукъ» — «Онъ съ шести вступаетъ» и т. п. Повидимому, на Русскомъ островѣ тогда сами не знали о томъ, что съ утра начиная происходило тогда на улицахъ Владивостока.

Около 4 часовъ всякая телеграфная связь съ Русскимъ островомъ за дальностью прекратилась. Такъ мы на нашемъ крейсерскомъ отрядѣ и ушли на далекій сѣверъ, не подозрѣвая о томъ, что черезъ часъ послѣ нашего ухода безпорядки, начавшіеся на Семеновскомъ базарѣ, перекинулись

на весь городъ. Столица Приморья, которая такъ радовала всѣхъ насъ за послѣдніе годы своимъ расцвѣтомъ и строительствомъ, внезапно подверглась «потоку и разграбленію». Хозяиномъ города оказалась дикая уличная чернь.

Вотъ что намъ рассказывали впоследствии очевидцы этого грустнаго событія:

Во время войны во Владивостокъ было прислано довольно много мобилизованныхъ слесарей и другихъ мастеровыхъ по металлу. Они считались на военно-морской службѣ, но работали въ военномъ порту вмѣстѣ съ вольнонаемными рабочими.

Изъ нихъ былъ образованъ отдѣльный рабочей полужулибжъ, помѣщавшійся въ казармахъ у самага входа въ портъ.

По сосѣдству съ полужулибжемъ этимъ находился хорошенькій домикъ особнякъ, принадлежавшій очень популярному на всемъ Дальнемъ Востокѣ дѣятелю въ области промышленности и торговли мѣстному старожилу Линдгольму. Передъ домомъ была устроена площадка для тенниса, отгороженная отъ улицы желѣзной рѣшеткой. На ней, обычно, по вечерамъ было оживленно и весело. Въ домѣ были барышни и это привлекало офицерскую молодежь съ судовъ.

Утромъ, въ день разгрома города, въ этотъ домъ вошло нѣсколько вооруженныхъ матросовъ

полуэкипажа и вѣжливо но настойчиво предложили всѣмъ обитателямъ дома немедленно выйти изъ него:

— Намъ приходится васъ безпокоить, потому что этотъ домъ мы сейчасъ сжигать будемъ.

— Зачѣмъ же вы его жечь хотите, вѣдь владѣлецъ дома — частный человѣкъ, ничего общаго онъ съ вашимъ начальствомъ не имѣетъ.

— Такъ то оно такъ, конечно, но очень ужъ все время неудобно было, потому что у васъ на дворѣ господа офицеры постоянно въ игры играютъ, а намъ приходится мимо нихъ ходить и честь отдавать. Такъ вотъ комитетъ нашъ и постановилъ, чтобы домъ сжечь.

Одинъ изъ судовыхъ офицеровъ крейсера «Россія» лейтенантъ Пржиленскій, получивъ командировку, долженъ былъ остаться во Владивостокѣ на время похода крейсеровъ на Сахалинъ. Раннимъ утромъ, передъ самымъ уходомъ крейсера въ море, онъ съѣхалъ на берегъ на т.-наз. Клубную пристань. Идти къ знакомымъ, у которыхъ онъ долженъ былъ остановиться, было слишкомъ рано и онъ, чтобы провести время поднялся въ морское собраніе и прошелъ во 2-й этажъ, въ читалку Морской библіотеки. Тамъ онъ сѣлъ въ кресло и взялъ газету.

П. былъ человѣкъ съ большой выдержкой, могущій проявить спокойствіе и хладнокровіе въ случаѣ неожиданности. Медленный въ словахъ, и

движеніяхъ, онъ производилъ впечатлѣніе на окружающихъ своею способностью никогда не теряться.

Случай показать это тутъ, какъ разъ представился. Съ шумомъ и грохотомъ вбѣжалъ въ читалку матросъ. Глаза его были дико выпучены, а въ рукахъ у него былъ обнаженный палашъ, которымъ онъ махалъ во всѣ стороны. Подскачивъ къ офицеру, онъ изо всѣхъ силъ рубанулъ палашомъ доски стола около кресла, за которымъ тотъ сидѣлъ.

П. не выпуская изъ рукъ газету и продолжая сидѣть, только спокойно, посмотрѣлъ на пришельца не говоря ни слова.

Лицо его выражало при этомъ даже какъ бы нѣкоторое соболѣзнованіе: «Что это съ тобою, милый человѣкъ, сдѣлалось. Или ты нездоровъ».

Матросъ опѣшилъ, онъ ожидалъ чего угодно, но не этого спокойствія. Подумавъ, онъ отложилъ въ сторону свое оружіе, поправилъ свой костюмъ и уже вполнѣ овладѣвъ собой почтительно доложилъ:

— Васкородіе. Вамъ бы лучше уйти изъ этого дома.

— Хорошо, голубчикъ, я уйду, а въ чемъ дѣло?

— Небезопасно здѣсь будетъ. Потому что наши ребята сейчасъ домъ подпаливать зачнутъ.

Въ прихожей два или три поджигателя лю-

безно подали П. пальто. Онъ сталъ искать свою фуражку. Тутъ опять появился на сцену «человѣкъ съ палашомъ». Онъ съ очень сконфуженнымъ видомъ подалъ П. его головной уборъ, разрубленный на двѣ части:

— Вы, васкородіе, меня пожалуйста извините. Я вѣдь не зналъ, что эта фуражка ваша и ее ненарокомъ попортилъ.

— Позвольте мы вамъ вашъ чемоданчикъ до квартиры донесемъ, предложили поджигатели.

— Нѣтъ, спасибо, не надо. Онъ легкій, я его и самъ донесу.

Когда П. вышелъ на улицу, то домъ собранія съ угловъ уже горѣлъ. Гибла морская библіотека, одно изъ лучшихъ и наиболѣе богатыхъ книгохранилищъ на Дальнемъ Востокѣ, собранное трудомъ нѣсколькихъ поколѣній. Пропало въ этомъ пожарѣ много рѣдкихъ изданій начала XIX вѣка, которыхъ ни за какія деньги не возстановишь.

Конецъ Свѣтланской былъ весь окутанъ сѣро багровымъ дымомъ, сквозь который по временамъ прорывались языки пламени. По улицѣ шныряли какіе-то субъекты съ узлами и мѣшками за спиной: шелъ во всю грабежъ магазиновъ и частныхъ квартиръ.

Рукою вандаловъ разрушался Владивостокъ, оплотъ русскаго вліянія на Тихоокеанскомъ побережьи.

Чувствовалось, что уже конецъ октября. Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ теплѣе приходилось одѣваться, вступая на вахту. Стояли ясные дни: осень въ этихъ водахъ — одно изъ лучшихъ временъ года.

Въ Татарскомъ проливѣ мы не встрѣтили обычныхъ здѣсь тумановъ. Передъ нами развернулась панорама береговъ сѣвернаго Сахалина. Правда, что на южномъ Сахалинѣ пишущему эти строки удалось быть въ самую лучшую пору: въ концѣ лѣта, а къ берегамъ сѣвернаго мы пришли, когда склоны холмовъ были уже запорошены снѣгомъ, но контрастъ былъ поразительный. Насколько первый изъ нихъ ласкалъ глазъ богатствомъ зелени и густотой лѣсовъ, настолько второй казался безжизненной пустыней, какой то страницей изъ Дантова ада.

— Это Дуэ, тамъ угольные копи, — сказалъ намъ штурманъ, показывая на темные мрачные прибрежные утесы, на которыхъ свѣтлыми пятнами выдѣлялся снѣгъ.

На рейдѣ Александровска насъ ждалъ сюрпризъ: почти на самомъ берегу безпомощной массой лежалъ на берегу большой грузовой пароходъ. Онъ былъ, видимо, покинутъ командой. Мы узнали въ этомъ суднѣ нашего стараго знакомаго. До войны онъ служилъ, какъ китобойное судно — фабрика китоваго жиру и принадлежалъ отставному лейтенанту флота графу Кайзерлингу. Въ первые же дни войны японцы захватили его, какъ

военный призъ, и онъ служилъ имъ въ качествѣ транспорта. Эвакуируя Александровскъ, войска микадо вынуждены были оставить намъ въ наслѣдство потерпѣвшій крушеніе пароходъ, убѣдившись, что снять его съ мели невозможно.

Лоція здѣшнихъ мѣсть гласитъ: если вѣтеръ начнетъ крѣпчать съ извѣстнаго румба и затѣмъ, постепенно мѣняя направленіе, переходитъ къ норд-весту, то рекомендуется всѣмъ, стоящимъ на якорѣ въ Александровскѣ судамъ немедленно, не теряя ни одной минуты, сниматься и уходить въ море. Иначе, сразу достигнувъ силы урагана, вѣтеръ неминуемо выброситъ замѣшкавшійся корабль на берегъ. Это и произошло, очевидно, съ пароходомъ, раньше принадлежавшимъ гр. Кайзерлингу.

Наши крейсера поэтому, стоя на такомъ опасномъ рейдѣ, не прекращали паровъ и все время держали машины прогрѣтыми. Началась высадка войскъ.

— Вотъ здѣсь была каторжная тюрьма, — говорили намъ немногочисленные аборигены Александровска, показывая на площадь съ торчавшими кое-гдѣ обгорѣлыми пнями. — А тутъ былъ домъ главнаго управленія округомъ. Его каторжане первымъ дѣломъ сожгли, ибо тутъ хранились ихъ документы и копіи судебныхъ дѣлъ.

Поселокъ въ большей своей части былъ стертъ съ лица земли пожаромъ во время бывшаго здѣсь безвластія. По счастью, уцѣлѣла пристань на сваяхъ, памятникъ, который себѣ здѣсь воздвиг-

нулъ капитанъ инженерныхъ войскъ Лансбергъ, сосланный на каторгу за убійство.

Проходя мимо одного дома, наши офицеры замѣтили сквозь стекло окна фигуру человѣка, по видимому, спокойно спящаго. Но когда и на другой день все та же фигура продолжала лежать въ той же позѣ — возникли подозрѣнія.

Оказалось: было убійство, человѣкъ былъ зарѣзанъ. Нашли и виновныхъ: одинъ оказался мѣстнымъ каторжаниномъ, а другой солдатомъ той воинской части, которую наши крейсера только что доставили. Сахалинскіе нравы выявились полностью.

Только что наши крейсера отправили на берегъ послѣднія шлюпки съ имуществомъ батальона и простились съ нашими гостями — сухопутными офицерами, какъ вѣтеръ сталъ, крѣпчая, переходить къ роковому нордвесту. «Россія» успѣла выхватить съ воды свои шлюпки и стремглавъ выскочить въ море. Часть гребныхъ судовъ остальныхъ двухъ крейсеровъ была подхвачена штормомъ и выкинута на берегъ. Крейсера вышли въ море безъ нихъ. По счастью, на шлюпкахъ никто не погибъ.

Въ морѣ творилось что-то невиданное. Казалось, что не отдѣльныя волны, а все море цѣликомъ бросилось намъ на встрѣчу. Съ трескомъ полетѣла на «Россіи» за бортъ добавочная стеньга безпроводочнаго телеграфа. Идущіе за нами

крейсера совсѣмъ пропадали въ облакѣ пѣны и брызгъ.

Становилось все тише по мѣрѣ приближенія къ гористому пустынному побережью материка Азіи. Прийдя на рейдъ Декастри, мы стали тамъ на якорь. Тамъ всю войну продержалась телеграфная станція. Сахалинскій кабель былъ обрѣзанъ японцами въ началѣ войны и еще не возстановленъ. Поэтому мы съ самаго ухода изъ Владивостока потеряли связь какъ съ нимъ, такъ и съ Петербургомъ.

Пользуясь случаемъ, была послана телеграмма въ морское министерство о нашемъ прибытіи въ Декастри. Ревизоръ (завѣдующій хозяйствомъ на суднѣ), который отвозилъ ее на станцію, привезъ съ собой странное и непонятное на первый взглядъ извѣстіе.

Ему сообщили, что служащіе на телеграфѣ во Владивостокѣ и ихъ семьи пострадали во время бывшаго въ городѣ погрома и для нихъ требуется помощь.

В такомъ видѣ дошла до насъ первая вѣсть о томъ, что происходило во Владивостокѣ въ день нашего ухода.

Изъ морского министерства мы сейчасъ же получили совершенно неожиданное приказаніе:

— Слѣдовать всѣмъ отрядомъ въ Либаву, отнюдь не заходя во Владивостокъ и, по возможности, избѣгая захода въ японскіе порты.

Мы поняли это приказаніе такимъ образомъ: начальство хочетъ насъ оберечь отъ соприкосновенія съ зараженнымъ духомъ мятежа Владивостокомъ. Впослѣдствіи мы, къ удивленію нашему, узнали, что о томъ, чтобы крейсера туда не заходили, просило мѣстное крѣпостное начальство. Оно боялось, что мы придемъ и начнемъ бомбардировать городъ.

Послѣ короткаго захода въ Александровскъ за оставленными тамъ шлюпками, крейсера вновь очутились въ открытомъ морѣ. Курсъ на югъ. Намъ предстоялъ длинный путь черезъ Китайское море, Индійскій океанъ, Красное и Средиземное моря. Прощай, русскій Дальній Востокъ! Многимъ изъ насъ, плававшимъ тогда на крейсерскомъ отрядѣ, никогда не довелось вновь увидѣть этотъ край свѣта.

Тревожный Июль.

Въ каютъ - компаніи крейсера «Богатырь», стоявшаго на якорѣ на Ревельскомъ рейдѣ, было шумно и оживленно. Вѣстовые торопливо разносили стаканы съ чаемъ собравшимся во время перерыва въ послѣобѣденныхъ занятіяхъ офицерамъ.

Центромъ вниманія былъ общій нашъ любимецъ капитанъ лейтенантъ Подгурскій, только что вернувшійся на крейсеръ изъ Петербурга, куда онъ ѣздилъ въ отпускъ на нѣсколько дней. Онъ рассказывалъ намъ о томъ, что онъ видѣлъ и что слышалъ въ сѣверной столицѣ.

Потыкавши пальцемъ на клавиши піанино, онъ подобралъ какой-то простенькій, никогда ранѣе нами не слышанный, мотивчикъ.

— Это я во дворцѣ Ольги Александровны слышалъ, — сказалъ онъ. — Весь Петербургъ сейчасъ эту пѣсенку напѣваетъ и великія князья ея увлекаются.

Нѣсколько силымъ баскомъ, слегка детонируя, Подгурскій продемонстрировалъ намъ модную пѣсенку:

Послѣдній нынѣшній денечекъ.

Гуляю съ вами я, друзья...

Теперь эта пѣсенка не покажется, вѣроятно, читателю очень новой. То что, я описываю. произошло лѣтомъ 1906 года.

Въ ноябрѣ и декабрѣ 1904 года, когда Портъ-Артуръ изнемогалъ, подвергаясь неустаннымъ атакамъ арміи Ноги, вся Россія съ замираніемъ сердца читала телеграммы изъ осажденной крѣпости; въ нихъ, вмѣстѣ съ именемъ генерала Кондратенко, значилось имя доблестнаго защитника Высокой горы лейтенанта Подгурскаго.

Когда онъ вернулся съ войны георгіевскимъ кавалеромъ, его въ Петербургѣ носили, что называется, «на рукахъ». Онъ сталъ своимъ человѣкомъ въ самыхъ высокихъ тамошнихъ кругахъ.

— Могу сообщить вамъ очень крупную новость, — сказалъ Подгурскій, закончивъ демонстрацію пѣсни. — Сегодня вечеромъ вы прочтаете въ газетахъ о томъ, что распущена Государственная Дума со всѣми господами Аладьиными и Алексинскими, которые такъ много шуму дѣлали.

Прошла недѣля, одна-другая. Въ газетныхъ телеграммахъ промелькнуло извѣстіе о съѣздѣ кадетской партіи въ Финляндіи и «Выборгскомъ воззваніи».

«Богатырь» стоялъ на рейдѣ въ Біоркэ. Шла погрузка угля. Этой работѣ послѣдніе годы придавалось большое военное значеніе. Введенъ былъ методъ спортивнаго состязанія между кораблями

и нашъ крейсеръ старался не уступить въ скорости погрузки своимъ сосѣдямъ: броненосцамъ «Цесаревичу» и «Славѣ». Поэтому и офицеры и гардемарины, назначенные для наблюденія за работой, въ старыхъ грязныхъ кителяхъ, покрытые ѣдкой, рѣжущей глаза, угольной пылью, своими руками подхватывали корзины съ углемъ.

Вечеромъ офицеры, вернушіеся съ пристани, сообщили, что финнъ, смотритель угольнаго склада, прочиталъ въ шведскихъ мѣстныхъ газетахъ телеграмму, дать точный переводъ которой онъ не сумѣлъ: «Что-то случилось въ Гельсингфорсѣ — были какіе-то безпорядки въ русскихъ воинскихъ частяхъ».

Въ іюлѣ въ Финляндіи бѣлыя ночи: «Одна заря смѣнитъ другую спѣшить, давъ ночи полчаса». Темными казались невысокіе каменистые берега пролива Біоркэ и рѣзкими силуэтами выдѣлялись на свѣтломъ фонѣ неба одинокія высокія сосны, когда на Гардемаринскомъ отрядѣ пробило семь склянокъ: половина четвертаго утра.

Старшій офицеръ «Богатыря», только въ полночь закончившій хлопоты съ погрузкой угля, внесшей много пыли и грязи во всѣ закоулки корабля, спалъ крѣпкимъ сномъ. Вдругъ какой-то неприятный шумъ сталъ проникать въ его сознаніе. Шумъ этотъ, казалось, все усиливался и, наконецъ, облекся въ реальную форму:

— Вскродіе... Васъ командеръ просятъ.

Унтеръ-офицеръ съ вахты стоялъ въ дверяхъ каюты съ докладомъ.

— Хорошо... Сейчасъ приду.

Быстро одѣваясь, старшій офицеръ сердито размышлялъ про себя:

«Что это за новости. День цѣлый на ногахъ, а тутъ еще и въ четвертомъ часу утра начальство начинаетъ требовать».

Но достаточно было взглянуть на командира, всегда невозмутимо спокойнаго и уравновѣшаннаго, а сейчасъ озабоченно и нервно шагавшаго изъ одного угла своей большой каюты въ другой, чтобы убѣдиться, что старшаго офицера потревожили не из-за пустяковъ.

— Вотъ, прочтите, — сказалъ командиръ, подавая своему помощнику телеграмму. Она была изъ Главнаго Морского штаба на имя командующаго Гардемаринскимъ отрядомъ капитана 1 ранга Бострема. Въ ней значилось приблизительно слѣдующее:

«Въ Свеаборгской крѣпости значительная часть гарнизона возстала съ оружіемъ въ рукахъ противъ законной власти. По Высочайшему повелѣнію Гардемаринскому отряду поручается возстановить тамъ законный порядокъ, дѣйствуя въ связи съ генералъ-лейтенантомъ барономъ Зальца, командующимъ оставшимися вѣрными присягѣ войсками».

— Стрѣлять намъ, вѣроятно, придется, — сказалъ командиръ. — А какъ вы думаете: можемъ мы на нашихъ людей вполне рассчитывать?

Въ головѣ старшаго офицера прежде всего промелькнула мысль: «Развѣ можно въ такія смутныя времена, когда такъ недавно безпорядки были и въ Черноморскихъ и Балтійскихъ портахъ, за что-нибудь ручаться»...

Но сейчасъ-же другая мысль вытѣснила первую: «Ужъ если кого посылать противъ бунтовщиковъ, то только насъ. На крейсерѣ сейчасъ около 80 офицеровъ и корабельныхъ гардемаринъ и болѣе полтора ста учениковъ унтеръ-офицеровъ. Такого крѣпкаго и надежнаго кадра, какъ на Гардемаринскомъ отрядѣ, больше ни у кого нѣтъ».

— Всѣ исполнять свой долгъ по присягѣ, — увѣренно доложилъ старшій офицеръ. — Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшихъ сомнѣній. Одно необходимо: дѣйствовать на чистоту и безъ всякой секретности. Какъ только выйдемъ въ море, надо вызвать команду наверхъ и полностью прочесть телеграмму съ высочайшимъ повелѣніемъ. Тогда никакихъ кривотолковъ и ложныхъ слуховъ не будетъ, а это самое главное.

Залитая солнцемъ панорама каменныхъ, хвоей поросшихъ, невысокихъ островковъ-шхеръ развернулась передъ «Цесаревичемъ» и «Богатыремъ», когда они подходили къ Гельсингфорсу. Уже

можно было различить на фонѣ берега полосатый входной маякъ Грохару, одиноко стоящій на камнѣ противъ Свеборга, какъ часовой на стражѣ.

Казалось тишиной и безмятежностью вѣяло отъ всей этой картины. Спокойное море точно ласкало шедшіе исполнять свой суровый военный долгъ корабли. Легкій вѣтерокъ развѣвалъ поднятые на нихъ андреевскіе флаги. Смотри на живописную группу шхеръ и купола гельсингфорскихъ церквей, выглядывающіе из-за гирлянды хвойнаго убранства, не вѣрилось, что среди этой кажущейся тишины притаилась измѣна.

Дали командѣ обѣдать. Офицеровъ также позвали завтракать въ каютъ-компанію раньше обычнаго часа.

— Вѣстовые. Поторапливайтесь съ подачей, — приказалъ старшій офицеръ «Богатыря». — Скоро будетъ боевая тревога.

Въ большомъ смущеніи были судовые артиллеристы. Шла работа по установкѣ новыхъ оптическихъ двойныхъ прицѣловъ для главной судовой 6-дюймовой артиллеріи крейсера. Старые простые прицѣлы были сняты мастерами Обуховскаго завода, а новыхъ установить еще не успѣли. Неожиданная стрѣльба застигла крейсеръ врасплохъ. Наводить орудія приходилось поэтому по способу пушкарей временъ царя Алексѣя Михайловича, то есть по дуламъ орудій.

Вдругъ «Богатырь» вздрогнулъ. Сильный

глухой ударъ, потрясшій весь крейсеръ, заставилъ каждого, не ожидая приказаній, выскочить на верхнюю палубу. Казалось, что взорвалось что-то на самомъ суднѣ.

Жуткое и грозное зрѣлище: громадный, въ версту вышиной, грибовидный столбъ буровато-желтаго дыму поднялся надъ Свеаборгомъ. Очевидно, взорвался погребъ съ сотнями пудовъ пороху. Было что-то зловѣщее въ этомъ взрывѣ. Всѣмъ почему-то подумалось, что это пострадала наша сторона, вѣрные присягѣ чины гарнизона.

Впослѣдствіи мы узнали, что «завоеватели свободъ», подававшіе заряды въ кокорахъ для стрѣльбы по войскамъ барона Зальца, закурили «цыгарки» въ погребахъ, а дымный порохъ, какъ извѣстно, очень не любитъ, когда въ присутствіи его курятъ.

Черезъ узкость Густав Сверта вышелъ изъ Гельсингфорса пароходъ-грузовикъ подъ нѣмецкимъ флагомъ. Когда съ нимъ сблизились, начальникъ отряда семафоромъ приказалъ «Богатырю»: «Принять лоцмана съ парохода и спросить, что дѣлается въ Гельсингфорсѣ и въ Свеаборгѣ».

Лоцманъ, старичекъ - финнъ, имѣлъ очень смущенный и напуганный видъ, когда неожиданно оказался на мостикѣ военного суда.

— Стрѣляютъ солдаты въ крѣпости, — только и могъ рассказать онъ. — Вчера вечеромъ

очень много стрѣляли и ночью тоже. И сейчасъ стрѣляютъ.

Стали получаться радіо-телеграммы отъ барона Зальца. Онъ сообщилъ о весьма трудномъ положеніи войскъ подъ его начальствомъ. Мятежники захватили Михайловскій и Александровскій острова со всѣми батареями на нихъ и угрожаютъ Комендантскому острову, на которомъ находится штабъ крѣпости и радіо-станція. «Прошу васъ поспѣшить приходомъ и немедленно обстрѣлять острова, занятые непріателемъ», — значилось въ его телеграммѣ.

Съ «Цесаревича», шедшаго головнымъ, капитанъ 1 ранга Бостремъ передалъ по радіо: — «Подойдя на 25 кабельтовыхъ (около 4 версты) къ крѣпости, открою огонь».

Когда эта телеграмма была получена «Богатыремъ», молодой мичманъ спросилъ старшаго штурмана:

— Почему это приказаніе пришло въ такой необычайной формѣ: открою огонь. Почему не было сказано: открыть огонь или предполагаю открыть огонь.

— А это, батенька, вотъ какъ надо понимать, — пояснилъ штурманъ, за годъ передъ тѣмъ побывавшій въ самомъ пеклѣ Цусимы: — Я-то на «Цесаревичѣ» огонь по крѣпости открою, а если вы, голубчики, на «Богатырѣ», не начнете стрѣлять одновременно со мной, то снаряды мои

полетятъ и въ крѣпость, и въ васъ. Это, милѣйшій мой, называется гражданской войной, когда сосѣдъ сосѣда долженъ нѣсколько опасаться.

Но вотъ мы пришли на указанное разстояніе. «Цесаревичъ» медленно разворачивается, показывая крѣпости свой бортъ, и стопорить машину. То же дѣлаетъ и «Богатырь».

Слышится рѣзкій тревожный звукъ сигнальных рожковъ «Тревога безъ дробей», то есть съ подачей боевыхъ, а не практическихъ снарядовъ. Люди разбѣгаются по своимъ орудіямъ. Носовая башня слегка шевелится. Орудія ея, словно оглядывая горизонтъ, катятся сначала вправо, потомъ влево. Кажется, будто башня сама, какъ живое существо, безъ людской помощи отыскиваетъ врага. Вся прислуга ея скрыта броней и невидима снаружи. Дула ея пушекъ медленно поднимаются — непріятель найденъ.

О старикѣ лоцманѣ на моментъ всѣ забыли. Онъ безпокойно посмотрѣлъ на лица стоявшихъ на мостикѣ офицеровъ и вдругъ, прижавшись къ стѣнкѣ штурманской рубки, началъ истерически рыдать, закрывъ лицо руками.

— Пожалуйста, — лепеталъ онъ, — не стрѣляйте по городу: тамъ у меня жена и дѣти.

Обычно въ моментъ вступленія въ бой судовому офицерству нѣкогда разглядывать: какое у cadaго изъ насъ выраженіе лица. Всѣ поглощены

своимъ дѣломъ. Но тутъ страшій офицеръ мелькомъ взглянулъ на своихъ сослуживцевъ, бывшихъ на мостикѣ, и сразу понялъ: почему бѣдный лоцманъ такъ взволновался. Всѣ невозмутимо спокойно дѣлали свое дѣло, но потемнѣвшія лица и суровое стальное выраженіе горѣвшихъ огнемъ рѣшимости глазъ яснѣе всякихъ словъ говорили, что сейчасъ ставка — жизнь и что пощады врагу не будетъ.

— Успокойтесь, — сказали лоцману. — Въ городъ ни одинъ снарядъ не попадетъ, Мы будемъ стрѣлять только по фортамъ. Ваша семья въ полной безопасности.

Яркій, но холодный всплескъ зеленовато-желтаго огня на моментъ освѣтилъ надстройки на «Цесаревичѣ». Могучій глухой ударъ выстрѣла 12-дюймовки и гулъ снаряда, удаляющагося по направленію къ берегу. Башни броненосца начали пристрѣлку. Сейчасъ же заговорилъ и «Богатырь». Мятежные форты стали окутываться сплошнымъ облакомъ дыма отъ разрыва нашихъ снарядовъ, когда оба корабля перешли на «бѣглый огонь».

Со стороны Лонгернскаго пролива показался небольшой парходикъ: повидимому, одинъ изъ тѣхъ казенныхъ крѣпостныхъ парходовъ, которые обычно буксируютъ щиты при практическихъ стрѣльбахъ.

— Бѣлый флагъ на емъ, — доложилъ матросъ сигнальщикъ.

Появленіе бѣлаго флага, признака сдачи на капитуляцію, конечно; никого бы не удивило при данныхъ обстоятельствахъ, когда мятежные форты попали подъ жестокой обстрѣлъ съ двухъ современныхъ боевыхъ судовъ, но лейтенантъ, стоявшій на мостикѣ рядомъ съ командиромъ, посмотрѣвъ въ свой цейсъ, увидѣлъ, что флагъ на бѣлый не похож. И на трехцвѣтный — тоже. Скорѣе всего, что флагъ этотъ — красный.

— Крѣпостной пароходикъ идетъ прямо къ намъ, — доложилъ лейтенантъ командиру. — Можно ли подпустить его къ борту?

— Ни въ коемъ случаѣ, — рѣзко и определенно приказалъ командиръ.

Когда крейсеръ всѣмъ бортомъ дѣйствуетъ по непріятелю, такого рода приказаніе имѣетъ не совсѣмъ обычное значеніе. Лейтенантъ, убѣдившись, что у 47-миллиметровой пушки, стоящей подъ переднимъ мостикомъ, имѣется достаточное количество боевыхъ патроновъ, приказалъ комендору:

— Наводи въ воду подъ самый носъ парохода.

Когда пароходикъ приблизился, на немъ стали видны стоявшіе живописной группой въ независимыхъ позахъ какіе-то люди, очевидно, «сознательные товарищи». Нѣкоторые изъ нихъ были въ гимнастеркахъ безъ пояса и въ шинеляхъ внакидку. Другіе — растегнутыхъ мундирахъ. Всѣ они

имѣли развязный видъ. Въ тѣ времена это было зрѣлище, къ которому глазъ еще не привыкъ.

Лейтенантъ самъ провѣрилъ наводку пушки. «Пли», — скомандовалъ онъ. Первый снарядъ, разорвавшійся и взрывшій фонтаномъ воду подъ носомъ парохода, какъ будто только нѣсколько удивилъ его пассажировъ. Буксиръ уменьшилъ ходъ. Второй, легшій у самага форштевня, обдалъ всю эту компанію брызгами воды. Пароходъ, повидимому, застопорилъ машину, но все еще продолжалъ приближаться къ «Богатырю» по инерціи. Третій снарядъ, пущенный черезъ головы, разорвался, ударившись о паровыпускную трубку парохода. Аккустическій эффектъ этого разрыва былъ таковъ, что всѣ «борцы за свободу» оказались лежащими, уткнувшись носомъ въ палубу. Машина буксира бѣшено заработала на задній ходъ. Краснаго флага, какъ будто бы, никогда и не бывало.

Тотчасъ же къ буксиру подошелъ паровой катеръ съ «Цесаревича». На немъ офицеръ съ вооруженной командой. «Товарищи», торопливо приводя свой костюмъ въ порядокъ, стали послѣшно строиться во фронтъ въ двѣ шеренги. Ихъ переписывали, а въ катеръ тѣмъ временемъ грузили отобранное у мятежниковъ оружіе: ружья и револьверы.

Вскорѣ на «Богатырь» прибылъ офицеръ съ «Цесаревича» и тогда мы узнали, что за люди были на арестованномъ пароходѣ.

На немъ находился почти въ полномъ составѣ крѣпостной революціонный комитетъ. У этого комитета было соглашеніе съ такимъ же комитетомъ на крейсерѣ «Память Азова», стоявшемъ въ Ревелѣ. Въ этотъ день должно было вспыхнуть возстаніе одновременно и въ Свеаборгѣ и на «Памяти Азова», послѣ чего этотъ крейсеръ вмѣстѣ съ броненосцемъ «Александръ II» долженъ былъ, перебивъ своихъ офицеровъ, прійти въ Гельсингфорсъ и огнемъ своихъ орудій заставить войска бар. Зальца присоединиться къ бунтовщикамъ.

Стала выясняться понемногу вся картина свеаборгскаго возстанія:

Наканунѣ нашего прихода русскій кадровый офицеръ артиллеріи штабсъ-капитанъ Ціонъ, видимо партіецъ и умѣлый агитаторъ, сговорившись съ лидерами крайней лѣвой финской социалистической партіи, поднялъ военный бунтъ въ нѣкоторыхъ артиллерійскихъ и инженерныхъ частяхъ крѣпости.

Изъ офицеровъ сообщникомъ его былъ только одинъ совсѣмъ юный подпоручикъ, который и поплатился за это жизнью.

Финская красная гвардія сдѣлала попытку захватить въ свои руки городъ Гельсингфорсъ и, въ частности, территорію военнаго порта на полуостровѣ Скаттуденъ. Одно время имъ удалось даже поднять красный флагъ на портовомъ флагштокѣ, при чемъ смертю героя погибъ молодой офицеръ

мичманъ Деливронъ, когда онъ срывалъ этотъ флагъ. Въ самомъ городѣ безпорядки были прекращены образовавшейся тотчасъ же изъ гражданъ бѣлой гвардіей.

Большая часть гарнизона за Ціономъ не пошла. Послѣ страшнаго взрыва порохового погреба на форту, его сторонники пали духомъ, число ихъ какъ будто стало уменьшаться. Въ это время съ моря показались два военныхъ судна: броненосецъ и крейсеръ. По числу дымовыхъ трубъ и мачтъ корабли эти точно соотвѣтствовали описанію ожидаемыхъ столь страстно: «Памяти Азова» и «Александра II». Ликованіе среди повстанцевъ не знало границъ. — Идетъ намъ помощь съ моря. Теперь то ужъ мы справимся и съ Комендантскимъ островомъ и городъ захватимъ, — думали они.

Суда развернулись, показали свои сѣрые грозные силуэты и борта ихъ вдругъ загорѣлись вспышками выстрѣловъ. — Но что же это значитъ: ихъ снаряды летятъ совсѣмъ не туда, куда надо. — Приверженцы Ціона, собравшіеся на брустверахъ фортовъ, чтобы полюбоваться разгромомъ столь неприятнаго для нихъ Комендантскаго острова, побѣжали, когда снаряды стали рваться среди нихъ.

— Что за болваны... Они сдуру по своимъ стрѣляютъ, — сказалъ Ціонъ и немедленно послалъ помощника подпоручика и съ нимъ почти весь революціонный крѣпостной комитетъ на «Память Азова» для того, чтобы они взяли управленіе судами въ свои руки. — Красный флагъ подымите

на пароходѣ, — приказалъ онъ, что бы товарищи на судахъ видѣли, что къ нимъ подходятъ свои.

Самъ онъ, однако, предусмотрительно на суда не поѣхалъ.

Увидя какую встрѣчу получилъ пароходъ съ съ комитетомъ, Ціонъ приказалъ орудіямъ на фортахъ открыть огонь по кораблямъ. Какъ онъ рассказываетъ въ своихъ изданныхъ впоследствии воспоминаніяхъ о Свеаборгскомъ возстаніи, онъ сразу понялъ, что дѣло бунта безвозвратно проиграно. Поэтому, бросивъ довѣрившихся ему людей на произволъ судьбы, онъ скрылся на шлюпкѣ переодѣвшись и въ скоромъ времени, перейдя границу, оказался въ Швеціи.

Арестованный буксирный пароходъ, когда все оружіе было съ него взято, перешелъ на новое якорное мѣсто, чтобы не мѣшать нашей стрѣльбѣ. Людей на его палубѣ, когда онъ проходилъ мимо «Богатыря», не было видно, но кто-то жалобно плаксивымъ тономъ крикнулъ намъ: «Спасите... Мы тоже за царя». Видимо, еще лелѣялась надежда, что «Богатырь» и «Цесаревичъ» примкнутъ къ бунтовщикамъ. Дабы не было попытокъ къ бѣгству послѣ постановки на якорь, нѣкоторыя важныя части машины парохода были взяты на «Цесаревичъ» и пары на немъ прекращены. Члены комитета, увидя въ какую бѣду они попали, принявъ «Богатырь» за «Память Азова», сидѣли по рознь другъ отъ друга, молча и предавались мрачнымъ размышленіямъ.

Стрѣльба съ крѣпости по намъ не принесла намъ никакого вреда. Несмотря на малое разстояніе, все время были недолеты. Можно думать, что прислуга орудій на фортахъ въ силу необходимости, подъ угрозами, присоединилась къ повстанцамъ, а попадать въ суда не хотѣла.

Баронъ Зальца все время передавалъ по радіо корректировку нашей стрѣльбы, очень беспокоясь чтобы перелеты не попали въ городъ Гельсингфорсъ. Огненный шаръ солнца уже сталъ касаться острововъ на горизонтѣ, а ожидаемаго бѣлаго флага на фортахъ все еще не было. Орудія наши гремѣли неустанно и приходилось уже подсчитывать: сколько остается въ погребахъ патроновъ. Уже давно прекратилась стрѣльба съ фортовъ по намъ. Было очевидно что возстаніе приходитъ къ концу, а сигнала о сдачѣ все нѣтъ какъ нѣтъ.

Потомъ выяснилось что мятежники въ Свеаборгѣ имѣли всѣ основанія рассчитывать на приходъ «Памяти Азова» имъ на помощь. Въ тотъ вечеръ, когда огнемъ судовъ Гардемаринскаго отряда ликвидировалось Свеаборгское возстаніе, на крейсерѣ этомъ, стоявшемъ на якорѣ въ одной изъ бухтъ Южнаго побережья залива, начались беспорядки. Былъ раненъ адмиралъ, начальникъ Учебно артиллерійскаго отряда, а командиръ «Памяти Азова» и нѣсколько офицеровъ были убиты. Крейсеръ оказался въ рукахъ бунтовщиковъ, но было уже поздно. Идти къ Гельсингфорсу уже

не имѣло смысла. Силою самой команды, подъ предводительствомъ нѣсколькихъ смѣлыхъ и вѣрныхъ присягѣ людей изъ ея состава зачинщики бунта, т. наз. «комитетъ», были схвачены и переданы законнымъ властямъ. На «Александрѣ II» никакихъ выступлений не было.

Т. к. Ціонъ сбѣжалъ, а помощники его, захваченные нами на крѣпостномъ пароходикѣ, сидѣли подъ крѣпкимъ замкомъ, то распорядиться подъемомъ бѣлаго флага на крѣпостныхъ веркахъ было некому. Злополучные «статисты» революціи безпомощно метались на фортахъ, стараясь спрятаться отъ дождя нашихъ снарядовъ.

Послѣдній актъ драмы этого памятнаго дня наступилъ, когда солнце сѣло и наступили блѣдныя сѣверныя сумерки. Какъ только нѣсколько потемнѣло, въ проливахъ между островами показались шлюпки съ бѣглецами. Съ фортовъ люди бѣжали, какъ тараканы, которыхъ ошпариваютъ кипяткомъ.

Огонь съ судовъ былъ тотчасъ же прекращенъ. Были посланы паровые катера, вооруженные орудіями, захватить бѣгущихъ повстанцевъ. Одинъ или два снаряда, выпущенные катерами черезъ головы этихъ людей, сразу же останавливали шлюпки. Одна за другой онѣ подходили къ катерамъ. Отъ людей сейчасъ же отбирались винтовки и револьверы послѣ чего шлюпки отбуксировывались къ судамъ.

На верхней палубѣ «Богатыря» появились

длинные шеренги людей въ сѣрыхъ шинеляхъ. Солдаты истово становились во фронтъ, тщательно соблюдая выправку и равеніе, и отчетливо отбивали каблуками шагъ, когда фронтъ переводили съ мѣста на мѣсто. По командѣ «Смирно» замирали и «ѣли начальство глазами».

— «Съ чего же это вы, дурьи головы, бунтовать затѣяли».

— «Вашъ Бродъ, Да вѣдь со своей воли на такое дѣло никакъ не пойдешь. А тутъ у насъ вдругъ такое затѣялось, что всѣ идутъ. А кто не шелъ тѣмъ говорятъ: Мы вамъ всѣмъ сейчасъ же башки поотвертаемъ»,

1 Сентября 1923 года.

Въ 1923 году широко раскинувшійся на побережьѣ Токійскаго залива портовый городъ Йокогама жилъ своей обычной хлопотливой жизнью. Европейскіе и американскіе «бизнесмены», владѣющіе особняками на Блеффъ, были тамъ тѣмъ могущественнымъ центромъ, вокругъ котораго копошилось, снискивая себѣ пропитаніе, туземное населеніе, насчитывавшее нѣсколько сотъ тысячъ чело-вѣкъ.

Почти у cadaго особняка была небольшая пристройка для японской прислуги. Главными персонажами тамъ были «кукъ санъ» — повар и «бой санъ» — камердинеръ. Былъ еще «дженрикша» — возница, онъ же разсылный. Были разные приборщики, судомойки и пр. Всѣ они по большей части были родственники и изъ одной деревни. Тутъ же жила обычно и родня ихъ, старыя бабушки и дѣти различнаго возраста. Вся эта ватага, очевидно, тутъ же и кормилась около господской кухни. Такъ ужъ заведено было. Зато хозяинъ дома и его домочадцы получали отъ своей челяди такой почетъ, какъ принцы крови.

Русская эмиграція, главнымъ образомъ, колчаковцы, эвакуаціи 1920 года, насчитывала въ Йокогамѣ 3 или 4 сотни душъ. Жили они, конечно, не столь парадно, какъ англичане или американцы,

но въ большинствѣ все же кое-какъ сводили концы съ концами. Ручнымъ трудомъ имъ нельзя было заниматься — это была привиллегія японцевъ. Ходили по окрестнымъ селеніямъ и продавали мѣстнымъ жителямъ «отрѣзы» сукна. Отставной генераль-майоръ торговалъ пончиками на рынкѣ. Былъ нѣкоторый спросъ на уроки русскаго языка, учениками были какъ европейцы, такъ и японцы.

Имѣлся кружокъ подъ названіемъ «Русское собраніе», получавшій одно время субсидію отъ атамана Семенова. Поэтому кружокъ могъ нанять домъ, въ которомъ устроилась и русская церковь Службы въ ней по воскресеньямъ и праздникамъ совершалъ епископъ Михаилъ Ставропольскій. Церковной розни въ тѣ времена еще не было.

Во флигелькѣ у дома собранія пріютилась «Русская гимназія», школа съ программой министерскихъ реальныхъ училищъ. Она была оборудована о-вомъ Краснаго Креста. Учениковъ въ ней никогда не было много, не больше 20. Родители въ тѣ времена разсуждали такъ: «Не бѣда, если ребенокъ и забудетъ говорить по-русски. Въ іезуитскомъ колледжѣ или въ конвентѣ, по крайней мѣрѣ, по-англійски научится».

Тѣмъ не менѣе школа послѣ лѣтняго перерыва предполагала начать учебныя занятія въ серединѣ сентября. Школѣ очень помогали представитель м-ва финансовъ г. Миллеръ и морской агентъ въ Токио контръ адмиралъ Дудоровъ.

Въ томъ же флигелькѣ былъ устроенъ Дамскимъ комитетомъ складъ бѣлья и платья, которымъ снабжались неимущіе русскіе, пробиравшіеся тогда изъ Харбина въ Соед. Штаты по «большой» квотѣ. Жертвовали въ складъ, главнымъ образомъ, богатые англичане и американцы, уѣзжавшіе изъ Іокогамы на родину и охотно отправлявшіе въ складъ все, что не хотѣли увозить съ собой. Комитетъ держалъ въ складѣ постоянное дежурство.

День 31 августа былъ жаркій. На мачтѣ морского телеграфа были подняты сигнальные шары и конуса, обозначавшіе, что завтра ожидается вѣтеръ съ силою шторма.

У пристани стоялъ застрявшій въ Іокогамѣ из-за ремонта въ машинѣ большой пароходъ «Мессажери Маритимъ». «Идите, пользуйтесь случаемъ» — говорили одна другой русскія дамы. «У парикмахера парохолы вы можете за грошъ купить настоящіе французскіе духи и пудру». Японіей на эти товары были наложены чисто запретительныя пошлины и парикмахеръ бойко торговалъ контрабандой.

Увы, нѣкоторымъ изъ его покупательницъ ни духи, ни пудра не были на другой день больше нужны.

Ночью собаки на улицахъ были какъ-то по особенному. «Что это онѣ сегодня такъ развылись» — замѣтили многіе. У живогныхъ больше чѣмъ

у человека развито чувство предвидѣнія сильныхъ колебаній почвы.

За нѣсколько мѣсяцевъ до рокового дня 1 сентября Йокогама получила какъ бы предупрежденіе о возможности катастрофы. Сильнымъ толчкомъ было повреждено нѣсколько зданій, въ томъ числѣ театръ на Блеффѣ и падающими кирпичами была убита дѣвочка китаянка. Кое-кто изъ русскихъ послѣ этого уѣхалъ изъ Йокогамы. «Уѣзжайте» — совѣтовали они остающимся, — здѣсь жить опасно».

Статистика показываетъ, что число землетрясеній въ Йокогамѣ въ теченіе года, приблизительно, равняется числу дней въ году. Большинство ихъ отмѣчается только приборами, но иногда, когда подъ утро кровать подъ Йокогамскимъ обывателемъ начинаетъ качаться, какъ бы желая его сбросить на землю, онъ сердито ворчитъ — «ну, скоро ли это кончится: спать мѣшаетъ». Къ землетрясеньямъ всѣ привыкли и забыли, что 70 лѣтъ передъ тѣмъ районъ этотъ постигла грандіозная катастрофа, описанная Гончаровымъ во «Фрегатѣ Паллада».

1 сентября за 5 или за 6 минутъ передъ полднемъ, конторы въ даун-таунѣ были еще полны служащихъ, собиравшихся уходить домой завтракать, когда послѣдовалъ первый толчекъ и сразу же наступило небывалое бѣдствіе.

Кругомъ былъ адъ, смѣшеніе грохота падаю-

шихъ стѣнъ сосѣднихъ кирпичныхъ, зданій и шума самой волнуемой, почвы. Земли, твердой почвы, нашей постоянной опоры, больше не стало. То, что было подъ ногами, судорожно и неправильными толчками бросалось изъ стороны въ сторону. Рука инстинктивно хваталась за стволъ ближайшаго куста, но кустъ самъ, какъ маятникъ, гулялъ туда и сюда, каждый разъ съ силою удара того, кто за него держался. Какъ оказалось впоследствии амплитуда такихъ колебаній в Токогамѣ достигла 3 ф.

Въ русской гимназiи одинъ изъ педагоговъ стоялъ у дверей лѣстницы, ведущей изъ 2-го этажа въ садъ. Первымъ же колебаніемъ онъ былъ сброшенъ на травяную лужайку.

Стѣны флигелька гимназiи сильно качнулись. Еще толчекъ и вся постройка разомъ повалилась подъ гору. Тотчасъ же изъ груды образовавшихся обломковъ появился дымокъ, языки пламени, а черезъ нѣсколько минутъ куча строительнаго мусора уже представляла изъ себя одинъ большой костеръ. Какъ карточный домикъ рассыпался на глазахъ домъ Русскаго общества съ церковью.

Нужно добратъся до дому, пользуясь тѣмъ, что ярость ударовъ уменьшилась, но гдѣ же дорога: ее нѣтъ. Весь городъ совершенно измѣнился. Развалинами завалило улицы. Впечатлѣніе такое, какъ будто попалъ въ совершенно новое мѣсто, гдѣ никогда не бывалъ. Высокія

колокольни нѣсколькихъ церквей, которыя такъ ярко выдѣлялись прежде на фонѣ неба, больше не существовали. Кругомъ не видно ни одного цѣлаго дома. Идя, нужно было все время перелѣзть черезъ горы развалинъ. А кругомъ стонъ стоитъ: истерическіе крики женщинъ и вопли умирающихъ. Дѣлается попытка поднять упавшія балки, изъ подъ которыхъ слышится голосъ какой-то старухи японки. Никакіе рычаги не помогаютъ. Тутъ нуженъ кранъ или домкраты. Между тѣмъ огонь все больше охватываетъ эти балки. Уже нельзя оставаться вблизи ихъ.

Преподаватель русской гимназіи, капитанъ I ранга, подбѣжалъ на крики о помощи. Около дома мечется, ломая въ отчаяніи руки, одинъ изъ обитателей Блеффа, перуанскій посланникъ, и взволнованно кричитъ что-то по-испански. Два мальчика, его сыновья были придавлены падающей балкой и онъ не можетъ ихъ освободить. Между тѣмъ пламя все больше охватываетъ домъ. Морякъ заставилъ потерявшаго голову папашу себѣ помогать и ему удалось рычагомъ приподнять бревно и спасти молодыхъ перуанцевъ какъ разъ въ послѣдній моментъ. Спустя минуту было бы уже поздно.

Экспансивный южанинъ заключилъ спасителя дѣтей въ свои объятія и жестикулируя, провозгласилъ: «Ты теперь мнѣ какъ братъ до конца моей жизни». Но спасителю нѣтъ времени слушать эти изліянія чувствъ: крики о помощи не умолкаютъ.

Среди всего этого разгрома удивительнымъ явленіемъ былъ приходъ японскаго городского съ его металлической коротенькой сабелькой. Вѣроятно, у него самого, бѣдняги, домъ былъ разрушенъ и вряд-ли онъ зналъ цѣла-ли его семья, но онъ былъ на своемъ посту, невозмутимо приглашая уцѣлѣвшихъ европейцевъ собраться въ наиболѣе безопасное мѣсто: садъ британскаго госпиталя.

Теннисныя площадки, окруженныя деревьями, дѣйствительно на первый взглядъ казались надежнымъ убѣжищемъ, но вскорѣ весь окружающій госпитальный садъ районъ обратился въ одно море огня. Вѣтеръ усилился до силы шторма и горючіе газы все болѣе и болѣе стали охватывать госпитальный садъ. Куда-то постепенно исчезли всѣ, ранѣе наполнявшіе садъ. Одно за другимъ стали вспыхивать деревья надъ головой. Платье то и дѣло начинало тлѣть отъ падающихъ искръ. Дышать стало тяжело. Между тѣмъ выхода изъ сада больше нѣтъ, онъ обратился какъ бы въ ловушку. Со всѣхъ сторонъ стѣна огня, а со стороны, обращенной къ морю крутой, почти вертикальный обрывъ саженъ 10 — 12 высотой. «Не подходите къ краю обрыва» — предупреждалъ кто-то: онъ осыпается.

Въ серединѣ сада была маленькая ложбинка, какъ бы оврагъ. Тамъ стояла скамейка, а на ней спокойно и казалось невозмутимо сидѣлъ какой-то японецъ, разложившій около себя кучку за-

вернутыхъ въ одѣяла вещей. «Очевидно, въ этой ложбинкѣ наше спасенье: туда не проникаютъ горящія газы». Когда подошли поближе, то увидѣли почему японецъ сидѣлъ столь неподвижно. Онъ уже успокоился навѣки — задохся. Синіе огоньки пламени уже пробѣгали по его одеждѣ.

Очевидно и нашъ чередъ идти по тому же пути, какъ этотъ японецъ, приближался. Выборъ былъ только: задохнуться ли, оставаясь въ саду, или разбиться о камни, прыгнувъ съ обрыва. Вспомнилось описаніе Плиніемъ Младшимъ его переживаній въ Помпеѣ. Какъ это похоже на то, что выпало на нашу долю.

Когда, отступая все больше и больше къ краю обрыва, мы дошли до послѣдней черты, мы вдругъ увидѣли что къ стволу дерева, стоящаго своими корнями у самаго края, привязана веревка. Она опускается книзу, не хватая только на сажень или на двѣ до дна.

Внизу насыпной грунтъ, обширная искусственно сдѣланная площадь для будущихъ гаванскихъ построекъ. Тутъ уже нѣтъ пожаровъ потому что нѣтъ и зданій. Земля продолжаетъ по временамъ трястись, но нѣтъ падающихъ на голову кирпичей. Понемногу на площадку эту стали собираться всѣ, кому удалось выбраться изъ того ада, въ который обратились Іокогамскія улицы.

Изъ Европейскаго торговаго раіона «даунъ тауна» кажется никому не удалось спастись. Жена и дочь контръ — адмирала С. передъ

самымъ полднемъ пошли туда дѣлать покупки. Ихъ видѣли въ послѣдній разъ, когда онѣ входили въ этотъ районъ, а затѣмъ исчезли безвозвратно. Какъ погибли онѣ и многіе другіе никто не знаетъ, ибо всѣ свидѣтели ихъ смерти погибли вмѣстѣ съ ними. Даже костей погибшихъ нельзя было собрать, ибо вся Іокогами была какъ бы сглажена до земли все пожирающимъ огнемъ.

Рѣдкая русская семья въ Іокогамѣ не потеряла кого-нибудь. Много погибло въ большомъ 4-этажномъ обложенномъ кирпичами строеніи, которое иногда называли «русскимъ домомъ», т. к. большинство его обывателей были наши соотечественники. Когда домъ этотъ рухнулъ, то спаслось только нѣсколько человѣкъ, успѣвшихъ выскочить изъ нижняго этажа. Какъ это ни кажется страннымъ, уцѣлѣлъ кое-кто изъ бывшихъ въ самомъ верхнемъ этажѣ. Они спустились вмѣстѣ со всѣмъ домомъ.

Русскій подрядчикъ съ женой были въ этомъ домѣ придавлены балкой. Трое мальчугановъ, ихъ сыновя, 9-12 лѣтъ, тщетно пытались сдвинуть балку. На ихъ глазахъ отецъ и мать сгорѣли живыми.

Изъ учениковъ нашей гимназіи погибла ученица 6 класса Таня Гурко и ученикъ 2 класса Хрещатицкій. Его отчимъ генераль-лейтенантъ Хрещатицкій, бывшій начальникъ Уссурійской казачьей дивизіи, былъ тяжело раненъ.

Къ вечеру всѣ уцѣлѣвшіе европейцы были

забраны на канадскій и французскій пассажирскіе пароходы. Моряки приняли насъ съ сердечнымъ гостерпіимствомъ.

Черезъ нѣсколько дней на развалинахъ бывшей русской церкви протоіереемъ О. Петромъ Булгаковымъ, преподававшимъ Законъ Божій въ нашей гимназій, была отслужена торжественная панихида по многимъ нашимъ соотечественникамъ, нашедшимъ себѣ въ Юкогамѣ безвременную кончину. Каильный дымъ стлался тамъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ пламя пожара и падающія части строеній вырывали людей изъ числа живыхъ и надъ пустыремъ, въ который обратился когда то цвѣтушій и красивый садъ — городъ Блеффа, неслась мелодія заукойнаго служенія:

«Упокой, Господи, души усопшихъ рабъ Твоихъ. Имена же ихъ Ты, Господи, вѣси».